L. russ.
o.
10d
p ko

EX LIBRIS
P T
PROF. PETER TH

Ram. 6 cm 201

РОССІЯДА,

ПОЭМА

ЭПИЧЕСКАЯ.

Изданіе второе, исправленное пересмотрѣнное и дополненное.

Отд IV 11/1579

МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи у Н Новикова,

1786.

Смоленской Гимназіи Библіотеки.
Р. 6. N 11.

g 2018/937
STAATSBIBLIOTHEK BAMBERG

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россійское государство въ самыя отдаленныя времена, которыя намъ древніе Историки извѣстными учинили, было сильно, сосѣдамъ страшно, многими народами уважаемо; оно ни единой Европейской державѣ славою, силою, изобиліемъ и побѣдами, по тогдашнему государствѣ состоянію, не уступало; а пространствомъ своимъ всѣ прочія, какъ и нынѣ, превосходило. Но послѣ Великаго Князя *ВЛАДИМИРА* разторженіе Россіи на разныя владѣнія, удѣльныя княжества, междоусобія, неустройства и властолюбіе размножившихся Князей, время отъ времяни силы ея истощать начинали; а наконецъ позорному игу сосѣдственныхъ Ордъ подвергли. Съ того времяни угасла прежняя Россійская слава, и въ цѣломъ мірѣ едва извѣстною она учинилась; она подъ своими развалинами будто безчувственна близь трехъ вѣковъ лежала. Сіе жалостное и позорное состояніе, въ которое Россію утѣсненіе отъ Татаръ и самовластіе оныхъ погрузило; отторженіе многихъ княжествъ, прочими сосѣдами у ней похищенныхъ; неспокойство внутреннихъ ея мятежниковъ, вовсе изнурявшихъ свое отечество; сіе состояніе къ совершенному паденію ее наклоняло; оно простерлось до времянъ Царя *ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА* Перваго, вдругъ возбудившаго Россію, уготовавшаго оную къ самодержавному правленію, смѣло и бодро свергшаго иго Царей Ордынскихъ,

скихъ, и возставившаго спокойство въ нѣдрахъ своего государства. Но царство Казанское при немъ еще не было разрушено; Новогородцы еще не вовсе укрощенны были; сосѣдственныя державы должнаго уваженія къ Россіи еще не ощутили. Сія великая перемѣна, въ какую сіе государство перешло изъ слабости въ силу, изъ уничтоженія въ славу, изъ порабощенія въ самовластіе; сія важная и быстрая перемѣна произошла при Внукѣ Царскомъ *ІОАННѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ* Второмъ, который въ сей Поэмѣ воспѣвается.

И такъ не должно ли царствованіе *ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА* Втораго поставлять среднею чертою, гдѣ Россія, до самаго бѣдственнаго состоянія достигнувъ, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, близь трехъ вѣковъ ею потерянную? Когда вообразимъ въ мысляхъ нашихъ государство, совсѣмъ разстроенное, отъ сосѣдственныхъ державъ угнѣтенное, внутренними безпокойствами раздираемое, несогласіемъ многоначальства волнуемое, иновѣрцамъ порабощенное, собственными вельможами разхищаемое; когда все сіе вообразимъ, и представимъ себѣ младаго Государя, самодержавную власть пріемлющаго, неустройства въ отечествѣ изкореняющаго, сильныхъ и страшныхъ непріятелей державы своей поправшаго, многоначальства обуздывающаго, мятежниковъ во внутренности владѣнія укротившаго, отторженные сосѣдами грады возвращающаго, и цѣлыя государства своей Коронѣ присовокупившаго; несогласіе и гордость бояръ усмирившаго, благоразумные законы подающаго, воинство въ лучшій порядокъ приводящаго: не почувствуемъ ли уваженія толь великаго духа къ Государю? Таковъ былъ Царь *ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ*!

Ино-

Иностранные писатели, сложившие индѣ нелѣпыя басни о его суровости, при всемъ томъ по многимъ знаменитымъ его дѣламъ великимъ мужемъ его нарицаютъ. Самъ *ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ* за честь поставлялъ въ мудрыхъ предпріятіяхъ сему Государю послѣдовать. Исторія затмѣваетъ сіяніе его славы нѣкоторыми ужасными повѣствованіями, до крутаго нрава его относящимися: вѣрить ли толь несвойственнымъ великому духу повѣствованіямъ, оставляю Историкамъ на размышленіе. Впрочемъ безмѣрныя Царскія строгости, по которымъ онъ Грознымъ проимянованъ, ни до намѣренія моего, ни до времяни, содержащемъ въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненія, вовсе не касаются.

Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства, со властію державцевъ Ордынскихъ, я имѣю въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго государства; знаменитые подвиги не только одного Государя, но всего Россійскаго воинства; и возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но цѣлому отечеству: по чему сіе твореніе и *Россіядой* названо. Представляю младаго Монарха, лаврами славы увѣнчаннаго; сего Монарха, о которомъ и Г. *Ломоносовъ* въ краткой Россійской Лѣтописи утверждаетъ, что сей Царь уже по смерти первой своей супруги Грознымъ учинился, и что неустройства бояръ, на подобіе крутой бури, нравы его возмутили; чему должно было приключиться гораздо послѣ взятія Казани. Прославляю совокупно съ Царемъ вѣрность и любовь къ отечеству служившихъ ему Князей, его вельможей и всего Россійскаго воинства. Важно ли сіе приключеніе въ Россійской исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно Епопеи? Моя Поэма сіе оправдать долженствуетъ.

Из-

Издавая въ свѣтъ сей осьмилѣтній мой трудъ, нынѣ вновь исправленный и во многихъ мѣстахъ дополненный, чувствую несовершенство и недостатки онаго, въ сравненіи съ другими Эпическими Поэмами. Слабо сіе сочиненіе, но оно есть первое на нашемъ языкѣ; а сіе самое и заслуживаетъ нѣкоторое извиненіе Писателю.

Повѣствовательное сіе твореніе разположилъ я на Исторической истиннѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупивъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани бывшимъ Начальникомъ Университетскихъ Гимназій въ 1770 году. Но да памятуютъ мои Читатели, что какъ въ Эпической Поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ лѣтописаніяхъ Поэмы искать не возможно. Многое отметалъ я, переносилъ изъ одного времяни въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неотрицательно, что Эпическія Поэмы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливыя намѣренія, всегда по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано			*читай.*
Страницы.	строки.		
8	28	потухлый	потусклый
66	10	касалися	казалися
123	27	зрить	зришь
136	11	возникнувъ,	возникнувъ
138	33	мечь Морозова	мечь печаль Морозова
151	23	являя	вращая
152	24	песхи	пески
164	29	самолчалъ	замолчалъ
183	10	развратомъ онъ	безбожіемъ
185	29	бремененъ	бременемъ
194	11	свершитель казни	свершитель казни,
229	34	редъ	предъ
244	21	коль	конь
272	9	биреры	бисеры
—	13	полкъ	полъ

РОССІЯДА,

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость униженну,
Движенье ратное, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ времянъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.
О ты, летающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое мое и темное творенье,
Пролей твои лучи, искуство, озаренье!
Отверзи, вѣчность! мнѣ, селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;

Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ,
Гдѣ гордости похвалъ льстецы не сплетаютъ;
Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣднiй рабъ съ Царемъ;
Гдѣ бѣдный нищету, гдѣ сильный власть забудетъ,
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся вѣчность мнѣ, да лирою моей
Вниманье привлеку народовъ и Царей.
Завѣса поднялась! . . . Сiяютъ предъ очами
Герои, свѣтлыми увѣнчанны лучами.
Отъ сихъ кровавая Казанская луна
Низвергнута во мракъ и славы лишена.
О вы, ликующи теперь въ мѣстахъ небесныхъ!
Во прежнихъ видахъ мнѣ явитеся тѣлесныхъ.
Еще восточную Россiи древней часть
Заволжскихъ наглыхъ Ордъ обременяла власть;
На нашихъ плѣнникахъ гремѣли тамъ оковы,
Кипѣли мятежи, росли злодѣйства новы;
Простерся блѣдный страхъ по селамъ и градамъ,
Текла за злостью злость, бѣды во слѣдъ бѣдамъ;
Куренiй олтари во храмахъ не имѣли,
Умолкло пѣнiе, лишь бури тамъ шумѣли;
Безъ дѣйства въ полѣ плугъ подъ тернами лежалъ,
И пастырь въ темный лѣсъ отъ стада убѣжалъ.
Когда свѣтило дня къ полунощи взираетъ,
Окровавленную Россiю обрѣтаетъ.
Отторженная дщерь отъ матери Казань,
Изъ томныхъ рукъ ея брала позорну дань;
Сей градъ, Россiйскими врагами сооруженный,
На полночь гордою горою возвышенный,
Поднявъ главу свою, при двухъ рѣкахъ стоитъ,
Отколѣ на брега шумящей Волги зритъ.
Подъ тѣнiю лѣсовъ, межъ пестрыми цвѣтами
Поставленъ Батыемъ ко сѣверу вратами,

Чрезъ

Чрезъ кои въ сердце онъ Россіи прибѣгалъ,
Селенья пустошилъ и грады пожигалъ.
Съ вершины видя горъ убійства и пожары,
Гдѣ жили древніе Россійскіе Болгары,
Разженны вѣрою къ закону своему;
Казань, поверженна въ Махометанску тму,
Въ слезахъ на синій дымъ, на заревы взирала,
И руки чрезъ поля въ Россію простирала:
Просила помощи и свѣта отъ Князей,
Когда злочестіе сгущало мраки въ ней.
Подвигнуты къ странамъ природнымъ сожалѣньемъ,
Народа своего бѣдами и томленьемъ,
На части полночь всю разторгшіе Князья,
Смиряли наглыхъ Ордъ, во браняхъ кровь лія.
Но какъ Россійскіе Ираклы ни сражались,
Главы у гидры злой всечасно вновь раждались,
И жалы отростивъ въ глухихъ мѣстахъ свои,
Вползали паки въ грудь Россіи тѣ зміи.
Драконова глава лежала сокрушенна,
Но древня злоба въ немъ была не потушенна;
Подъ пепломъ крылся огнь и часто возгаралъ,
Какъ въ смутны Россамъ дни онъ силы собиралъ;
Неукротимыхъ Ордъ воскресла власть попранна,
Во время юности втораго Іоанна;
Сей дѣда храбраго вѣнчанный славой внукъ;
Едва не выпустилъ Казань изъ слабыхъ рукъ;
Смутился духъ его нещастливымъ походомъ,
Гдѣ онъ начальствовалъ передъ минувшимъ годомъ;
Гдѣ самъ Борей воздвигъ противу Россовъ брань,
Крилами мерзлыми отъ нихъ закрывъ Казань;
Онъ мрачной тучею и бурями облекся,
Кидая градъ и дождь, разрушить грады пекся;
Въ глухой степи шумѣлъ, въ лѣсу дремучемъ вылъ,
Крутился между горъ, онъ рвалъ, шумѣлъ, валилъ,

И Волжскія струи погнавъ на тучны бреги,
Подулъ изъ хладныхъ устъ мятель, морозы, снѣги;
Ихъ пламенная кровь не стала Россовъ грѣть,
Дабы въ наставшій годъ жарчае воскипѣть.
Въ то время юный Царь въ столицу уклонился,
Гдѣ вмѣсто гласа трубъ забавами плѣнился.
О ты, на небесахъ живущій въ тишинѣ!
Прости великій Царь мою отважность мнѣ,
Что утро дней твоихъ во тмѣ дерзну представить,
Пресвѣтлый полден твой тѣмъ громче буду славить;
Великъ, что бурю ты вкругъ царства укротилъ,
Но болше, что волнамъ душевнымъ воспретилъ.
Увидѣвъ, что Москва отринувъ мечь уснула,
Трепещуща луна изъ облакъ проглянула;
Храняща ненависть недремлющи глаза,
Отъ Волги поднялась какъ страшная гроза;
Орда, отвергнувъ миръ, оковы разрывала,
Отмщеньемъ движима, мутилась, бунтовала,
И стала воздымать главу и рамена,
Россію утѣснять, какъ въ прежни времена.
Сей страшный исполинъ въ Російски грады входитъ,
Убійства, грабежи, насильства производитъ;
Рукою мечь несетъ, другой звучащу цѣпь,
Валятся стѣны вкругъ, воздыхаютъ лѣсъ и степь.
Уже велѣніемъ коварныя Сумбеки,
Въ Казанѣ полились Россійской крови рѣки;
И пламенникъ нося неукротимо зло,
Посады въ ярости Московскіе пожгло;
Въ жилища Христіянъ съ кинжаломъ казнь вступила,
И кровь страдальческа на небо воззопила;
Тамъ плачь, уныніе, сиротствующихъ стонъ;
Но ихъ отечество сей вопль вмѣняло въ сонъ
Алчба, прикованна корыстей къ колесницѣ,
Въ Россійской сѣяла уныніе столицѣ;

О благѣ собственномъ вельможи гдѣ рачатъ,
Тамъ пользы общія законы замолчатъ;
Москва, разимая погибелію внѣшной,
Отъ скорбей внутреннихъ являлась безутѣшной.
Сокрылась истинна на время отъ Царя;
Лукавство, честь поправъ, на собственность смотря,
Въ лицѣ усердія въ чертогахъ появилось,
Вошло и день отъ дня сильнѣе становилось.
Тамъ лесть явилася въ притворной красотѣ,
Котора во своей природной наготѣ,
Мрачна какъ нощь, робка, покорна, тороплива,
Предъ сильными низка, предъ низкимъ горделива,
Лежащая у ногъ владѣтелей земныхъ,
Дабы служити имъ ко преткновенью ихъ.
Сія природну желчь преобративъ во сладость,
Въ забавы вовлекла неосторожну младость;
Вельможи, выгодѣ ревнующи своей,
Соединилися къ стыду державы съ ней;
И лесть надежныя подпоры получила;
Отъ Царскаго лица невинность отлучила.
Гонима искренность стрѣлами клеветы,
Что дѣлала тогда? Въ пещеры скрылась ты!
Во смутны времена еще вельможи были,
Которые свое отечество любили;
Соблазны щастія они пренебрегли,
При общей гибели не плакать не могли;
Священнымъ двигнуты и долгомъ и закономъ,
Стенать и сѣтовать дерзали передъ трономъ;
Пороковъ торжество, попранну правду зря,
Отъ лести ограждать осмѣлились Царя.
Вельможи въ сѣдинахъ Монарха окружаютъ,
Ихъ слезы общую напасть изображаютъ;
Потупленны главы, ихъ взоры, ихъ сердца,
Казалося, туманъ простерли вкругъ вѣнца;

На томныхъ ихъ челахъ сіяетъ добродѣтель,
Въ которыхъ свой позоръ прочесть бы могъ владѣтель.
Духъ бодрости въ тебѣ, вѣщаютъ, воздремалъ!
Но Царь, то зная самъ, ихъ плачу не внималъ.
Унылъ престольный градъ, Москва главу склонила,
Печаль ея лице, какъ нощь пріосѣнила;
Вселилась въ сердце грусть и жалоба въ уста,
Тоскуютъ вкругъ нее прекрасныя мѣста;
И горесть, разтрепавъ власы, по граду ходитъ,
Потупивъ очи внизъ, отчаянье наводитъ,
Біетъ себя во грудь, рѣками слезы льетъ,
На стогнахъ торжества, въ домахъ отрады нѣтъ;
Въ дубравахъ темнота, печаль въ долинахъ злачныхъ,
Во градѣ скопища, не слышно пѣсней брачныхъ;
Все въ ризу облеклось тоски и сиротства,
Единый слышенъ вопль во храмахъ Божества.
Грызомая внутри болѣзнью всеминутной,
Являлася Москва водѣ подобна мутной,
Которая, лишась движенья и прохладъ,
Тускнѣетъ, портится и зараждаетъ ядъ.
Народъ отчаянный, гонимый, утомленный,
Какъ будто въ Этнѣ огнь отъ вихрей воспаленный,
Лѣсистые холмы, густыя древеса,
Съ поверхности горы бросаетъ въ небеса.
Народъ возволновалъ! Тогда при буйствѣ яромъ,
Отъ искры наглый бунтъ великимъ сталъ пожаромъ;
По стогнамъ разлился, на торжищахъ горитъ,
И заревы Москва плачевныхъ слѣдствій зритъ.
Противу злыхъ вельможъ мятежники возстали,
Которы строгости Царевы подгнѣтали,
Которы душу въ немъ старались возмущать,
Дабы при бурѣ сей Россію разхищать.
Два Князя Глинскія смятенья жертвой были,
Единаго изъ нихъ мятежники убили;

Другій пронырствами отъ нихъ спастись умѣлъ,
И новой бурею отъ трона возшумѣлъ.
Простерся мщенья мракъ тогда надъ Царскимъ домомъ,
И раздраженна власть вооружилась громомъ;
Разила тѣхъ мужей, разила тѣ мѣста,
Гдѣ правда отверзать осмѣлилась уста.
Поборники забавъ награды получали,
А вѣрные сыны надолго замолчали.
Россія, прежнюю утративъ красоту,
И видя вкругъ себя раздоръ и пустоту,
Вездѣ уныніе, болѣзнь въ груди столицы,
Набѣгомъ дерзкихъ Ордъ стѣсненныя границы,
Подъ сѣнью роскошей колеблющійся тронъ,
Въ чужомъ владѣніи, Двину, Днепръ, Волгу, Донъ,
И приближеніе встрѣчая вѣчной ночи,
Бросаетъ къ небесамъ заплаканныя очи;
Простерла длани вверьхъ всѣхъ тварей ко Отцу,
Колѣна преклонивъ, прибѣгла ко Творцу;
Открыла грудь свою, грудь томну, изъязвленну,
Рукою показавъ Москву окровавленну,
Другою вкругъ нее сліянно море зла,
Взрыдала, и рещи ни слова не могла.
На огненныхъ заряхъ превыше звѣздъ сѣдящій,
Во буряхъ слышимый, въ перунахъ Богъ гремящій,
Предъ коимъ солнечный подобенъ тѣни свѣтъ,
Въ комъ движутся міры, и все въ мірахъ живетъ;
Который съ небеси на всѣхъ равно взираетъ,
Прощаетъ, милуетъ, покоитъ и караетъ;
Царь пламени и водъ, позналъ Россіи гласъ:
И славы чадъ своихъ послѣдній видя часъ,
Дни горести ея въ единый мигъ изчислилъ,
И руку помощи простерши къ ней, помыслилъ:
Свѣтлѣе стали вдругъ надъ нею небеса,
Живительная къ ней посѣялась роса,

Ея

Ея печальну грудь и взоры окропила,
Мгновенно томную Россію подкрѣпила;
Одѣла полночь вкругъ румяная заря;
На землю Ангели въ кристальну дверь смотря,
Составили изъ лиръ небесну гармонію,
И пѣли благодать, вѣнчающу Россію.
Тогда единому изъ праведныхъ мужей,
Живущихъ въ лѣпотѣ божественныхъ лучей,
Господнему лицу во славѣ предстоящихъ,
И въ ликѣ Ангеловъ, хвалу Его гласящихъ,
Всевышній рекъ: гряди къ потомку твоему,
Дай зрѣти свѣтъ во тмѣ, подай совѣтъ ему;
Въ лицѣ отечества явися Іоанну,
Да узритъ онъ въ тебѣ Россію днесь попрану!
Скоряй, чѣмъ солнца лучь, текущаго въ эѳиръ,
Летящій средь міровъ, какъ вѣющій зефиръ,
Небесный мужъ въ страну полночную низходитъ,
Пресвѣтлую черту по воздуху проводитъ;
Закрытый облакомъ, вступаетъ въ Царскій домъ,
Гдѣ смутнымъ Іоаннъ лежалъ объятый сномъ;
Пришествіемъ его чертоги озарились,
Весь градъ вострепеталъ; пороки въ мракъ сокрылись.
Является Царю сія святая тѣнь
Во образѣ такомъ, въ какомъ была въ той день,
Въ который въ мірѣ семъ оставивъ зракъ тѣлесный,
Взлетѣла возстенавъ во свѣтлый домъ небесный;
Потупленна глава лежаща на плечахъ,
Печальное лице, потухлый свѣтъ въ очахъ,
Мечемъ пронзенна грудь, съ одежды кровь текуща,
Колеблющася тѣнь съ молчаніемъ грядуща,
И спящаго Царя во трепетъ привела,
Приближилась къ одру и такъ ему рекла:
Ты спишь, нещастный Царь покоемъ услажденный,
Весельемъ упоенъ, къ побѣдамъ въ свѣтъ рожденный;

ВѣнецЪ, отечество, законы позабылЪ,
ВозненавидѣлЪ трудЪ, забавы возлюбилЪ;
На лонѣ праздности лежитЪ твоя корона,
Не видно вѣрныхЪ слугЪ; ликуетЪ лесть у трона.
Ты зришься тигромЪ быть, лежащимЪ на цвѣтахЪ;
А мы, живущія вЪ БожественныхЪ мѣстахЪ,
Мы вЪ общей гибели участіе пріемлемЪ,
ТвоихЪ слова друзей вЪ селеньяхЪ горнихЪ внемлемЪ.
Ты властенЪ все творить, тебѣ вѣщаетЪ лесть;
Ты рабЪ отечества, вѣщаютЪ долгЪ и честь;
Но гласа истинны ты вЪ гордости не внемлешь,
Ты гонишь истинну, а вредну лесть объемлешь.
Мы Князи сей страны и прадѣды твои,
Мы плачемЪ, взорЪ склонивЪ вЪ обители сіи,
Для вѣчныхЪ радостей на небо восхищенны,
Тобой и вЪ райскихЪ мы селеньяхЪ возмущенны;
О РоссахЪ стонемЪ мы, мы стонемЪ о тебѣ;
Опомнись! нашу скорбь вообрази себѣ;
О царствѣ, о себѣ, о славѣ ты помысли,
И избіенныхЪ насЪ злодѣями исчисли.

Отверзлось небо вдругЪ вздремавшаго очамЪ,
И видитЪ ІоаннЪ печальныхЪ предковЪ тамЪ,
Которы кровію своею увѣнчались,
Но вЪ прежнемЪ образѣ среди лучей являлись:
БатыевЪ мечь, во грудь Олегову вонзенЪ,
Георгій братЪ его лежитЪ окровавленЪ;
Нещастный ѲеогностЪ оковы тяжкиноситЪ,
Отмщенія ОрдамЪ за смерть и раны проситЪ;
СклонивЪ главы свои, стонаютЪ Князи тѣ,
Которы мучимы вЪ ихЪ были животѣ.
ТамЪ видится законЪ печальный, униженный,
Ліющій токи слезЪ иココмракомЪ окруженный;
ПогасшимЪ кажется Князей РоссійскихЪ родЪ,
Вельможи плачущи, вЪ уныніи народЪ;

Тамъ тѣни блѣдныя въ крови изображенны,
Которы въ жизни ихъ Ордами пораженны;
Онъ видитъ сродниковъ и предковъ зритъ своихъ,
Ихъ муки, ихъ тоску, глубоки раны ихъ.
И тѣнь рекла ему, отшедъ въ мученьѣ многомъ:
Роптая на тебя, сiи стоятъ предъ Богомъ;
Послѣднiй убiенъ злодѣйскою рукой
Твой предокъ Александръ, я бывшiй Князь Тверской,
Пришелъ съ верьховъ небесъ отъ сна тебя возставить,
Твой разумъ просвѣтить, отечество избавить;
Зри язвы ты мои, въ очахъ тоску и мракъ,
Се точный при тебѣ страны Россiйской зракъ!
Зри члены ты мои, кровавы сокрушенны,
И селы вобрази и грады разрушенны;
Се тотъ же самый мечь, которымъ я раженъ,
И тою же рукой Россiи въ грудь вонзенъ,
Лiется кровь ея! . . . Омытый кровью сею,
Забылъ, что Бога ты имѣешь судiею;
Вопль каждаго раба, страданiе и стонъ,
Взлетѣвъ на небеса, текутъ предъ Божiй тронъ;
Ты подданнымъ за зло отвѣтствовать не чаешь,
Но Господу за ихъ печали отвѣчаешь.
Вздремавшую въ тебѣ премудрость воскреси,
Отечество, законъ, народъ отъ зла спаси;
Будь пастырь, будь герой, тебя твой Богъ возлюбитъ:
Потомство поздное хвалы тебѣ вострубитъ.
Не мѣшкай! возгреми! рази! такъ Богъ велѣлъ. . . .
Вѣщалъ, и далѣе вѣщати не хотѣлъ.
Чертогъ небесными лучами озарился,
Во славѣ Александръ въ домъ Божiй водворился.
Смущенный Iоаннъ не зритъ его во млѣ,
Страхъ въ сердцѣ ощутилъ, печали на челѣ;
Мечта сокрылася, видѣнье отлетѣло,
Но въ Царску грудь себя глубоко впечатлѣло,

И сна пріятнаго Царю не отдаетъ;
Съ печальнаго одра задумчивъ возстаетъ,
Кидаетъ грозныя ко предстоящимъ очи.
Какъ странникъ во степи среди глубокой ночи,
Послыша вкругъ себя шипѣніе зміевъ,
Къ убѣжищу нигдѣ надежды не имѣвъ,
Не знаетъ гдѣ ступить и гдѣ искать спасенья,
При каждомъ шагѣ онъ боится угрызѣнья.
Таковъ былъ Іоаннъ, напомнивъ страшный сонъ;
Казалось вдругъ расторгъ завѣсу лести онъ,
Страшится онъ друзей и вѣрить имъ не смѣетъ.
Нещастенъ Царь, когда онъ друга не имѣетъ!
Но вспомнивъ, что единъ наперстникъ правды есть,
Велѣлъ въ чертогъ къ себѣ Адашева привесть.
Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣтущи лѣта,
Являлся при Дворѣ, какъ нѣкая планета,
Вступающа въ круги отъ неизвѣстныхъ мѣстъ,
И рѣдко зримая среди высокихъ звѣздъ.
Придворные его съ досадой угнѣтали,
Но внутренно его сердцами почитали.
Адашевъ щастія степени презиралъ,
Мірскія пышности ногами попиралъ;
Обманамъ былъ врагомъ, ласкательствомъ гнушался,
Величествомъ души, не саномъ украшался;
Превыше былъ страстей и честностію полнъ.
Какъ камень посредѣ кипящихъ бурныхъ волнъ,
Борея не боясь, стоитъ неколебимо,
И волны о него біяся, идутъ мимо:
Адашевъ тако твердъ между пороковъ былъ,
Отъ міра удаленъ, отечество любилъ;
Спокойно въ домъ пришелъ, гдѣ грозный жилъ Владѣтель.
Страшится ли чего прямая добродѣтель!
Храняща лесть еще подъ стражей Царскій дворъ,
Увидя правду въ немъ, потупила свой взоръ;

Отчаянна, блѣдна и завистью грызома,
Повсюду клонитъ слухъ, ждетъ солнца, тучь и грома.
Пришелъ почтенный мужъ, вступила важность съ нимъ;
Такъ въ мракѣ иногда бываетъ Ангелъ зримъ!
Въ объятiяхъ своихъ Адашева имѣя,
Со подданнымъ Монархъ бесѣдуетъ краснѣя:
Тебѣ въ слезахъ онъ рекъ, я сердце отворю;
Ты честенъ, можешь ли не быти другъ Царю?
Каковъ въ пустынѣ былъ, будь вѣренъ передъ трономъ.
Тогда о страшномъ снѣ повѣдавъ съ тяжкимъ стономъ,
Мой Богъ меня смирилъ! онъ съ важнымъ видомъ рекъ,
Я въ нынѣшней нощи сталъ новый человѣкъ;
Стыжусь, что я благихъ совѣтовъ удалялся....
Восплакалъ Iоаннъ и Ангеломъ являлся.
Какъ матерь вѣрный сынъ, отечество любя,
Адашевъ чаялъ зрѣть на небеси себя;
На лесть взирающiй вкругъ трона сплетенну,
Оплакивалъ сей мужъ Россiю угнѣтенну;
Въ восторгѣ рекъ Царю: благословенный сонъ!
Вѣрь, вѣрь мнѣ Государь, что Богомъ посланъ онъ;
Внемли отечества разрушеннаго стону;
На сердцѣ ты носи, не на главѣ корону.
Что пользы подданнымъ, что есть у нихъ Цари,
Коль страждетъ весь народъ, попранны олтари,
Враги усилены, невинность угнѣтѣнна;
Не Царь порфирою, порфира имъ почтенна?
Довольно презиралъ ты самъ себя и насъ;
Насталъ теперь твоей и нашей славы часъ!
Глаголамъ истинны внимающiй Владѣтель,
Увидѣлъ съ небеси сходящу добродѣтель:
Какъ Ангелъ, явльшiйся Израилю въ ночи,
Имѣла вкругъ главы блистательны лучи;
Се вѣрный другъ тебѣ! Монарху говорила,
И взоръ Адашева сiяньемъ озарила.

Не-

Небесны видитъ Царь въ лицѣ его черты;
И возопилъ къ нему: будь мой сотрудникъ ты;
Мнѣ нуженъ разумъ твой, нужна твоя услуга.
Всѣхъ паче благъ Царю искати должно друга!
Вѣщай мнѣ истинну, ея намъ грозенъ видъ;
Но видъ сей отъ коронъ и троновъ гонитъ стыдъ;
Гони сей стыдъ, гони, и строгимъ мнѣ совѣтомъ
Яви стези итти премудрости за свѣтомъ!
Адашевъ чувствовалъ, коль скоро можетъ лесть
Отъ истинны отвлечь, Царя въ обманъ привесть;
Вѣщалъ: отъ нашихъ глазъ соблазны да отгонимъ,
Себя отъ здѣшнихъ стѣнъ и праздности уклонимъ;
Небесной мудрости пріобрѣсти руно,
Уединеніе научитъ насъ одно;
Премудрость гордости и лести убѣгаетъ,
Мірскую суету и жизнь пренебрегаетъ;
Среди развратностей гражданскихъ не живетъ,
Въ пещерахъ и горахъ ее находитъ свѣтъ;
Гдѣ нѣтъ тщеславія, ни льсти, ни думъ смущенныхъ,
Пойдемъ ее искать въ обителяхъ священныхъ,
Отколѣ чистый духъ взлетаетъ къ небесамъ:
О Царь мой! избери сію обитель самъ;
Потомъ яви себя ко славѣ возвращенна,
Любовь къ отечеству еще не потушенна;
Вели собрать совѣтъ, на истинну воззри,
И нечестивости совѣты разори:
Увидишь славу ты парящу предъ тобою;
Мы ради кровь пролить, теперь готовы къ бою,
Господь, Россія вся и весь пространный свѣтъ,
Ко славѣ Царь тебя отъ праздности зоветъ!
Есть мѣсто на земной поверхности священно,
Сподвижникомъ святыхъ отшельцевъ обрѣтенно;
Угодники оттоль возшедъ на небеса,
Оставили свои святыя тѣлеса,

Которыя пріявъ усердное моленье,
Даруютъ миръ, покой, скорбящимъ изцѣленье;
Смиренный Сергій ту обитель основалъ,
Онъ въ малой хижинѣ великій трудъ скрывалъ;
Небеснымъ житіемъ сіи мѣста прославилъ,
И Богу тамъ олтарь приличному поставилъ;
Увидя стѣны вкругъ и храмовъ красоту,
Возможно городомъ почесть пустыню ту;
Въ обитель Божію сокровища внесенны
Являютъ души къ ней усердіемъ возженны;
Тамъ брегъ потокомъ водъ цѣлебныхъ упучненъ,
Который Сергіемъ изъ камня источенъ;
Развѣсисты древа пригорокъ осѣняютъ (*),
На зданье красное вершины преклоняютъ.
Сіе ко святости за тѣмъ пріобщено,
Что славы общія хранитъ залогъ оно:
Тамъ Князи кистію живой изображенны,
Которыми враги Россіи низложенны;
Тамъ видѣнъ Святославъ, сѣдящій на земли,
Ядущій хлѣбъ сухой и въ потѣ и въ пыли;
Онъ зрится будто бы простый межъ ратныхъ воинъ;
Но древнимъ предпочтенъ Атридамъ быть достоинъ.
Владиміръ мечь и пальмъ носящъ изображенъ,
Стоитъ трофеями и свѣтомъ окруженъ;
У ногъ его лежитъ поверженна химера;
Со славой согласясь его вѣнчаетъ вѣра.
Тамъ лавры Ярославъ имѣетъ на главѣ;
Донской блистаетъ здѣсь; тамъ Невскій на Невѣ;
Тамъ ликъ Великаго представленъ Іоанна,
Цесарской перваго короною вѣнчанна;
Побѣды, торжества, блистаніе вѣнца,
Къ дѣламъ великимъ огнь внушаютъ во сердца;

За

(*) Нынѣ сіе мѣсто большою Живоначальныя Троицы церковію застроено.

За тѣмъ въ сіи мѣста ко славѣ предъизбранна,
Адашевъ убѣдилъ склониться Іоанна.
Еще не кончившу теченья солнцу дни,
Достигли мирнаго убѣжища они.
Сопутницей своей имѣя добродѣтель,
Какъ будто видѣлъ рай въ обители Владѣтель:
Во славѣ зрится Богъ, присутствующій тамъ!
Съ священнымъ ужасомъ вступилъ въ священный храмъ;
Онъ вѣдалъ, что душа, на небо вознесенна,
Отъ тѣла своего врачебна и нетлѣнна
Творила многія и нынѣ чудеса,
И то сказать могла, что кроютъ небеса;
Приходитъ къ Сергію, мольбы ему приноситъ,
Небесной помощи противъ Казани проситъ,
Вѣщая: Мужъ Святый! ты Дмитрію помогъ,
Татарскія Луны сломить кичливый рогъ,
И мнѣ ты помоги, стремясь противъ Казани,
Россію оправдать во предлежащей брани;
Мое отечество, о Сергій! и твое . . .
Возноситъ предъ тебя моленіе сіе!
Молитва въ воздухѣ какъ дымъ не изчезаетъ,
Но будто молнія небесный сводъ пронзаетъ,
На радужныхъ она возносится крылахъ:
Молитву искренну читаетъ Богъ въ серцахъ;
Она священный градъ и звѣзды сквозь проходитъ,
Въ умильность Ангеловъ, геенну въ страхъ приводитъ.
Мольбы сіи какъ громъ повсюду раздались,
Проснулася Москва, Ордынцы потряслись!
Въ сію достойную вниманія годину
Измѣривалъ Творецъ двухъ царствъ земныхъ судьбину;
Россійскій до небесъ подъемлется вѣнецъ,
Ордынской гордости является конецъ;
Но побѣдительнымъ народамъ и державѣ,
Препятства предлежать къ гремящей будутъ славѣ.

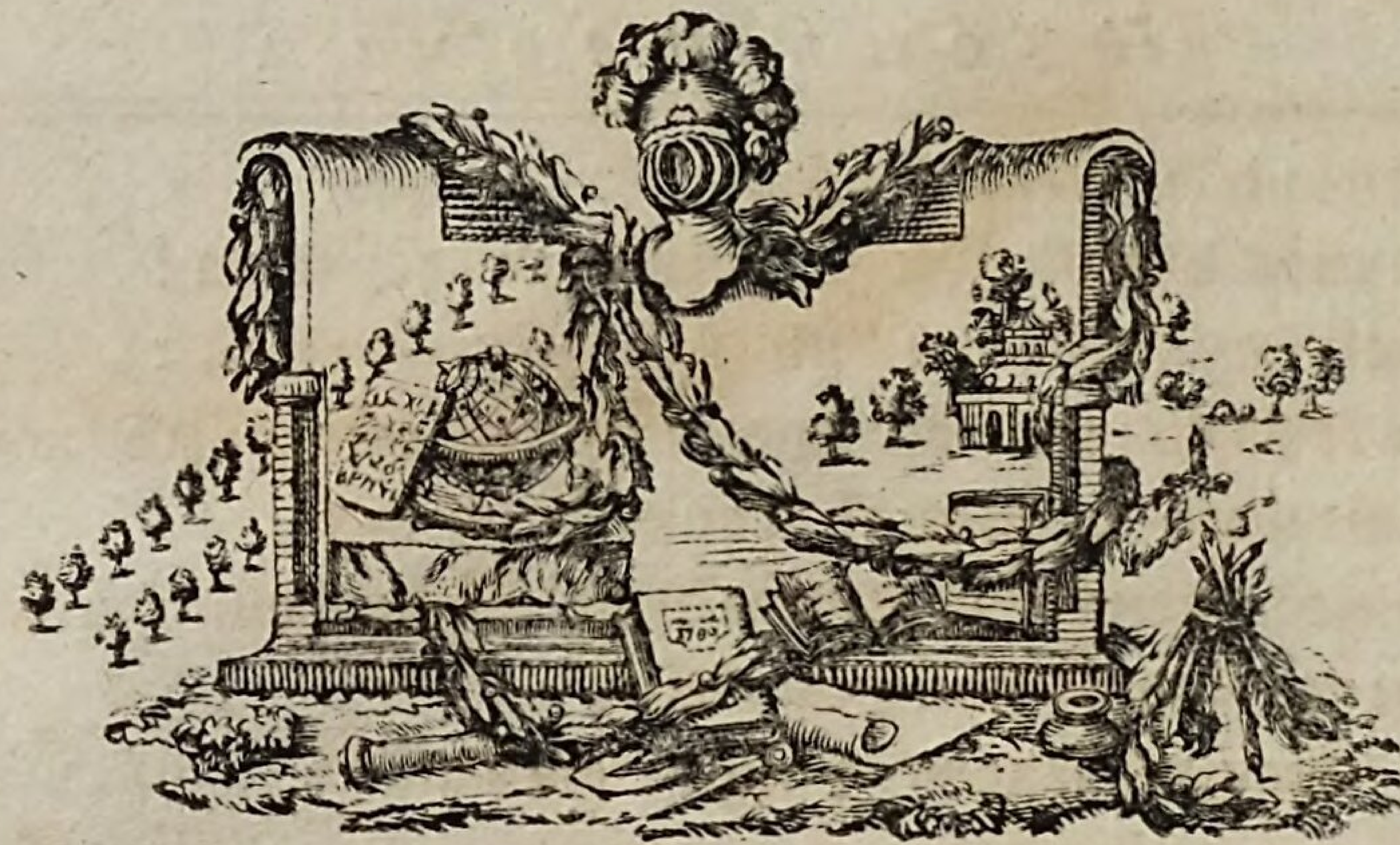
Раз-

Разсѣялась Орда, пустѣетъ ихъ престолъ;
Но Россамъ напередъ устроитъ много золъ.
Тогда Господнее изрекъ опредѣленье
Органъ небесныхъ тайнъ въ священномъ изступленьѣ,
Трепещущъ, духомъ полнъ, подвигшись къ олтарю,
Пресвитеръ возвѣстилъ пророчествы Царю:
О Царь! сплетаются тебѣ вѣнцы лавровы;
Я вижу новый тронъ, короны вижу новы!
Но царства покорить и славу обрѣсти,
Ты долженъ многiя страданья понести.
Гряди, и буди твердъ! Слова произнеслися,
И гласомъ пѣсненнымъ по сводамъ раздалися.
Въ душѣ Монархъ тогда спокойство ощутилъ,
И шествiе свое ко граду обратилъ.
Адашевъ къ славѣ огнь въ Царѣ усугубляетъ,
Написанныхъ Князей въ предхрамiи являетъ:
Се Рюрикъ, предокъ твой, вѣщаетъ онъ Царю,
Троянску отрасль въ немъ и Августову зрю;
Онъ силы подкрѣпивъ колеблемой державы,
Потомкамъ начерталъ безсмертной образъ славы.
Се Ольга мудрая, казняща Искорестъ,
Лучи вокругъ главы, въ рукахъ имѣетъ крестъ,
Коль свято царствуетъ полночною страною!
Жена прославилась правленьемъ и войною!
Се праотцы твои! взгляни на нихъ, взгляни:
Ты видишь славу ихъ! колѣна преклони.
Здѣсь кисть ученiе твое изобразуетъ. . . .
И дѣда Царскаго Адашевъ указуетъ,
Который внутрь и внѣ спокоилъ царствъ раздоръ;
Но кажется къ Царю суровый мещетъ взоръ,
И внука праздностью на тронѣ укоряетъ.
Краснѣя Iоаннъ на ликъ его взираетъ,
Токъ слезный отъ стыда изъ глазъ его течетъ;
Начнемъ, начнемъ войну! Адашеву речетъ.

И

И се парящая въ кругахъ эфирныхъ слава
Гласитъ: начнетъ цвѣсти Россiйская держава!
Благочестивый духъ Царя въ Москву ведетъ;
Престольный градъ его съ гремящимъ плескомъ ждетъ.
Всевышнiй на него склонилъ свою зѣницу,
И Царь торжественно вступалъ въ свою столицу;
Окрестности ея незапно процвѣли,
Во срѣтенье ему казалось рощи шли;
Суровостью времянъ веселость умерщвленна,
Въ долинахъ и лѣсахъ явилась оживленна;
Какъ будтобы струи прешедый чермныхъ водъ,
Явился на холмахъ ликующiй народъ;
Подъемлетъ высоко Москва верхи златыя,
И храмы пѣнiемъ наполнились святыя;
Любовью видитъ Царь возженныя сердца,
Зритъ въ подданныхъ дѣтей, они въ Царѣ отца;
На лицахъ радости, въ очахъ увеселенье,
И духомъ сладкое вкушаетъ умиленье.
Коль Царь небесъ Творца пороками гнѣвитъ,
Натура вся тогда прiемлетъ смутный видъ;
Но естьли подъ вѣнцемъ сiяетъ добродѣтель,
Ликуетъ весь народъ, натура и Владѣтель.
Казалось Iоаннъ вновь царство прiобрѣлъ;
Избранной Думѣ быть въ чертоги повелѣлъ (*);
До нынѣ стольный градъ стенящiй, утружденный,
Явился будто бы осады свобожденный.

(*) Избранная Дума имяновалась въ то время вышнее правительство, что нынѣ Сенатъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

О вы, щастливые грядущихъ лѣтъ пѣвцы!
Завидны ваши мнѣ Парнасскіе вѣнцы:
Вы ихъ получите, воспѣвъ ЕКАТЕРИНУ.
Мнѣ Музы не сію назначили судбину:
Велятъ ко временамъ минувшимъ прелетѣть,
Дивиться въ мысляхъ Ей, а Іоанна пѣть.
Но древнія дѣла имѣя предъ очами,
Ея премудрости одушевлюсь лучами.
Изгнавъ изъ Царскаго жилища Іоаннъ
Развраты, клевету, коварства, лесть, обманъ,
И праздность на одрѣ оставивый лежащу,
И маковы цвѣты и гроздіе держащу;
Отвергнувъ отъ очей соблазновъ темноту,
Что истинны святой скрывали красоту;
Изъ грознаго Царя, какъ агнецъ, ставъ незлобенъ,
Былъ солнцу Іоаннъ восточному подобенъ,
Которое когда свое лице явитъ,
Сіяніемъ лучей вселенну оживитъ.

Льсте-

Льстецы, что слабости Монарши умножали,
Какъ темны облака домъ Царскій окружали;
Подобно солнечный вселенной нужный зракъ,
Сгущенныхъ тучь отъ глазъ скрываетъ часто мракъ,
Когда поверхность ихъ лучами озлащенна,
Отъ грома ихъ земля бываетъ устрашенна;
Но нынѣ смутныя веселости разгнавъ,
Великость Царскаго достоинства познавъ,
И возвративъ себя народу и коронѣ,
Явился Іоаннъ какъ дневный свѣтъ на тронѣ;
Сердца воззрѣніемъ безмрачнымъ восхищалъ,
Со умиленіемъ Боярамъ такъ вѣщалъ:
О вы, которые державу мнѣ вручили (*),
И царствовать меня во младости учили!
Мнѣ мнится, моего правленія заря
Не кажетъ вамъ во мнѣ достойнаго Царя;
Мечтается въ умѣ, моихъ мнѣ предковъ слава:
Я вижу подвиги младаго Святослава;
Онъ зрится въ полѣ мнѣ между шумящихъ стрѣлъ,
Парящій въ слѣдъ врагамъ Россійскимъ какъ орелъ.
Ревнуетъ духъ во мнѣ Владимиру святому,
Завидую изъ рукъ его звучащу грому,
Который онъ на Тавръ, на Халкидонъ металъ,
И солнцемъ наконецъ своей державы сталъ;
Отдавъ покой и миръ врагамъ своимъ недавнымъ,
Россію просвѣтилъ закономъ православнымъ.
Является очамъ Великій Мономахъ,
Который наводилъ на Цареградцовъ страхъ,
И гордость обуздавъ Монарховъ ихъ надменныхъ,
Къ ногамъ своимъ Царей увидѣлъ преклоненныхъ;

(*) Содержаніе сей рѣчи почерпнуто изъ подлинной говоренной Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ при тогдашнемъ случаѣ.

Смиряяся Комнинъ, въ знакъ мира наконецъ,
Ему приноситъ въ даръ порфиру и вѣнецъ.
Я сей вѣнецъ ношу, державу ту имѣю;
Но предковъ по стопамъ стремиться не умѣю.
Недавно возгремѣлъ побѣдами мой дѣдъ,
Отечество свое отъ многихъ спасшій бѣдъ;
Россія вознесла главу при немъ высоко,
Потупилось враговъ завидливое око:
Потомокъ я и сынъ Монарховъ таковыхъ,
Имѣя ту же власть, нейду слѣдами ихъ.
Злодѣями со всѣхъ сторонъ мы угнѣтенны,
И столько презрѣны, сколь были мы почтенны.
На что народамъ Царь, Вельможи имъ на что,
Когда спасати ихъ не думаетъ никто?
Вельможи и Цари отечествъ есть ограда;
Мы спимъ, какъ пастыри безпечные у стада;
Не Крымъ, и не Казань губители его,
Мы первые враги народа своего.
О Россы ваша честь и слава умерщвленна,
И есть ли въ свѣтѣ мы, забыла вся вселенна.
Уже надъ бездной мы злощастія стоимъ,
Мы гибнемъ, но спасать Россію не хотимъ!
Казань, которая Россію ненавидитъ,
Теперь со трепетомъ Свіяжски стѣны видитъ;
Тамъ другъ отечества, тамъ вѣрный Царь Алей,
Разсѣянныхъ Татаръ погналъ во градъ съ полей;
Въ единое гнѣздо злодѣи наши скрылись,
Широкія пути намъ къ славѣ отворились;
Не наши выгоды хощу вамъ описать,
Хощу совѣта, какъ отечество спасать?
Отважиться ли намъ съ Ордами къ трудной брани,
Иль въ страхѣ погребстись и имъ готовить дани?
Я стражъ отечества, а вы его сыны,
И должны ваши быть совѣты мнѣ даны. . . .

Та-

Такое Іоаннъ представилъ искушенье
Избранной Думѣ той на твердое рѣшенье;
Но каждый взоръ изъ нихъ другъ на друга кидалъ,
И младшій старшаго къ совѣту ожидалъ.
Тогда отвѣтъ простеръ сѣдиной умащенный,
Носящъ чинъ Ангельскій и санъ первосвященный,
Небеснымъ житіемъ почтенный Даніилъ:
О Царь! ты кровь мою къ отмщенью воспламенилъ,
И бѣдство общее толь живо мнѣ представилъ,
Что не любить въ сей разъ враговъ меня заставилъ;
Но правила мои и санъ претитъ мой мнѣ,
Другова поощрять и мыслить о войнѣ.
Когда бы дѣйствіе слова мои имѣли,
Нигдѣбъ оружія во свѣтѣ не гремѣли;
Однако есть враги, и бранямъ должно быть,
Ихъ можно дозволять, но брани грѣхъ любить;
Не кровію алкать Монарха устремляю,
Но церковь защищать тебя благословляю.
Казалось съ небеси тѣ слышались слова
И преклонилася вѣнчанная глава.
Сіяли радости въ очахъ у Іоанна;
Но слышенъ тихій гласъ Боярина избранна,
Который свѣтлымъ былъ разсудкомъ озаренъ,
Власами бѣлыми, какъ снѣгомъ, покровенъ;
Кубенскій Князь то былъ, столѣтія достигшій,
Заслуги многія отечеству чинившій,
Дрожащу руку онъ прижавъ къ челу, изрекъ:
Сѣдины на главѣ мой древній кажутъ вѣкъ,
И щастіе уже не льститъ мнѣ никакое,
Я только жизнь мою хочу скончать въ покоѣ;
Не сродника во мнѣ почти о Государь!
Но старцовыхъ рѣчей послушай юный Царь:
Не полагаяся на память усыпленну,
Смотри на грудь мою во бреняхъ изъязвленну,

Докажетъ подвиги мои тебѣ она,
И сколько мнѣ должна извѣстна быть война;
Подъ тѣнью тишины цвѣтетъ держава краше;
Миръ сладкiй, не война вѣнчаетъ щастье наше.
Въ любви къ отечеству я самъ и твердъ и гордъ,
Но слабы нынѣ мы противу сильныхъ Ордъ.
Димитрiй, Предокъ твой, въ чувствительномъ уронѣ,
Мамая сокрушилъ и съ воинствомъ при Донѣ;
Но долго ли покой въ Росiи процвѣталъ?
Свирѣпый Тахтамышъ, какъ бурный вихрь, возсталъ,
И въ сердце нашего отечества вломился,
Россiйской кровiю полночный край омылся.
Судьбы державы всей на щастье не взлагай,
Людей о Государь! не грады сберегай.
Для славы воевать слаба сiя причина;
А царство безъ гражданъ пустыня лишь едина.
Спокоить смутный духъ, моимъ словамъ внемли:
Коль любишь царствовать обширностью земли,
Твои границы Днепръ съ полудня орошаетъ,
Россiя Волжскiя струи еще вкушаетъ;
Тамъ бурный Волховъ зришь, тамъ кроткую Оку;
Ты Царь обширныхъ странъ! я смѣло изреку;
Взведи съ престола ты твои повсюду очи,
Владѣтель цѣлыя явишся полуночи;
Народъ въ сравненiе обширности возми,
Мы бѣдны не землей, но бѣдны мы людьми.
Съ кѣмъ хочешь въ брань итти? Отцы у насъ побиты,
Младенцы бѣдствуютъ правленiемъ забыты;
Старайся въ мужество ихъ младость привести,
И юнымъ симъ птенцамъ дай время возрасти;
Тогда со стадомъ симъ къ побѣдамъ устремляйся.
Готовымъ къ бранямъ будь, но алчнымъ не являйся.
То слово съ жадностью Князь Глинскiй подхватилъ,
И взоры на себя всей Думы обратилъ.

Сей

Сей Князь, коварный Князь, правленью былъ ужасенъ;
Злокознен во враждѣ, и въ дружествѣ опасенъ.
И се во мрачности скрывая грозный взоръ,
Живуща хитрость тамъ, гдѣ Царскій видѣнъ Дворъ,
Во облакѣ густомъ по храминѣ носилась,
Коснулась Глинскому, и въ мысль его вселилась;
Рассыпавъ вкругъ его невидимую мглу,
Простерлась по его нахмуренну челу;
Во нравахъ былъ всегда онъ сходенъ мрачной ночи;
Возведши впалыя на Іоанна очи,
Онъ тако рекъ возставъ: блюди твой Царскій санъ,
Тебѣ для выгодъ онъ твоихъ и нашихъ данъ.
Тебѣ ли сѣтовать, тебѣ ли Царь крушиться,
И сладкой тишины для подданныхъ лишиться?
Ты Богъ нашъ! Естьлибъ мы могли нещастны стать,
То намъ ли на тебя отважиться роптать?
Притомъ на что Казань, на что война и грады?
Полна Россія вся довольства и отрады,
Блаженство во твоемъ владѣніи цвѣтетъ;
Любителямъ войны и цѣлый тѣсенъ свѣтъ!
Къ тому достойны ли любви народы оны,
Которы бунтовать дерзнутъ противъ короны;
Свидѣтелемъ тому нещастливый сей градъ,
Коль горько пострадалъ за вѣрность здѣсь мой братъ!
Умолкъ, и сладостью придворной обольщенны,
Враги отечества являлись восхищенны;
Ихъ очи Глинскаго одобрили совѣтъ;
Ни чей не страшенъ сталъ развратникамъ отвѣтъ;
На собственну корысть еще они взираютъ,
И пользу общую ногами попираютъ.
Но будто въ пеплѣ огнь, скрывая въ сердцѣ гнѣвъ,
Князь Курбскій съ мѣста всталъ, какъ нѣкій ярый левъ;
Власы вздымалися, глаза его блистали,
Его намѣренье безъ словъ въ лицѣ читали.

На

На Глинскаго онъ взоръ свирѣпый обратилъ,
Вѣщалъ: ты знатенъ Князь, но ты не справедливъ!
Цвѣты, которые разсыпаны тобою,
Ужасную змiю скрываютъ подъ собою;
Ты мщенiемъ однимъ за сродника горя,
Отца у подданныхъ, отъемлешь ихъ Царя.
Что Глинскiй плаваетъ въ довольствѣ и покоѣ,
Россiю щастiе не сохранитъ такое.
О Царь мой! властенъ ты мою пролити кровь,
Однако въ ней почти къ отечеству любовь;
Позволь мнѣ говорить: оставь богатству нѣги,
Вели ты намъ пройти пески, и зной, и снѣги;
Мы ради съ цѣлою вселенной воевать,
Имѣнiе и женъ готовы забывать,
Готовы защищать отечество любезно;
Не хитрость намъ теперь, оружiе полезно.
Орды ужасны намъ, ужасны будемъ имъ,
Ужасны, естьли въ насъ мы робость побѣдимъ;
Отмстимъ за прадѣдовъ, за сродниковъ нещастныхъ,
За насъ самихъ отмстимъ Ордамъ до днесь подвластныхъ;
Лишь только повели, за Днепръ и за Казань,
Въ сердцахъ мы понесемъ войну, тревогу, брань!
Но естьли робостью себя мы обезславимъ,
И нашихъ силъ противъ Ордынскихъ не поставимъ,
Пойду отсѣль на край вселенной обитать;
Любви къ отечеству мнѣ не чѣмъ здѣсь питать!
Подавлена она и огражденна лестью;
Чины прiобрѣтать хощу единой честью,
Служить отечеству трудами и мечемъ;
О чести я пекусь, а больше ни о чемъ. . .
Какъ море бурями отвсюду возмущенно,
Не вдругъ при тишинѣ бываетъ укрощенно:
Таковъ и Курбскiй былъ; вѣщати онъ престалъ;
Но стонъ произносилъ и весь онъ трепеталъ.

Въ

Въ то время Іоаннъ веселыми очами
Являлъ, что Курбскаго доволенъ былъ рѣчами:
Пріятный Царскій взоръ щитая за отвѣтъ,
Придворные и сей одобрили совѣтъ.
Испорченный давно отмѣннымъ почитаньемъ,
Схватясь за мечь рукой, Князь Глинскій всталъ съ роптаньемъ.
Но тутъ присудствуя, что кроткая весна,
Адашевъ ихъ разторгъ, какъ облаки луна;
И рекъ: какой намъ стыдъ! врагамъ какая слава!
Отъ нашихъ неустройствъ вся рушится держава.
Теперь ли внутренни раздоры начинать,
Когда пришли часы отечество спасать?
Мужайся Царь, ступай тебѣ отверстымъ слѣдомъ
Къ спасенью общему отцемъ твоимъ и дѣдомъ;
И терны оныя пожни твоей рукой,
Которые до днесь смущаютъ нашъ покой.
А вы, правленія ограды и подпоры,
Вельможи! прежнія забудьте днесь раздоры
Се! намъ отечество стеная предстоитъ;
Оно друзьями намъ въ совѣтахъ быть велитъ,
Оно рыдаючи сынамъ своимъ вѣщаетъ:
Тотъ врагъ мой, за мои кто слезы не отмщаетъ;
Взгляните, говоритъ, на горы, на поля,
Тамъ кровью Россіянъ увлажена земля;
Тамъ ваши сродники и дѣти избіенны,
Выходятъ изъ гробовъ на васъ ожесточенны;
Отмстите вы за насъ, отмстите! вопіютъ;
Не мстимъ, и нашу кровь до днесь враги ліютъ.
Вельможи! какъ свою державу успокоимъ,
Единодушія коль въ насъ мы не устроимъ?
Презрѣнна зависть насъ снѣдаетъ и дѣлитъ,
А честь о сиротахъ стараться намъ велитъ.
Соединимъ сердца, раздоры позабудемъ,
Тогда почтенными людьми мы прямо будемъ;

Нась Царь, отечество къ спасенію зоветъ,
О други! труденъ ли на сей вопросъ отвѣтъ?
Тогда небесный духъ, во свѣтлой ризѣ зримый,
Явился вкругъ всего собранія носимый;
Спокойство сладкое на лица проливалъ,
Жаръ бодрости въ сердцахъ Боярскихъ оживалъ,
И рѣчь сію уста Хилкова вострубили:
О братія! онъ рекъ, иль бѣдство вы забыли,
Которо здѣсь лилось, какъ токи бурныхъ водъ?
Князья за скипетры, за нихъ страдалъ народъ,
И буря бранная въ отечествѣ шумѣла,
Она надъ предками близь трехъ вѣковъ гремѣла;
Въ сіи позорныя Россіи времяна,
Погасли Княжески почтенны имяна;
Чужіе къ намъ пришли обычаи и нравы,
И скрылися слѣды пріобрѣтенной славы;
Иль грозныхъ дней опять дождаться мы хотимъ,
Что мы гнѣздилища враговъ не истребимъ;
Россіяне! изъ сей, изъ гордой сей Казани,
Грозятъ набѣги намъ, гоненія и брани;
Когда отечество погибло не совсѣмъ,
Слѣпому щастію обязаны мы тѣмъ;
Но естьли гидры сей глава не сокрушится,
Россія вольности со времянемъ лишится.
Вельможи! презритъ насъ унывшихъ цѣлый свѣтъ;
Потомкамъ плачущимъ мы должны дать отвѣтъ.
Но царству кто изъ насъ не хощетъ обороны,
Тотъ врагъ отечества, врагъ вѣры, врагъ короны,
И долженъ общее презрѣнье понести.
Князь Глинскій не умѣлъ терпѣнья соблюсти:
Садился, возставалъ, въ лицѣ перемѣнился,
И немощь возмечтавъ, изъ Думы уклонился.
Но Царь, глаза свои возведши къ небесамъ,
Вѣщалъ: хощу и я итти на Орды самъ.

Онъ

Онъ вѣдалъ мягкое вельможей многихъ свойство,
И любящихъ Двора роскошное спокойство,
Въ которо праздностью своею ихъ вовлекъ;
Къ терпѣнью и трудамъ привлечь ихъ, тако рекъ:
Вы Россы узрите меня примѣръ дающа,
Вкушающаго хлѣбъ и въ нуждѣ воду пьюща;
Я твердость понесу одну противъ враговъ:
Мнѣ будетъ одръ земля, а небо мой покровъ;
Труды для подданныхъ мнѣ будутъ услажденьемъ,
Начну я собственнымъ побѣды побѣжденьемъ;
Коль роскошь узрите когда въ шатрѣ моемъ,
То въ нѣгахъ утопать позволю войскамъ всѣмъ;
И требую отъ васъ, когда вы мнѣ послушны,
Являйтесь въ подвигахъ со мной единодушны,
Устройте къ общему спасенію умы,
Да Россы будучи, и братья будемъ мы.
Слова сіи сердецъ уже не премѣнили,
Но пущимъ жаромъ ихъ къ войнѣ воспламенили,
И шумъ внимаемъ былъ звучащихъ будто лиръ;
Казалось не на брань готовятся, на пиръ.
Но слово, кое Царь и въ таинствѣ вѣщаетъ,
Ни храмина въ себѣ, ни градъ не умѣщаетъ:
О тайныхъ узнавать пекущася дѣлахъ,
Нескромность Царску мысль выноситъ на крылахъ;
Сія позорна страсть, принявъ лицѣ и тѣло,
По Царскимъ комнатамъ, по стогнамъ ходитъ смѣло,
Касается она Царицынымъ ушамъ,
Вѣщая: Іоаннъ идетъ къ Казани самъ!
Князь Глинскій правдою сраженъ еще лукавилъ,
Въ ужасныхъ видахъ Ей походъ Царевъ представилъ;
Какъ буря тихій день въ ней сердце возмущалъ,
И смерть Монаршую супругѣ предвѣщалъ.
Когда спокоенъ Царь и радостенъ являлся,
Единою совѣтъ душею оживлялся;

Отважность ихъ была сходна водѣ рѣчной,
Текущей по ея стремленью съ быстриной.
Вдругъ видятъ плачущу Царицу къ нимъ входящу,
Младенца своего въ объятiяхъ держащу;
Казалося, отъ глазъ ея скрывался свѣтъ,
Или сама печаль въ лицѣ ея грядетъ;
Тоски она несла въ чертахъ изображенны,
И длани хладныя ко персямъ приложенны.
Толь смутной иногда является луна,
Когда туманами объемлется она;
Съ печальной томностью лице къ землѣ склоняетъ,
И видъ блистательный на блѣдный премѣняетъ.
Пришла, и на Царя взглянувъ, взрыдала вдругъ,
Скрѣпилась и рекла: ты ѣдешь мой супругъ!
Ты жизнь твою цѣной великою не ставишь;
Но вспомни, что меня во сиротствѣ оставишь!
Когда не тронешься любовiю моей,
Ужель не умягчитъ тебя младенецъ сей?
У ногъ твоихъ лежитъ онъ съ матерью нещастной.
Уже лишенной чувствъ, уже теперь безгласной!
Смотри, онъ силится въ слезахъ къ тебѣ воззрѣть,
Онъ хочетъ вымолвить: не дай мнѣ умереть.
Читай въ очахъ его невинны разговоры;
О чемъ языкъ молчитъ, о томъ разскажутъ взоры;
Вѣщаетъ онъ: спаси меня отъ сиротства,
И мать нещастную отъ слезнаго вдовства.
О Царь мой! о супругъ! имѣй ты жалость съ нами,
Не отдѣлись отъ насъ обширными странами,
Военнымъ бѣдствiямъ не подвергай себя;
Иль храбрыхъ въ царствѣ нѣтъ вельможей у тебя?
Начто отваживать тебѣ не принужденно,
Для Россовъ здравiе твое неоцѣненно?
Храни его для всѣхъ, для сына, для меня!
Останься! се прошу, у ногъ твоихъ стеня.

Когда

Когда же лютый сей предѣлъ уже положенъ,
И въ брань итти отказъ Монарху не возможенъ,
Такъ пусть единою мы правимся судьбой,
И сына и меня возми мой Царь съ тобой!
Съ тобою будетъ трудъ спокойства мнѣ дороже;
Я камни и пески почту за брачно ложе;
Возми съ собою насъ! ... Какъ кедръ съ различныхъ странъ
Колеблемъ вѣтрами, былъ движимъ Іоаннъ;
Но въ мысляхъ пребылъ твердъ... Царю во умиленье
Представилось у всѣхъ на лицахъ сожалѣнье:
Слезъ токи у Бояръ рѣками потекли,
Останься Государь! Царю они рекли.
Усердьемъ тронутый и нѣжными слезами,
Заплаканными самъ взиралъ къ нимъ Царь глазами;
Супругу вѣрную поднявъ облобызалъ,
Вельможамъ наконецъ такой отвѣтъ сказалъ:
Начто мнѣ быть Царемъ, коль трудъ за бремя ставить,
И царствомъ самому отъ праздности не править?
Чужими на поляхъ руками воевать,
И разумомъ чужимъ законы подавать;
Коль титломъ мнѣ однимъ Монарха веселиться,
То власть моя со всемъ народомъ раздѣлится;
Я стану имянемъ единымъ обладать,
По томъ отъ подданныхъ законовъ ожидать;
Какъ плѣнникъ буду я, прикованный ко трону,
Вожди другимъ вручивъ, къ стыду носить корону.
На чтожь и царствовать? ... Возлюбленна моя!
О ты, котору чту не меньше жизни я!
Къ тебѣ я узами сердчеными привязанъ;
Но прежде былъ еще отечеству обязанъ,
И только сталъ во свѣтъ наслѣдникомъ рожденъ,
По званію сему ужь былъ предубѣжденъ,
Въ народномъ щастіи мое блаженство числить,
И собственность забывъ, о благѣ общемъ мыслить;

Душевны слабости и нѣги отметать,
Во подданныхъ друзей и ближнихъ почитать,
Вотъ должность Царская . . . О вѣрная супруга!
Мой первый есть законъ отечеству услуга;
Не отторгай меня отъ бремяни сего,
Которо свято есть для сердца моего;
Когда, любя тебя, мой долгъ я позабуду,
Супругъ и Царь тогда достойный я не буду.
Скончавшу таковы Монарху словеса,
Казалось, новый свѣтъ являли небеса;
Царица лишь одна объемлющая сына,
Какъ солнце зрѣлася въ затмѣніи едина.
Когда отъ слезъ Монархъ Царицу ублажалъ,
Свіяжскій вдругъ гонецъ въ собраніе вбѣжалъ;
Печали на челѣ и видъ имѣлъ смущенный,
И такъ отвѣтствовалъ Монархомъ вопрошенный:
Измѣна, Государь, измѣна въ царствѣ есть!
Безбожный Царь Алей, забывъ законъ и честь,
Стезями тайными отъ насъ въ ночи сокрылся,
Съ Сумбекою Алей въ Казанѣ затворился;
Я присланъ въ скорости отъ искреннихъ Бояръ,
Сей новый возвѣстить отечеству ударъ.
Имѣя Іоаннъ своимъ Алея другомъ,
Казался быть раженъ унынія недугомъ;
И рекъ прерывистымъ произношеньемъ словъ:
Се нынѣшнихъ друзья испорченныхъ вѣковъ!
Несытая корысть ихъ узы разрушаетъ,
И прелесть женская горячность потушаетъ!
Лежащу злобу мы у нашихъ узримъ ногъ;
Намъ храбрость будетъ вождь, подпора наша Богъ!
Велите возвѣстить слова мои народу,
И двигнемъ силы всѣ къ поспѣшному походу;
Коломна цѣлію да будетъ всѣмъ странамъ,
Куда со воинствомъ собраться должно намъ;

От-

Оттолѣ потечемъ, устроясь къ важной брани,
Подъ сѣнію Орла Россійскаго къ Казани.
Хоть весь на насъ востокъ вооруженный зримъ,
Но съ вами въ брань идущъ я есмь непобѣдимъ!
Царица нѣжная отъ трона удалилась,
И въ сердцѣ у нее надежда поселилась.

Едва услышанъ былъ во градѣ трубный гласъ,
Духъ брани по сердцамъ простерся въ оный часъ;
И храбрость на стѣнахъ вздремавшая проснулась,
На щитъ, на копіе, на мечь свой оглянулась:
Я вижу въ прахѣ васъ, орудіямъ рекла,
И пыль съ себя стряхнувъ, по граду потекла.
Гдѣ праздность роскошей въ объятіяхъ гнѣздилась,
Тамъ грозная война какъ огнь воспламенилась;
Зазженный пламенникъ несетъ своей рукой,
Летятъ изъ градскихъ стѣнъ утѣхи и покой,
Межъ кроткихъ поселянъ убѣжище находятъ;
Граждане шумъ одинъ и ужасъ производятъ.
Уже орудія звучатъ вокругъ знаменъ,
Отмщенье вырваться готовится изъ стѣнъ;
Брони его звѣнятъ; прямые Царски други
Съ охотой жизнь несутъ отечеству въ услуги;
Въ заботѣ радостной ликуютъ домы ихъ,
Нахмуренна печаль въ слезахъ сидитъ у злыхъ.

О время! обрати теченіе природы,
И живо мнѣ представь изчезнувшіе годы.
Се вѣчность, возмутивъ священну тишину,
Являетъ ратниковъ грядущихъ на войну!
Держащій булаву и щитъ златый руками,
Князь Пронскій зрится мнѣ предъ конными полками,
Густыми перьями покрытъ его шеломъ,
И мнится, издаютъ его доспѣхи громъ.
Не увѣщаніемъ, не строгимъ разговоромъ,
Но мнится правитъ Князь полки единымъ взоромъ.

Изъ юношей сія дружина состоитъ,
Которыхъ родъ во всей Россіи знаменитъ.
Блестящій мечь нося, Князь Палецкій выходитъ,
Съ пищалями стрѣльцовъ и съ копьями выводитъ;
Вдали являются они какъ лѣсъ густой,
И молніи родятъ оружій чистотой;
Великое они покрыли ратью поле;
Но сильны не числомъ, а храбростію болѣ.
Но что разитъ мое вниманіе и взоръ,
Я вижу пламенныхъ Опричниковъ соборъ (*)!
Се войска цѣлаго подпора и надѣжда,
Сіяетъ, яко огнь, златая ихъ одежда.
Какъ въ храмѣ Божіемъ является олтарь,
Такъ зрится мнѣ грядущъ въ срединѣ оныхъ Царь;
На шлемѣ зрю его орла изображенна;
Царя вельможами я вижу окруженна,
Гдѣ онъ присудствуетъ, и слава зрится тутъ;
Седмь юношей вокругъ оружія несутъ:
Иной идетъ съ копьемъ, иной съ большимъ колчаномъ (**),
Съ великимъ сайдакомъ, съ мечемъ, съ щитомъ, съ тимпаномъ;
Пернаты видятся, чеканы вкругъ его.
Въ Монархѣ Бога я представилъ самого,
Когда онъ грозные съ небесъ низводитъ взгляды,
Имѣя вкругъ себя перуны, вихри, грады;
Блистаютъ огненны по воздуху лучи,
Какѣ звѣзды, съ небеси падущія въ ночи;
Дрожитъ вселенная, и ужасъ ощущаетъ!
Богъ мститъ, но стрѣлъ еще громовыхъ не пущаетъ,
Мнѣ Царь представился въ величествѣ такомъ,
Біющій медленно во звучный накръ жезломъ,
Онъ

(*) Опричниками назывались лучшіе воины, составляющіе гвардію Царскую.

(**) Сіи вооруженія во время похода обыкновенно вкругъ Царя носимы были его Рындами. Рынды были придворные дворяне.

Онъ множитъ въ ратникахъ и храбрость и вниманье,
Которы громъ несутъ Казанцовъ на попранье.
За нимъ избранные полки съ мечами шли:
Возстала пыль, но свѣтъ отъ нихъ сіялъ въ пыли.
Украшенъ сѣдиной, въ служеніи священномъ,
Мнѣ зрится Даніилъ на мѣстѣ возвышенномъ;
Грядуще воинство изъ градскихъ вратъ чредой,
При пѣніи кропитъ священною водой.
Мой слухъ стенанія съ веселымъ шумомъ внемлетъ:
Братъ брата, сынъ отца въ послѣдній разъ объемлетъ!
Тамъ ратникъ зрится мнѣ покрытый сѣдиной,
Трудами изнуренъ, болѣзнями, войной,
Съ почтенной ревностью на воинство взираетъ,
И руки томныя на небо простираетъ!
Открылася его израненная грудь,
О Боже! онъ вскричалъ, благослови ихъ путь!
Съ высокой храмины взирающій со стономъ,
Но въ духѣ подкрѣпленъ святымъ своимъ закономъ,
Родитель сына зря подъ шлемомъ, вопіетъ:
Я можетъ быть съ тобой въ послѣдній зрю на свѣтъ!
Но естьли жизнь свою ты въ полѣ и оставишь,
Коль многихъ ты сыновъ отъ пагубы избавишь!
Небесный обрѣти, или земный вѣнецъ,
А естьли я умру, то Царь тебѣ отецъ.
Тамъ смотрятъ матери на чадъ во умиленьѣ.
Но всѣ умолкли вдругъ, зрю новое явленье!
Простерши взоръ къ Царю чертоговъ съ высоты,
Царица нѣжная въ слезахъ явилась ты!
Какъ будто бы къ себѣ Царя обратно проситъ,
Младенца своего на раменахъ возноситъ;
Растрепанны власы, взоръ томный, блѣдный видъ,
Поколебалъ Царя! . . . Но стонъ въ груди былъ скрытъ;
Слезъ капли отеревъ, взглянулъ на мечь, на войски,
И чувства на лицѣ изобразилъ геройски:

Еще мнѣ видится съ небесъ простерта длань,
Вѣнчающа полки, грядущіе на брань.
Но пусть къ Ордамъ несетъ Россійскій Марсъ перуны,
Хощу перемѣнить на звучной лирѣ струны;
Доколь кровавыхъ мы не зримъ еще полей,
Воззримъ, что дѣлаютъ Сумбека и Алей.
О Музы! лиру мнѣ военну перестройте,
И нѣжности любви при звукахъ бранныхъ пойте,
Дабы за вами въ слѣдъ быстряе духъ парилъ;
Внушите пламень вашъ, прибавьте мыслямъ крилъ;
Еще отдалены побѣдоносны брани,
Вѣщайте трепетъ, страхъ и хитрости Казани!

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Уже блюстители Казанскія измѣны,
Восходятъ высоко Свіяжски горды стѣны;
Сумбекѣ городъ сей былъ тучей громовой,
Висящей надъ ея престоломъ и главой,
И Волга зря его, свои помчала волны,
Россійской славою, Татарскимъ страхомъ полны;
Ужасну вѣсть Ордамъ о градѣ понесла;
Въ Казанѣ смутная опасность возрасла;
Надежда отъ сердецъ кичливыхъ удалилась,
И матерь безпокойствъ, въ нихъ робость поселилась:
У дня отъемлетъ свѣтъ, спокойство у ночей,
Имъ страшно солнечныхъ сіяніе лучей;
При ясномъ небѣ имъ надъ градомъ слышны громы;
Въ дыму и въ пламени являются ихъ домы:
Обвитый въ черную одежду общій страхъ,
Казанцамъ видится на стогнахъ и стѣнахъ;
Кровавый мечь въ рукѣ онъ зрится имъ носящимъ,
Луну дрожащу ссѣчь съ ихъ капищей хотящимъ;
Имъ часто слышится въ полночный тихій часъ,
Поющихъ Христіянъ благочестивый гласъ;
Священный зрится крестъ, рушитель ихъ покою,
Начертанъ въ воздухѣ невидимой рукою.

Народамъ такъ грозитъ вселенныя Творецъ,
Когда державѣ ихъ готовитъ Онъ конецъ.
Какъ будто жители Енопскія Додоны,
Отъ коихъ древнія родились Мирмидоны!
Разсѣянна Орда, послышавъ грозну брань,
Изъ отдаленныхъ селъ подвиглася въ Казань.
Уже обильные луга опустошили,
Которыхъ Россіянъ ихъ праотцы лишили.
Подъ сѣнь Казанскую народы притекли,
Которы святости кумировъ предпочли;
Отъ бурныя Суры, отъ Камы быстротечной,
Семейства движутся Орды безчеловѣчной;
Поля оставили и Волжскій токъ рѣки,
Языческихъ боговъ носящи Остяки,
Ихъ нѣкій страхъ съ луговъ подъ градски стѣны гонитъ.
Увидя ихъ Казань, главу на перси клонитъ;
Бойницы множитъ вкругъ, огромность стѣнъ крѣпитъ;
Но ими окруженъ, народъ не сладко спитъ:
Онъ слышитъ стукъ мечей и трубны въ полѣ звуки,
Возноситъ къ небесамъ трепещущія руки;
Но Богъ, развратныя сердца познавый въ нихъ,
Ликъ свѣтлый отвратилъ, отринувъ прозьбы ихъ,
И мраки въ воздухѣ ихъ вопли препинали!
Упала тма на градъ, тамъ стѣны возстенали!
Казалось небеса паденіемъ грозятъ;
Казанцы томну грудь въ отчаяньѣ разятъ.
Но гордость тяжкому стенанію не внемлетъ,
Изъ моря общихъ золъ главу свою подъемлетъ,
И попирающа ногой своей народъ,
Съ его унынія пожати хощетъ плодъ:
Вѣщаютъ рѣки брань, поля ее вѣщаютъ;
Но духа бодрыя Сумбеки не смущаютъ.
Въ то время Фурія, паляща смертныхъ кровь,
Рожденна изо тмы развратная любовь,

Которая крушитъ и мучитъ человѣковъ,
Слывуща нѣкогда Кипридою у Грековъ;
Не та, которая вселенной въ юныхъ дняхъ,
Отъ пѣны сребряной рожденна во волнахъ,
Сія вещей союзъ во свѣтѣ составляетъ;
Другая рушитъ все, все портитъ разтравляетъ.
Такою былъ Ираклъ къ Омфалѣ распаленъ,
Такой Пелеевъ сынъ подъ Троей ослѣпленъ;
На Ниловыхъ брегахъ была такая зрима,
Когда вздыхалъ на нихъ преобразитель Рима;
Въ очахъ ея покой, въ душѣ ея война,
И только вздохами питается она,
Тоской, мученьями и плачемъ веселится,
И слабыхъ ищетъ душъ, хотяща въ нихъ вселиться.
Пришедша посѣтить восточную страну,
На тронѣ зритъ она прекрасную жену;
Ея стенанія, ея желанья внемлетъ,
И пламенникъ она и крылія пріемлетъ,
Сумбекѣ предстоитъ, раждая огнь въ крови,
Вѣщаетъ: тягостны короны безъ любви;
Противна безъ нее блестящая порфира,
И скучны безъ любви блаженствы здѣшня міра;
Дай мѣсто въ сердцѣ мнѣ, будь жрицею моей,
И не страшись войны, коварствъ, ни мятежей.
Мечтами нѣжными Сумбеку услаждаетъ,
И сладкій ядъ свой пить Царицу убѣждаетъ.
Она какъ плѣнница за ней стремится въ слѣдъ,
Закрывъ свои глаза, идетъ въ пучину бѣдъ.

Сумбекѣ на яву, Сумбекѣ въ сновиденьѣ,
Столицы и вѣнца является паденье,
Ей вопли слышатся, ей тѣни предстоятъ:
Лишишься царства ты! повсѣмъ мѣстамъ гласятъ.
Ея трепещетъ тронъ, и нѣкій духъ незримый
Отъ юности ея на Камѣ ею чтимый,

Сей духъ, Перуновымъ разрушенный огнемъ,
Сумбекѣ видится и нощiю и днемъ,
Онъ перси молнiей являетъ опаленны,
Кровавое чело и члены раздробленны;
Жестокая любовь! колико ты сильна!
Ни страха, ни угрозъ не чувствуетъ она,
Сумбека собственну напасть пренебрегаетъ,
Не къ браннымъ помысламъ, къ любовнымъ прибѣгаетъ!
Къ сему орудiю коварствующихъ женъ;
О! кто не знаетъ ихъ, тотъ подлинно блаженъ!
Она являлася Ордынцами владѣя,
Киприда красотой, а хитростью Цирцея,
Для выгодъ собственныхъ любила Царскiй санъ;
Смущали душу въ ней, не брани, Князь Османъ, (*)
Прекрасный юноша, но льстивый и коварный,
Любовью тающiй, въ любви неблагодарный;
Османъ, Таврискiй Князь, былъ нравами таковъ,
Какъ лютая змiя, лежаща межь цвѣтовъ:
Приближиться къ себѣ прохожихъ допущаетъ,
Но жало устремивъ, свирѣпость насыщаетъ.
Сумбекѣ агнца онъ въ лицѣ своемъ явилъ,
И сердце страстью въ ней какъ жаломъ уязвилъ.
Царица пламенной любовiю возженна,
Жестокимъ Княземъ симъ была пренебреженна,
Познала, что уже обманута она,
Не вѣренъ ей Османъ, она ему вѣрна;
Эмира взоръ его и сердце отвратила,
Котору яко дщерь Сумбека возрастила.
Часы отсутствiя, въ свиданьѣ мрачный взглядъ,
Во грудь Царицыну вливали смертный ядъ;
Утѣхи, коими до днесь она питалась,
Изъ сердца вонъ ушли, надежда въ немъ осталась,

На-

(*) Подлинное его имя Уланъ Кащакъ.

Надежда! слабый другъ нещастливыхъ людей,
Единой тѣнью льститъ наперстницѣ своей.
Когда умножилась народныхъ скорбей сила,
И робость вкругъ нее спокойство погасила;
Когда казань власы въ отчаяньѣ рвала,
Она въ чертогъ къ себѣ Сеита призвала.
Сей старецъ первый былъ начальникъ ихъ закона;
Хотѣла удалить сего она отъ трона;
Ему противенъ былъ и страшенъ Князь Османъ,
Адъ былъ въ душѣ его, въ устахъ кипѣлъ обманъ;
На кровь любовника гортань его зіяла,
Сему вступившему Сумбека вопіяла:
Мы гибнемъ всѣ теперь! се близокъ грозный день,
Который вѣчную сулитъ Казани тѣнь!
Прибѣгнуть надлежитъ боговъ моихъ ко храму:
Иди, почтенный мужъ, иди теперь на Каму,
Богатства въ даръ богамъ и жертвы понеси,
Живущихъ тамъ духовъ отвѣта испроси,
На насъ ли громъ они, или на Россовъ клонятъ?
Вручатъ ли имъ Казань, иль насъ отсель изгонятъ?
Когда цвѣтущіе вела я тамо дни,
Отвѣты ясные давали мнѣ они;
Противу Христіянъ питающей злодѣйство,
Мнѣ страшное они открыли чародѣйство;
Могла я приказать свѣтиламъ течь назадъ;
Но царствуя Ордой, оставила днесь адъ;
Внушенія боговъ притомъ не забывала:
Я кровь Россійскую рѣками проливала.
За жертвы таковы награды я хощу:
Народу, сыну я спасенія ищу;
И естьли помнишь ты и любишь Сафгирея,
Спѣши, вниманіе къ его вдовѣ имѣя,
Спѣши для царства ты, для вѣры, для себя!
Коль сила есть въ богахъ, послушаютъ тебя...,

Сеитъ

Сеитъ съ молчаніемъ отъ трона удалился,
И многи дни въ степяхъ походъ его продлился.
Сумбека преуспѣвъ Сеита отдалить,
Намѣрилась престолъ съ Османомъ раздѣлить.
Но Богъ намѣренья людскія разрушаетъ,
И гордость какъ тростникъ дхновеньемъ сокрушаетъ,
Зритъ наши Онъ сердца съ небесной высоты,
Людскія помыслы развѣетъ какъ мечты.
Увидя жителей отчаянныхъ Казани,
Взносящихъ къ небесамъ трепещущія длани;
Престольный видя градъ уныньемъ пораженъ;
Внимающа дѣвицъ рыданіе и женъ,
Сумбека собственну тревогу въ сердцѣ скрыла,
Народъ созвавъ, лице и голосъ претворила.
О мужи храбрыя! она вѣщаетъ имъ,
Отъ коихъ трепеталъ и Греція и Римъ,
Которы имянемъ Чингиса и Аттилы,
Явили страшными свои сосѣдямъ силы;
Которыхъ мужествомъ исполненъ цѣлый свѣтъ;
Вы, коихъ Скиѳами вселенная зоветъ!
Скажите мнѣ, сеголь колѣна вы потомки,
Которы славою у всѣхъ народовъ громки?
Гдѣ нынѣ время то, какъ ваши праотцы,
Давали Княжески по выбору вѣнцы?
Какъ полночь робкая, въ Казань простерши длани,
Намъ вѣрностью клялась и приносила дани!
Довольно было намъ дать знакъ своей рукой,
Чтобъ градамъ ихъ пылать и рушить ихъ покой,
Возжечь въ народѣ семъ войну междоусобну,
Родства оковы рвать и зависть сѣять злобну.
Еще на тѣхъ горахъ стоитъ нашъ гордый градъ,
На коихъ страшенъ былъ его Россіи взглядъ;
Еще ты Волжская струя не уменьшилась,
А прежней лѣпоты Казань уже лишилась;

Мы

Мы очи ль возведемъ на сѣверъ съ нашихъ горъ,
Тамъ нашей власти намъ уже не кажетъ взоръ;
Но что я говорю о даняхъ и о славѣ?
Законы ихъ Цари даютъ моей державѣ!
И щастье учинивъ упрямый оборотъ,
Порабощаетъ ихъ престолу мой народъ;
Свіяжскъ раждается, коль дивныя премѣны!
Уже къ намъ движутся Россійски съ громомъ стѣны.
Но кто сіи враги, которы намъ грозятъ,
Которы ужасомъ сердца у васъ разятъ?
То наши данники, то слабые народы,
Которыхъ славы мы лишали и свободы.
О! ежели сіи враги ужасны вамъ,
Возмите посохи, ступайте ко стадамъ;
Не шлемами главы, украсьте ихъ вѣнцами,
Женоподобными гордитесь вы сердцами,
И въ роскошахъ уснувъ на тучныхъ сихъ брегахъ,
Гдѣ прежде обиталъ духъ бодрости и страхъ,
Забудьте предковъ вы, отечество забудьте,
Или проснитеся и паки Скиѳы будьте.
Надежды въ браняхъ вамъ когда не подаетъ,
Во мнѣ мой слабый полъ, сыновнихъ юность лѣтъ;
Что дѣлать? Я должна супруга вамъ представить,
Который бы умѣлъ Ордынскимъ царствомъ править.
Подъ видомъ бодрости Сумбека скрыла страсть;
Уничижаяся, разширить мыслитъ власть,
И виды лестные дающая обману,
Не къ благу общему, склоняетъ мысль къ Осману.

Но вдругъ въ окружности, гдѣ сдвигнутъ былъ народъ,
Изшедый нѣкій мужъ является изъ водъ;

Предсталъ онъ весь покрытъ и тиной и травою,
Потоки мутные отряхивалъ главою,
Очами грозными Казанцовъ возмущалъ;
Увы, Казань! увы! стеная онъ вѣщалъ;
Не жить Ордынцамъ здѣсь! . . . Смущенные рѣчами
Казанцы бросились къ видѣнію съ мечами:
Но посланъ тартаромъ, иль волею небесъ,
Сей мужъ невидимъ сталъ, и яко дымъ изчезъ.
Боязнь, которая ихъ чувства убивала,
То знаменіе имъ въ погибель толковала.
Пророчествомъ сіе явленіе почли;
До самыхъ облаковъ стенанья ихъ текли,
Свое производя изъ вида примѣчанье,
Во смутномъ весь народъ является молчаньѣ;
На лицахъ кажется, на слезныхъ ихъ очахъ,
Тоска, отчаянье, уныніе и страхъ.
И се! является Казанскихъ золъ рачитель,
Сеитъ, закона ихъ начальникъ и учитель;
Какъ будто страшною мечтою пораженъ,
Или кровавыми мечами окруженъ;
Или встрѣчающій мракъ вѣчный адской ночи;
Имѣлъ онъ блѣдный видъ, недвижимыя очи,
Въ трепещущихъ устахъ языкъ его дрожалъ,
Какъ страшнымъ львомъ гонимъ въ собраніе вбѣжалъ.
Пріобрѣтающи вельможи раны къ ранамъ,
Являлись каменнымъ подобны истуканамъ.
Собравъ разстроенныхъ своихъ остатокъ силъ,
И руки вознося, сей старецъ возгласилъ:
О братія мои и други! горе! горе!
Иль молніями насъ постигнетъ небо вскоре;
Или уста свои расторгнувъ страшный адъ,
Поглотитъ насъ самихъ и сей престольный градъ;
Сквозь мраки вѣчности я вижу руку мстящу,
Огонь, войну и смерть на насъ послать хотящу;

Я слышу день и нощь? смутясь вѣщаетъ онъ;
Я слышу въ воздухѣ, подземный слышу стонъ!
Ходилъ не давно я спокоить духъ смущенный,
На Камскіе брега, во градъ опустошенный,
Опредѣленіе проникнути небесъ:
Тамъ агнца чернаго на жертву я принесъ,
И вопрошалъ духовъ, во градѣ семъ живущихъ,
Въ сомнительныхъ дѣлахъ отвѣты подающихъ;
Заросъ въ пещеру путь къ нимъ терномъ и травой;
Отвѣта долго ждавъ, я вдругъ услышалъ вой,
Отчаянье и стонъ, во храмѣ нами чтимомъ;
И се покрылася пещера чернымъ дымомъ;
Увидѣлъ я изъ ней летящую змію,
Въ громахъ вѣщающу погибель мнѣ сію:
Напрасно чтутъ меня и славятъ человѣки,
И вы погибнете и я погибъ на вѣки!
Змій пламенной стрѣлой ко западу упалъ,
Внимающій сіе окамененъ я сталъ.
О други! сиры ставъ въ опасностяхъ безмѣрныхъ,
Пойдемъ и призовемъ Срацинъ единовѣрныхъ;
Они на вопли женъ, на слезы притекутъ,
И нашу зыблему державу подопрутъ. . . .
Вѣщая тѣ слова, онъ ризу раздираетъ,
Возкрикнувъ, тако Богъ насъ въ гнѣвѣ покараетъ!
Ко суевѣрію сей склонный человѣкъ,
Но хитрый въ вымыслахъ, Сумбекѣ тако рекъ:
Имѣя горьку мысль и душу возмущенну,
Когда приближился я къ лѣсу освященну,
Гдѣ солнца не видать, ни свѣтлыя зари,
Гдѣ наши древніе покоятся Цари;
Увидѣлъ предъ собой я блѣдну тѣнь дрожащу,
И мнѣ сіи слова съ стенаніемъ гласящу:
О старче! поспѣшай, Сумбекѣ обьяви,
Да сладостной она противится любви.

Хощу, да изберетъ себѣ она въ супуга,
Престола Царскаго и пользы общей друга;
Тогда вашъ градъ пророкъ къ спокойству призоветъ!
Подобно какъ Борей въ пучинѣ зареветъ,
У плавателей страхъ искуство ихъ отъемлетъ,
Разсудку здравому никто уже не внемлетъ:
Такъ стекшійся народъ мутился въ оный часъ,
Пронзаетъ облака смѣшенный нѣкій гласъ;
Но гордость при такихъ волненіяхъ не дремлетъ,
Притворство видъ любви къ отечеству пріемлетъ;
Вельможи гордыя на тронъ Казанскій зрятъ,
Народъ склонить къ себѣ желаніемъ горятъ.
Казанскій Князь Сагрунъ (*) заслуги изчисляетъ,
Которыми права къ державѣ подкрѣпляетъ,
Чего намъ ждать? онъ въ грудь біющій говоритъ;
Погибли мы, когда Москва насъ покоритъ!
Мы будемъ изъ своихъ жилищей извлеченны,
И горъ во внутренность на вѣки заключенны;
Отниметъ свѣтъ у насъ блестящій тотъ металлъ,
Который у враговъ Казани богомъ сталъ.
Нѣтъ мира намъ съ Москвой! коль градъ спасти хотите,
Другова, иль меня правленіемъ почтите. . . .
Сеитъ со Княземъ симъ единомышленъ былъ,
Въ немъ нравы онъ, своимъ подобные любилъ;
Тебѣ принадлежитъ, онъ рекъ, съ Сумбекой царство,
Ты знаешь, какъ спасать отъ Россовъ государство;
Но злобу посрамить и гордость ихъ попрать,
Алея предлагалъ Гирей Царемъ избрать;
Уже Алей, онъ рекъ, два раза нами правилъ,
Но видя нашу лесть, Казанскій тронъ оставилъ;
Взовемъ къ нему еще, корону поднесемъ:
Чрезъ то Свіяжскъ падетъ, чрезъ то себя спасемъ.

Ког-

(*) Подлинное его имя Чапкунъ.

Когда сомнѣніемъ Сумбека колебалась,
И сердцемъ къ нѣжностямъ любовнымъ преклонялась;
Является вдали, какъ новый Енкеладъ,
Который будто бы возсталъ, пресиливъ адъ;
То Князь былъ Асталонъ: онъ шелъ горѣ подобенъ;
Сей витязь цѣлый полкъ единъ попрать удобенъ,
Отваженъ, лютъ, свирѣпъ сей врагъ Россіянъ былъ,
Во браняхъ, какъ тростникъ, суперниковъ рубилъ;
Пошелъ въ средину онъ покрытъ броней златою,
И палицей народъ раздвинувъ предъ собою,
Какъ гласомъ многихъ трубъ, вѣщалъ Казанцамъ онъ:
Се въ помощь къ вамъ пришелъ безстрашный Асталонъ!
Я слова украшать цвѣтами не умѣю,
Но храбость лишь одну и силу я имѣю.
При сихъ словахъ съ земли онъ камень подхватилъ,
Который множествомъ поднять не можно силъ,
Одной рукой его поставилъ надъ главою;
Кто силой одаренъ, вѣщаетъ, таковою?
Повергъ онъ камень сей отъ круга далеко,
И въ землю часть его уходитъ глубоко;
Вотъ опытъ силъ моихъ, онъ рекъ, шумящь бронями,
Закроетесь моей вы грудью, не стенами;
Готовъ я гнать одинъ Россійскіе полки;
Но требую во мзду Царицыной руки;
Въ награду не хощу всего Казанска злата,
Сумбека за труды едина мнѣ заплата;
Когда не примете желанья моего,
Спокоенъ выду вонъ изъ города сего;
И все собраніе окинулъ страшнымъ окомъ.

Народъ казался быть въ молчаніи глубокомъ;
Но имъ спокойства въ немъ является заря;
Уже хотѣли всѣ признати въ немъ Царя;
Какъ многихъ шумъ древесъ, такъ рѣчи слышны были,
И съ Княземъ въ бракъ вступить Сумбекѣ присудили.

Какой погибельный Сумбекѣ приговоръ!
Она потупила въ слезахъ прекрасный взоръ.
Такъ плѣнникъ, чающiй прiятныя свободы,
И льстящiйся прожить съ весельемъ многи годы,
Со страхомъ видитъ цѣпь несомую къ нему,
И возвѣщающу всегдашнiй плѣнъ ему.
Сумбека гдѣ себя Царицей почитала,
Сумбека въ царствѣ томъ невольницею стала;
Рабы противъ ея свободы возстаютъ,
И сердца раздѣлить съ Османомъ не даютъ.
Томленна горестью, въ печали углубленна,
Любезный зракъ нося въ груди Царица плѣнна,
Вѣщаетъ къ подданнымъ, смущаясь и стеня:
Вы въ жертву гордости приносите меня!
Такъ вы Царя сего, котораго любили,
Неблагодарныя! въ лицѣ моемъ забыли;
Но быть моихъ рабовъ рабою не хощу,
И прежде землю я и небо возмущу,
Подамъ лунѣ самой и солнцу я уставы,
Чѣмъ вы похитите и власть мою и правы;
Въ лицѣ ея съ стыдомъ изображался гнѣвъ.
Таковъ является свирѣпъ и грозенъ левъ,
Когда отрѣзавъ путь ему къ лѣсамъ и къ полю,
Безстрашныя ловцы влекутъ его въ неволю.
Въ народѣ возстаетъ необычайный шумъ;
Сумбекинъ движимъ былъ какъ море страстью умъ;
Любовь слѣпую страсть въ Сумбекѣ разжигаетъ,
Златую цѣпь она на гордость налагаетъ;
Предтечу слабости стонъ тяжкiй извлекла,
Сумбека страстiю смягченная рекла:
Увы! мнѣ дорого отечество любезно,
Царя назначить вамъ и мнѣ и вамъ полезно;
Но паче утвердить желанiе мое,
Потребна склонность мнѣ и время на сiе:..

По-

Позвольте мнѣ моей послѣдней волей льститься!
При сихъ словахъ токъ слезъ изъ глазъ ея катится.
Вѣщала, и народъ къ желанію склонить,
Хотѣла не любовь, но время отмѣнить.
Но вдругъ нечтущаго ни правилъ ни законовъ,
Гремящій голосъ былъ услышанъ Асталоновъ,
Сумбеки, хитростью вѣщалъ, ожесточенъ,
Я долго не привыкъ быть въ стѣны заключенъ;
Доколь рога луны въ кругъ полный не сомкнутся,
Стопы мои бреговъ Казанскихъ не коснутся;
Но я клянусь мечемъ, и клятву здѣлавъ льщусь,
Что презрѣнъ я отсель уже не возвращусь;
А естьли кто иной твою получитъ руку,
Погибнетъ! палицу я ставлю вамъ въ поруку.
И палицу сію взложивъ на рамена,
Онъ съ шумомъ уходилъ, какъ бурная волна.
Какъ съ корнемъ древеса, верхи съ домовъ срывая,
Надъ градомъ туча вдругъ восходитъ громовая,
Когда свирѣпый вихрь подняться ей претитъ,
Уставя грудь Борей на градъ ея стремитъ:
Подобно Асталонъ наводитъ угроженье,
Наполнивъ ужасомъ въ Казанцахъ вображенье,
Къ паденью чаютъ зрѣть склоняющійся градъ,
Коль въ бракъ не вступитъ онъ, пришедъ въ Казань назадъ.
Сумбека истребить такое огорченье,
Пріемлетъ на себя о бракѣ попеченье;
Вы знаете, она Казанцамъ говоритъ,
Что сердца моего боязнь не покоритъ,
Угрозамъ гордаго пришельца я не внемлю;
Коль нужно, возмущу и небо я и землю!
Мнѣ сила полная надъ тартаромъ дана,
Не устрашитъ меня Россійская война;
О! естьли адъ меня Казанцы не обманетъ,
Земля дрожать начнетъ, и громъ предъ нами грянетъ;

За

За слезы я мои, за ваши отомщу,
Спокойтесь! вамъ Царя достойнаго сыщу.
Но страхъ полночныхъ странъ, угрозы Асталона,
Сумбекины слова, ея престолъ, корона,
Ввергаютъ въ разныя сумнѣнiя народъ;
Народъ колеблется, какъ вѣтромъ токи водъ.
Въ любовныхъ помыслахъ, какъ въ тмѣ ночной сокрыта,
Сумбека весь народъ послала предъ Сеита;
Моля, да будетъ онъ покровомъ въ бѣдствахъ имъ,
Отправила его съ прошеньемъ рабскимъ въ Крымъ.
Царица между тѣмъ въ зелену рощу входитъ,
На миртовы древа печальный взоръ возводитъ;
Цитериныхъ она встрѣчая тамо птицъ,
Лобзающихся зритъ на вѣтвяхъ голубицъ;
Тамъ нѣжныхъ горлицъ зритъ во вѣки неразлучныхъ,
Взаимнымъ пламенемъ любви благополучныхъ;
Румяностью зарѣ подобныя цвѣты,
Какъ сѣти сплелись тамъ розовы кусты;
Все тамо нѣжится, вздыхаетъ, таетъ, любитъ,
Тоску Сумбекину то зрѣлище сугубитъ;
Казалось межъ древесъ играя съ мракомъ свѣтъ,
Ко сладкимъ чувствiямъ входящаго зоветъ.
Но будто рокъ ея Сумбекѣ возвѣстили,
Сокрылись виды всѣ, которы взорамъ льстили;
Вздыхаетъ и сдержать она не можетъ слезъ,
И се! увидѣла Османа межъ древесъ;
Имѣлъ въ рукахъ своихъ Османъ злату лиру,
И тихимъ голосомъ произносилъ Эмиру.
Любовной пѣсни слогъ и нѣжной лиры звонъ,
Извлекъ у страждущей Сумбеки тяжкiй стонъ;
Пронзая вѣтви стонъ, листы привелъ въ движенье,
И сладкое смутилъ въ Османѣ воображенье;
Сумбеку нѣжности къ невѣрному влекли;
Но видитъ томный взоръ и смутный видъ вдали,

Ко-

Который предвѣщалъ Царицѣ участь слезну;
Уже изъ града скрылъ Османъ свою любезну.
Еще въ не знающей погибели такой,
Надеждой подкрѣпленъ Сумбекинъ былъ покой;
Она въ очахъ его любви искавъ, вѣщаетъ:
Сумбека нѣжная вины твои прощаетъ,
Забвенью предаю потоки слезъ моихъ,
Которыя лились отъ строгостей твоихъ;
Пускай надеждою пустою обольщенны,
Мной будутъ всѣ Цари Ордынскія прельщенны;
Единаго тебя съ горячностью любя,
И сердце и престолъ храню я для тебя;
Намѣренью препятствъ ни малыхъ не встрѣчаемъ;
Пойдемъ во храмъ, пойдемъ, и нѣжность увѣнчаемъ!

Какъ будто устрашенъ упадшимъ камнемъ съ горъ,
Безсовѣстный Османъ потупилъ смутный взоръ,
Въ которомъ темнота являлась мрачной ночи;
Достойныль нѣжности такія видѣть очи!
Мучительный въ его груди спирался стонъ;
Но глазъ не возводя, сказалъ Царицѣ онъ:
Я жизнь могу вкушать пріятну безъ короны,
Безъ той всегдашнія спокойствія препоны;
Изъ подданныхъ меня ты хочешь возвести,
На тронъ, основанный на мятежахъ и лести!
За щедрости твои уже народъ твой злится,
Что будетъ, коль престолъ со мною раздѣлится?
Моей судьбинѣ злой подвергну я тебя;
Гони меня отсель, спасай, спасай себя!

Когда сіи слова теченіе имѣли,
Вдругъ миртовы древа по рощѣ зашумѣли;
Пужливы горлицы скрывались по кустамъ,
И крыльями онѣ затрепетали тамъ.
Не Прогнина сестра то ястреба пужалась,
Не туча съ градомъ то и съ громомъ приближалась;

Страшные молнiи къ Сумбекѣ вѣсть неслась,
И стужа у нее по сердцу пролилась.
Бѣгущи дѣвы къ ней Сумбекинъ духъ смущаютъ;
Эмиринъ ей побѣгъ изъ града возвѣщаютъ:
Со множествомъ она Османовыхъ богатствъ,
Подъ Княжьимъ имянемъ не видяща препятствъ,
Къ Таврiйской шествiе направила границѣ.
Громовый сей ударъ приноситъ смерть Царицѣ;
Какъ будто зря главу Горгонину она,
Движенiя была надолго лишена;
Наполнилъ сердце мразъ, горѣлъ гдѣ прежде пламень;
Преобращалася Аглавра тако въ камень;
Остановляется ея вкругъ сердца кровь.
О коль мучительна презрѣнная любовь!
Трепещущiй Османъ стыдится и блѣднѣетъ;
Сумбека силъ еще и плакать не имѣетъ!
Но духа одолѣвъ нестройность своего,
Се корень, вопiетъ, покорства твоего!
Увы! не нѣжна мать тебя носила въ чревѣ,
Ты львицею рожденъ, изверженъ адомъ въ гнѣвѣ;
Не здѣшнихъ мысленныхъ ты хочешь скрыться бѣдъ,
Бѣжишь ты отъ любви другой любви во слѣдъ;
Но сердце я мое на все теперь отважу:
Возмите, вопiетъ, измѣнника подъ стражу!
Какъ будто ей бѣдой сiя грозила рѣчь,
Изъ глазъ ея струей стремились слезы течь;
Бѣжитъ въ чертогъ къ себѣ, собою не владѣя,
Растрепанны власы и блѣдный видъ имѣя;
За ней послѣдуютъ тоска, печаль и стонъ;
Забвенъ любезный сынъ, забвенъ вѣнецъ и тронъ;
Лежитъ поверженна къ ногамъ ея порфира,
И въ мысляхъ царства нѣтъ, едина въ нихъ Эмира!
Какъ львица злобствуетъ, въ груди стрѣлу имѣвъ,
Сумбекинъ пламенный на всѣхъ простерся гнѣвъ;

ВЪ болѣзнь любовная преобратилась рана;
Встаетъ, велитъ отъ узъ освободить Османа;
Но вспомнивъ, что уже Эмиры въ градѣ нѣтъ,
О духи адскія! въ свирѣпствѣ вопіетъ,
Свое покорство мнѣ и силу днесь явите,
Измѣнницу въ ея пути остановите;
Представьте вы ее на муки въ сей мнѣ часъ! . . .
Вѣщаетъ; но ея невнятенъ аду гласъ;
Тогда къ подѣйствію надъ тартаромъ потребны,
Произнесла она еще слова волшебны:
Змію въ котлѣ варитъ, Кавказскій корень третъ;
Дрожащею рукой волшебный жезлъ беретъ,
И пламеннымъ главу убрусомъ обвиваетъ;
Луну съ небесъ, духовъ изъ ада призываетъ;
Но адскій Князь отъ ней сокрылъ суровый зракъ;
Сумбека видитъ вкругъ единый только мракъ,
Волшебною рукой черты изображенны,
Теряютъ силу ихъ, или пренебреженны:
Молчащій адъ предъ ней самой наноситъ страхъ;
Тоска въ ея душѣ, отчаянье въ очахъ,
Безмѣрна грусть ея и гнѣвъ ея безмѣренъ;
Вскричала: мрачный адъ! и ты мнѣ сталъ не вѣренъ!
Или ты, злобы Царь! безчувственъ сталъ и нѣмъ?
Нѣтъ! тартаръ не изчезъ, онъ въ сердцѣ весь моемъ!
Я мщенья моего безъ дѣйства не оставлю;
Въ любви безславна ставъ, враждой себя прославлю! . . .
Медея такова казалася страшна,
Когда Язону мстить стремилася она.
Но око Божіе на полнощь обращенно,
И чернокнижества искусствомъ возмущенно,
На сей велѣло разъ геенѣ замолчать,
Ко дверямъ приложивъ ужасную печать.
Священный крестъ сія печать изображала;
Гнѣтомая крестомъ, геена задрожала;

 Бли-

Блистанiемъ своимъ небесный оный знакъ,
Въ подземной пропасти сугубитъ вѣчный мракъ,
И козни бѣдственныхъ замкнулись чарованiй;
Не видно ихъ торжествъ, не видно пированiй,
Въ срединѣ тартара свободы лишены,
Въ оковахъ пламенныхъ лежатъ заключены.
Такъ басни о сынахъ Эоловыхъ толкуютъ,
Которы въ сердцѣ горъ заключены бунтуютъ,
Тамъ слышенъ шумъ отъ нихъ, боренiе и стонъ,
Колебля гору всю, не могутъ выйти вонъ.
Спокойство потерявъ сѣдящая на тронѣ,
Сумбека страждущей подобилась Дидонѣ,
Лежаща на одрѣ потоки слезъ лiетъ,
Почто любила я! страдая вопiетъ.
Познавъ, что адъ молчитъ, что ей любовь не внемлетъ,
Сумбека питiе волшебное прiемлетъ,
И хощетъ прекратить тоску въ единый разъ;
Но нѣкiй внутреннiй смущенный внемлетъ гласъ:
Оставь, вѣщаетъ онъ, оставь печаль и злобу,
Иди нещастная къ супружескому гробу:
Услышишь отъ него спасительный отвѣтъ;
Иди и упреждай и нощь и дневный свѣтъ.
Богъ чуднымъ промысломъ спасаетъ человѣка!
Движенью тайному покорствуетъ Сумбека;
Тоска отъемлется, родится твердость въ ней;
Исполнить хощетъ то, что духъ вѣщаетъ ей;
На время страстная ея закрылась рана;
Коль вѣрить льзя тому, забыла и Османа.
Когда покровы нощь раскинетъ надъ землей,
И пахари воловъ погонятъ съ ихъ полей,
Умыслила она неколебима страхомъ,
Итти бесѣдовать въ лѣса съ супружнимъ прахомъ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Подъ тѣнію горы Казанской виденъ лѣсъ,
Въ который входу нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густыя мраки,
Прохожимъ дивныя являющи призраки;
Тамъ кажется простеръ покровы темный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжныя среди весны не вѣютъ,
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
Когда усыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ изходитъ бурный пламень;
Тамъ камни падаютъ, біющеся о камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, зжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и тополы маститы,
Повсюду слышатся взыванія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ,
Онъ шумомъ ужасу пустынѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ:
Лѣсъ воетъ, адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.

Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ Небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.
 Среди дубравы сей обширно мѣсто есть,
На коемъ ложное вниманіе и лесть,
Надъ тлѣнной жертвою сіи земной утробы,
Возставили Царямъ Казанскимъ горды гробы;
Которыхъ грозная не отдала война,
Тѣхъ память и безъ нихъ гробницей почтена.
 О коль такая честь тщетна для человѣка!
Въ сей лѣсъ печальная должна итти Сумбека;
Не можетъ удержать сію Царицу страхъ:
Ей нуженъ въ крайности супружнинъ тлѣнъ и прахъ;
Отчаянна любовь надеждѣ слабой внемлетъ!
И путь назначенный Царица предпріемлетъ.
Ужь первый утра часъ на солнцевъ путь вступалъ,
Аврориновъ блѣдный путь цвѣтами усыпалъ;
Сумбека не страшась ни нощи, ни злодѣя,
Надежду въ сердцѣ взявъ, и страстію владѣя,
Судьбу свою отдавъ на произволъ Небесъ,
Отважна и бодра вступаетъ въ мрачный лѣсъ.
Рабыни вѣрныя за нею въ слѣдъ текущи,
Уныніе и страхъ въ сердцахъ своихъ несущи,
Вступить во мрачный лѣсъ съ Сумбекой не могли;
Трепещущи кругомъ на холмахъ возлегли.
 Волшебство нѣкое, или прекрасны взоры,
Віющихся зміевъ въ подземны гонятъ норы;
Сумбекинъ будто бы почувствуя приходъ,
Умолкъ звѣриный ревъ и шумъ кипящихъ водъ;
Мечтанія отъ ней и страхи удалились,
Казалось, древеса предъ нею разступились;
И вихри пламенны престали въ вѣтви дуть;
Все кроется отъ ней и все даетъ ей путь.

Уже

Уже въ печальную она долину входитъ,
На гробы Царскія смущенный взоръ возводитъ:
Унылость у гробницъ, потокомъ слезъ ліясь,
Сѣдяща зрится тамъ на нихъ облокотясь;
Тоска свою главу на грудь печальну клонитъ,
И въ томномъ шествіи повсеминутно стонитъ;
Раскаяніе грудь разя стенящу тамъ,
Терзающе власы является очамъ;
Тамъ пышность на себя съ отчаяньемъ взираетъ,
И мнится каждый часъ съ Царями умираетъ;
Къ лежащей гордости свирѣпый змій ползетъ,
И внутренну ея терзаетъ и грызетъ;
Тамъ рвется узами окованна кичливость;
Подъ камнями лежитъ стеня несправедливость;
Всечасно видимы тамъ всѣ пороки тѣ,
Которыя Цари творили въ животѣ:
Неправедна война, забвенье вѣрной службы,
Презрѣнье къ сиротамъ и нарушенье дружбы;
Тамъ горесть мучитъ ихъ, тоска, и зной, и хладъ.
Во образѣ такомъ изображаютъ адъ,
Въ который мстящими включенны Небесами,
Порочныя Цари мученье терпятъ сами. . . .
Печальный твой покровъ, о Муза! опусти,
Гробницы Царскія и жизнь ихъ возвѣсти.

Тамъ видѣнъ черный гробъ свирѣпаго Батыя,
Которымъ вольности лишилася Россія.
Онъ полночь съ пламенемъ и западъ пробѣгалъ,
Рѣками кровь точилъ и грады пожигалъ;
Богемію держалъ и Польшу подъ пятою;
Сей варваръ былъ почтенъ какъ Богъ Ордой златою.
Москва! лишенная цвѣтущей красоты,
Преобратилась въ прахъ его набѣгомъ ты!
Подъ пепломъ зрѣлися твои прекрасны домы;
Дѣвицы были въ плѣнъ изъ стѣнъ твоихъ влекомы;

По-

Позорной смертію кончали старцы вѣкъ;
По улицамъ ручей невинной крови текъ;
Дать сердцу твоему послѣднія удары,
Оставилъ твой злодѣй тебѣ одни пожары.
Какъ бурный вихрь, прешедъ Россію всю Батый,
Коснулся и тебѣ, о Кіевъ! градъ святый:
Господни храмы тамъ сокровищей лишились,
Надолго красныя мѣста опустошились;
Гдѣ крестъ Пророческій Андреемъ водруженъ,
Тамъ видъ, плачевный видъ, развалинъ положенъ;
И вмѣсто пѣнія отшельцовъ сладкогласныхъ,
Сталъ вѣтровъ слышенъ шумъ, и ревъ звѣрей ужасныхъ.
Сіи нещастія, напасти и бѣды,
Бунтующихъ Князей родились отъ вражды,
Когда за скипетры другъ съ другомъ воевали,
И хищною рукой вѣнцы они срывали.
О Муза! какъ сіи напасти возглашу?
Я токи слезъ лію, когда о нихъ пишу.
Сынъ гналъ родителя, родитель гонитъ сына;
И славою была пронырливость едина;
Не уважаючи въ Россіи общихъ золъ,
Стремился похищать у брата братъ престолъ!
Россія свержена съ высокія степени,
И раздробленна вся повергласъ на колѣни;
Въ ней жало зависти кровавый тронъ вертѣлъ;
Батый на зыблему Россію налетѣлъ;
Такъ юныхъ двухъ тельцовъ, гдѣ гладный волкъ встрѣчаетъ,
За паству бьющихся, ихъ въ добычь получаетъ.
Толикихъ золъ Батый причиной Россамъ былъ;
Онъ кровью ихъ Князей престолы ихъ омылъ:
Но чтожъ осталося по сей причинѣ страха?
Единый мрачный гробъ, и горсть истлѣвша праха;
Кто прежде гордостью касался Небесамъ,
Того остатки вихрь разноситъ по лѣсамъ;

Льсте-

Льстецы прибѣжища ко праху не имѣютъ;
Лишь спятъ на немъ зміи, и только вѣтры вѣютъ.
О вы, которымъ весь пространный тѣсенъ свѣтъ,
Которыхъ слава въ брань неправедну зоветъ!
На прахъ, на тлѣнный прахъ, Батыевъ вы взгляните,
И гордости тщету съ своею соравните.
Не кровью купленный прославитъ васъ вѣнецъ,
Но славитъ васъ любовь вамъ подданныхъ сердецъ.
Изъ твердыхъ камней тамъ составленна гробница,
Подъ нею погребенъ несытый кровопійца,
Сартакъ, Батыевъ сынъ. Онъ слѣдуя отцу,
Коснулся Суздальскихъ владѣтелей вѣнцу,
И робость сѣя въ нихъ, противу общихъ правилъ,
Своихъ начальниковъ по всей Россіи ставилъ.
Тамъ въ тлѣнномъ гробѣ спитъ Баркай, Батыевъ братъ,
Чинившій горести Россіи многократъ.
Онъ чувствуя въ войнѣ свое изнеможенье,
Россіянъ принуждалъ себѣ на вспоможенье;
Но днесь на небесахъ носящъ вѣнецъ златый,
Отважный Александръ, Князь храбрый и святый,
До самой крайности ихъ власть не допуская,
Татаръ не защищать, склонить умѣлъ Баркая.
Тамъ врановъ слышенъ крикъ, производящій страхъ,
Крылами вѣющихъ Менгу-Темировъ прахъ;
Отмщается ему сія по смерти рана,
Которой онъ пресѣкъ дни храбраго Романа.
Цари! мученья вамъ сулятся таковы,
Подъ видомъ дружества, гдѣ зло чините вы.
Тамъ видится Узбекъ лишенный вѣчно свѣта;
Онъ первый принялъ тму и басни Махомета;
Россію угнѣталъ сей Князь во весь свой вѣкъ,
И имянемъ своимъ Ордынскій родъ нарекъ.
Тамъ дремлетъ блѣдный страхъ, на гробѣ возлегая,
Россійскаго врага, невѣрнаго Нагая,

Который въ родственный съ Князьями вшедъ союзъ,
Признати не хотѣлъ за святость оныхъ узъ,
Мечемъ и пламенемъ опустошалъ Болгары;
Днесь терпитъ въ адѣ самъ подобныя удары.
Тамъ видѣнъ изъ земли твой черепъ, Занибекъ;
О ты, свирѣпый Царь, и вредный человѣкъ!
Который гордаго принудилъ Симеона,
Искать Россійскаго твоей рукою трона.
Сей братіевъ родныхъ для царства погубя,
Усилилъ страшну власть въ Россіи и себя;
Простерши въ сердце къ ней грабительныя длани;
На храмы Божіи взложилъ позорны дани:
Но Богъ, отъ горнихъ мѣстъ возведши смутный взоръ,
Въ отмщеніе послалъ на Орды гладъ и моръ,
И смерти Ангелъ ихъ гонящъ мечемъ суровымъ,
Разсыпалъ по брегамъ при-Донскимъ и Днепровымъ; . . .
Являются главы и тлѣнны кости тамъ;
Мнѣ тѣни предстоятъ стенящи по холмамъ.
Я вижу межъ древесъ ходящаго Хидира,
Который кроется по смерти отъ Темира.
Темиръ свирѣпый мечь простеръ въ полночный край,
Но съ трона свергъ его безвремянно Мамай;
Сей Князь какъ будто бы изъ нѣдръ изшедый земныхъ,
Въ Россію прилетѣлъ со тучей войскъ наемныхъ;
Къ нему склонилися, измѣны не тая,
Противъ Димитрія Россійскія Князья;
Обширныя поля ихъ войски покрывали,
И рѣки цѣлыя въ походѣ выпивали.
Такую Перскій Царь громаду войскъ имѣлъ,
Когда съ угрозами на древнихъ Грековъ шелъ;
Но лавры жнутъ побѣдъ не многими полками,
Сбираютъ въ брани ихъ геройскими руками.
Являетъ намъ примѣръ отважности такой,
Ко славѣ нашихъ странъ, Димитрій, Князь Донской;

Съ Непрядвой онъ смѣшалъ Татарской крови рѣки.
Мамай ушелъ въ Кафу и тамъ погибъ на вѣки;
Однако ожививъ вражда Ордынскій прахъ,
Кидала съ пламенемъ въ предѣлы наши страхъ;
Хотя Казань не разъ поверженна лежала,
Но вновь главу поднявъ, злодѣйства умножала;
Томилися, отъ ихъ Россіяне Царей;
Ей много золъ нанесъ послѣдній Сафгирей.
Являлась гордая надъ симъ Царемъ гробница.
Едва приближилась къ ней томная Царица,
Какъ будто въ оный часъ супруга лишена,
На хладномъ марморѣ поверглася она;
Всѣ члены у нее, казалось, разрушались;
Власы разбилися, и съ прахами смѣшались;
Разитъ себя во грудь, горчайши слезы льетъ,
Дражайшій мой супругъ! Сумбека вопіетъ;
Какой мы лютою разлучены судьбою!
Но ахъ! достойналь я стенать передъ тобою?
Я, та, которая тебя забыть могла,
Въ чьемъ сердцѣ новый огнь любовна страсть зажгла.
Увы! я тѣмъ себя и паче обвиняю,
Что твой цѣлуя прахъ, я плачу и стенаю;
Достойно ли моимъ слезамъ мѣшаться съ нимъ,
И быть услышаннымъ стенаніямъ моимъ?
Потоки слезъ моихъ изъ тѣхъ очей катились,
Которы къ прелестямъ другова обратились;
И стонъ, позорный стонъ, изъ сердца извлеченъ,
Которымъ сталъ иной любезнымъ нареченъ;
Уста вѣщающи тебѣ свои печали,
Не давно прелести другова величали.
Но бѣдная твоя и сирая жена,
Совмѣстникомъ твоей любви отомщена;
Конечно онъ мою невѣрность ясно видитъ,
Во образѣ моемъ порокъ мой ненавидитъ.

О! естьли можешь ты прейти изъ тмы во свѣтъ:
Востань мой Царь! востань! подати мнѣ совѣтъ;
Твоею смертію отъ брака свобожденна,
Входить въ другой союзъ я зрюся принужденна;
Отъ подданныхъ моихъ къ неволѣ я влекусь.
Но съ кѣмъ я брачными цѣпями сопрягусь?
Одни противъ себя не видя обороны,
Къ вѣнцу меня влекутъ для царства и короны;
Съ кѣмъ сердце я дѣлю, любви не вижу въ томъ;
Любви того бѣгу, зажгла я сердце въ комъ.
Кому пожертвую себя, мой тронъ, и сына?
Мой Царь! въ твоихъ рукахъ Сумбекина судьбина;
Скажи, что дѣлать мнѣ? . . . Но ты во гробѣ спишь!
О тѣнь, любезна тѣнь! ты слезъ моихъ не зришь.
Дабы спокойствіе нещастная имѣла,
Мнѣ тѣнь твоя прийти къ гробницѣ повелѣла,
И нѣкій тайный гласъ привлекъ въ мѣста сіи;
Внемли стенанія и жалобы мои. . . .
При сихъ словахъ она объемлетъ гробъ руками,
И слезы горькія ліетъ надъ нимъ рѣками;
Тревожа въ сихъ мѣстахъ Царей усопшихъ сонъ,
Сумбекинъ слышался между гробами стонъ;
Отъ гласа плачущей и рвущейся Царицы,
Поколебалися и прахи и гробницы;
Покрыты мхомъ сѣдымъ и терномъ многи дни,
Сходящи съ мѣстъ своихъ казалися они.
Завылъ ужасный вихрь, земля кругомъ дрожала;
Сумбека видя то, безчувственна лежала,
Казалося, ее незапно чувствъ лиша,
Ушла изъ ней во гробъ смущенная душа;
И тлѣнность жизненнымъ дхновеньемъ оживилась.
Дверь гроба отворивъ, тѣнь Царская явилась;
Какъ нѣкій дымъ густый подъемлется она,
И паки воздухомъ отвсюду стѣснена,

Оде-

Одежду прежнюю и прежній видъ пріемлетъ,
Все ясно окрестъ зритъ, всему спокойно внемлетъ.
Тогда отъ ужаса почти лишенной силъ,
Къ Царицѣ голосъ онъ стенящій возносилъ;
Но тщетно движитъ онъ уста и отверзаетъ,
Сплетаемая рѣчь въ гортани изчезаетъ.
Се Провидѣніе на крыліяхъ паритъ,
Поверьхъ его главы небесный огнь горитъ;
Тончаетъ мракъ предъ нимъ кругомъ лежащей ночи,
Повсюду у него и ушеса и очи.
Нѣтъ въ вѣчности отъ нихъ сокрытаго часа;
Какъ хартія ему отверзты небеса;
И тако предлежатъ, какъ чистое зерцало,
Мірскихъ вещей конецъ, средина и начало.
Непостижимое такое божество,
Тѣнь Царску облекло во прежне существо;
И только мысль его лучами озарило,
На будущія дни глаза ему открыло;
Черезъ прошедшее давало разумѣть,
Коль горько, не познавъ блаженства, умереть. . . .
О Муза! пѣть хощу дѣла не обычайны,
И нѣкія открыть натуры скромной тайны;
Восторгомъ пламеннымъ наполнился мой духъ,
Да внемлетъ пѣсни сей имущій внятный слухъ.
Не постигая самъ толь важныя премѣны,
Встаетъ изъ гроба Царь, и хладны движитъ члены;
Но больше Ангела явленнаго не зритъ;
Къ Сумбекѣ приступивъ, сквозь слезы говоритъ:
Разторгнуты мои съ тобою смертью узы,
По смерти бракъ забвенъ, забвенны всѣ союзы.
Почто, нещастная! тревожишь тѣнь мою?
Мнѣ тяжко то, что я изъ гроба возстаю;

Но дамъ тебѣ совѣтъ, о сынѣ сожалѣя:
О! естьли изберешь супругомъ ты Алея,
Любовью пламенной возженнаго къ тебѣ:
Симъ бракомъ угодишь народу и судьбѣ;
Не будетъ слышанъ громъ Россійской грозной брани,
Доколѣ Царь Алей не выдетъ изъ Казани;
Люби его, люби! Но что я говорю?
Я нѣкую мечту, иль точну бытность зрю! . . .
При сихъ словахъ смутясь, тѣнь Царская трепещетъ,
На мрачны небеса печальны взоры мещетъ,
И паки въ темный гробъ стремится убѣжать;
Но хощетъ тѣнь сію видѣнье удержать. . . .
Увы! мнѣ кажется, что ты чрезъ духъ и воду
Сумбекѣ онъ сказалъ, премѣнишь вдругъ природу;
Тебѣ отверзутся и съ сыномъ небеса;
Вы новы узрите во свѣтѣ чудеса;
Обѣихъ вижу васъ, я вижу предъ очами,
Какъ свѣтлой ризою одѣянныхъ лучами;
Но какъ исполнится? что значитъ все сіе?
Безсильно то постичь понятіе мое! . . .
Вѣщалъ, и будто бы души во заблужденьѣ,
Вторично видитъ онъ сквозь мраки провидѣнье,
Которо смутну тѣнь желая наказать,
Ей будущія дни тѣло показать.
Тогда подъемлетъ . времянъ завѣса мрачна,
И вѣчность вкругъ него является прозрачна;
Ему понятіе о видимомъ даетъ;
Царь зная свой предѣлъ, Сумбекѣ вопіетъ:
Увы! я чувствую позоръ махометанства,
И зорю въ сихъ мѣстахъ встрѣчаю Христіянства;
Подъ защищеніемъ она грядетъ Небесъ,
Освѣтитъ всю Казань и сей дремучій лѣсъ.
На сихъ мѣстахъ, гдѣ мы спокойный сонъ имѣли,
Гдѣ нашъ тревожить прахъ живущія не смѣли;

На самыхъ сихъ мѣстахъ созижденъ будетъ домъ,
Всечасно мещущїй на Махомета громъ.
Вода, сїи мѣста и древеса кропяща,
Насъ больше будетъ жечь геенна чѣмъ паляща;
Куренїе мастикъ и пѣсней сладкїй гласъ,
И день и нощь въ гробахъ тревожить будутъ насъ;
Пришельцы бѣдствїя и нашу грусть умножатъ,
По праху нашему слѣды они положатъ;
Гробницы гордыя ногой своей попрутъ,
Убранства Царскїя изъ оныхъ извлекутъ.
Здѣсь видя крестъ вознесенъ блаженства на степени,
Не могутъ обитать гонимы наши тѣни.
О! естьли я когда тобою былъ любимъ,
Терпѣть такой позоръ не дай костямъ моимъ;
Внемли унылому желанїю просящихъ,
Собратїевъ моихъ со мной Царей лежащихъ;
Вторичну нашу смерть Сумбека упреждай,
Огню со гробами нашъ тлѣнный прахъ предай. . . .
Какъ вѣтеръ горъ крутыхъ въ ущелїи шумящїй;
Такъ слышанъ отъ гробовъ былъ гласъ произходящїй.
Сумбеку томную холодный потъ покрылъ;
Но Царь трепещущу, симъ словомъ ободрилъ:
Не бойся! жалобы къ тебѣ Цари приносятъ,
Се! помощи твоей печальны предки просятъ;
Отъ бѣдства и стыда ихъ тлѣнїе избавь,
На поруганїе злодѣямъ не оставь;....
Который мысль мою на казнь мнѣ просвѣщаетъ,
Мнѣ Ангелъ таинства открыть не запрещаетъ,
Дабы ты щастлива во свѣтѣ семъ была!
Увидишь дивныя въ дубровѣ сей дѣла,
И можешь прахъ спасти нещастнаго супруга,
Хранящаго тебѣ во узахъ смерти друга;
Исполни, что велю: Здѣсь древо тополь есть,
На коемъ начала гнѣздо орлица плесть;

Удоб-

Удобно сыщешь ты подъ онымъ древо знакомъ,
Оно окружено густой травой и злакомъ;
Пожни сію траву, и корень обнаживъ,
Сей корень извлеки, и ключь увидишь живъ;
Изчерпай изъ него до дна текущу воду:
Тамъ влагу ты найдешь совсѣмъ другаго роду;
Зелену съ древа вѣтвь отъ тополя простри;
И влагу оную поспѣшно собери.
Когда ты все сіе рачительно исполнишь,
То мой еще завѣтъ вторичный да напомнишь:
Ни змѣй ползущихъ вкругъ, ни тѣней не страшись
Спасти супружнинъ прахъ, спасать себя рѣшись;
Теки на слезныя сіи мѣста обратно,
Исполнишь третіе, что всѣмъ Царямъ пріятно:
Что помнишь ты меня Сумбека, докажи,
Гробницы вѣтвями сухими окружи;
Кропи, кропи на насъ изчерпнутую воду,
Дай смерти плѣнникамъ желанную свободу,
И жди подѣйствія отъ сихъ волшебныхъ водъ,
Доколѣ солнечный покажется восходъ.
Тогда познаешь ты коль дивенъ Богъ бываетъ,
Когда на судъ къ себѣ Онъ грѣшныхъ призываетъ;
Но ты безстрашна будь! . . . Се свѣтитъ ужъ заря;
Видѣнье скрылося, то слово говоря,
И рѣчи Царскія внимались во гробницѣ,
Повелѣвающи начать свой трудъ Царицѣ.
Хотя уставъ такой Сумбеку возмущалъ,
Исполнила, что ей супругъ ни возвѣщалъ,
И злаки и траву вкругъ тополя находитъ;
Но самый сей успѣхъ въ боязнь ее приводитъ:
Отводитъ водный токъ и влагу достаетъ;
Сухія вѣтвія отъ тополовъ беретъ.
Кострами ихъ она расклала межъ гробами,
Водою оросивъ и горькими слезами.

Тогда

Тогда всходящее въ небесну высоту
Горяще солнце всю являло красоту,
Живительны лучи на шаръ пускало земный,
И въ первый ими разъ сквозь лѣсъ проникло темный.
Стоящи древеса во мракѣ въ той странѣ,
Являлися очамъ какъ будто бы въ огнѣ;
Пускаютъ страшный гласъ на нихъ нощныя птицы;
Простерся блѣдный свѣтъ на мрачныя гробницы,
И будто молнія сверкнувшая въ ночи,
Въ долину слезную бросаются лучи;
До сложенныхъ костровъ Сумбекой достигаютъ,
Сухія вѣтвія и влагу возжигаютъ.
Такія въ древности явили чудеса,
Пророческой рукой въ Персидѣ Небеса;
Когда олтарняго огня въ землѣ искавый,
И вмѣсто онаго воды гнѣздо доставый,
Неемій вѣтвія сухія напоилъ,
И солнцевъ лучь огонь въ сихъ вѣтвяхъ возпалилъ.
Подобно вѣтвія Сумбекой разложенны,
При всходѣ солнечномъ являлися возженны;
И пламень межъ гробницъ водимый какъ рукой,
Простерся огненной віющейся рѣкой;
Одежды Царскія и кости сокрушаетъ;
Сумбека пламень сей слезами утушаетъ.
Но воля праведныхъ исполнилась Небесъ;
Уже Батыевъ гробъ разрушился, изчезъ;
Сумбека Царску тѣнь винитъ и провидѣнье,
Какъ облакомъ луна въ ней тмится разсужденье;
Желаетъ отъ гробницъ возженіе отвлечь,
Но огнь, какъ бурный вихрь, спѣшитъ гробницы жечь,
И разстилается волнами красный пламень;
Горящій стонетъ лѣсъ и хладный таетъ камень.
Касается пожаръ пригоркамъ и кустамъ,
Но невредимою Царица зрится тамъ.

И Уже

Уже гробницы вкругъ свирѣпый огнь объемлетъ;
Пылаетъ Сафгирей! Сумбека ризу съемлетъ,
И хощетъ защищать супруговъ гордый прахъ....
Вдругъ чувства у нее объемлетъ новый страхъ:
Увидѣла она изъ сихъ гробовъ горящихъ,
Какъ будто изъ воды умершихъ изходящихъ;
Одежды Царскія являлися на нихъ;
Но блѣдны зрѣлися и смутны лица ихъ;
Какъ тонки облака зефирами гонимы,
Касалися Цари проснувшіяся зримы;
Не держитъ воздухъ ихъ, не держитъ ни земля,
Но вѣтры движутъ ихъ въ геенскія поля;
И нудитъ нѣкое невольное влеченье,
Послѣднее творить со свѣтомъ разлученье.

Какъ лѣтнихъ нѣжныхъ птицъ отъ полунощныхъ странъ,
Осенній гонитъ хладъ за дальній Океанъ:
Бѣгутъ изъ пламени печальны тако тѣни,
Являетъ въ бездну имъ волнистый огнь степени.

Экатa пламенникъ на время возпали,
И видѣть внутренность геенны мнѣ вели!
Отверзлись предо мной со трепетомъ и съ громомъ,
Мѣста, Аидовымъ слывутъ которы домомъ;
Собравъ грубѣйшее твореній существо,
Устроило его во гнѣвѣ Божество.
Колико вышній огнь другихъ вещей тончае,
Толико адъ всего и гуще и тягчае;
Три краты девять числъ сіе вселенной дно,
Отъ круга звѣзднаго лежитъ отдалено.
Тамъ разстилается волнами вѣчный пламень,
И видима земля, какъ раскаленный камень;
Зловонный всходитъ паръ отъ загустѣвшихъ водъ;
Изъ мрака ссѣвшійся объемлетъ бездну сводъ;
Но свода темнаго проникнуть не возможно:
Подъ онымъ сѣтуютъ ведущи дни безбожно;

Тамъ

Тамъ скрежетъ, вопли, плачь, бѣжитъ оттолѣ сонъ,
Дыханье грѣшниковъ, повсеминутный стонъ;
Тамъ души томныя ко сводамъ возлетаютъ,
Но преткновеніе повсюду обрѣтаютъ,
И тлѣютъ бездны сей, какъ искры, въ исподи;
Тамъ вихри огненны, тамъ пламенны дожди.
Надежды сладкой нѣтъ во мрачной сей державѣ;
Тамъ зрю мучителей, живущихъ преждѣ въ славѣ;
Недремлющая грусть тревожитъ тѣни ихъ;
Драконы огненны вращаются вкругъ нихъ;
Тамъ тѣни жизни цѣль по смерти узнаваютъ,
Воспомнивъ прежни дни, томятся, унываютъ;
Плотскія сладости преобратились въ ядъ;
Отрады въ мукахъ нѣтъ: грѣхъ самъ собою адъ
Небесной истинной желая просвѣтиться,
Стараются еще на землю возвратиться,
На солнце съ плотію въ раскаяньѣ воззрѣть,
Дабы спокойняе вторично умереть:
Но таинственна цѣпь, какъ змій кругомъ лежала,
И въ заключеніи преступниковъ держала.
Тамъ честолюбіе, увидя адско дно,
Познало, что тщетой прельщалося оно;
Постигнувъ райскаго веселія изрядство,
Познало тлѣнъ сребра, несытое богатство,
И слезы отъ него, которыя текли,
Какъ огненна роса ихъ тѣни въ мракѣ жгли.
Тамъ сладострастіе лѣса пронзаетъ стономъ,
Имѣя равну часть во тмѣ со Иксіономъ:
Являются еще прелестны тѣни имъ,
Коснутся ихъ устамъ, и превратятся въ дымъ;
Тамъ вѣчный терпитъ хладъ угрюмая измѣна;
Мучитель вкругъ себя кровавы зритъ знамена,
Трепещущи тѣла, мечи, оковы, гладъ,
Которы отъ него скрываютъ Божій градъ;

Тамъ страхъ смиренію, кичливыхъ тѣни учитъ,
Прошедшее Царей и будущее мучитъ.

Батый, какъ будто бы послѣдуемъ отъ тѣхъ,
Которыхъ лити кровь не ставилъ онъ за грѣхъ,
Со трепетомъ глаза на небеса возводитъ:
Но блескомъ ихъ сраженъ, въ подземный мракъ уходитъ;
Изъ пламени ему устроенъ тамо тронъ,
Бѣжитъ, и слышится по немъ во гробѣ стонъ.

Преемники его злодѣйствами не сыты,
Низходятъ въ адъ за нимъ, зміями вкругъ увиты;
Сопровождаетъ вопль на адски муки ихъ,
И вѣчно кроется душевный миръ отъ нихъ;
То жажда тѣни ихъ, то гладъ, то зависть мучитъ,
И быти добрыми чрезъ то живущихъ учитъ.
Но тщетно мрачный адъ мучителямъ грозитъ,
Ихъ тщетно молнія небесная разитъ;
Одно изчезнетъ зло, другое возрастаетъ.
Простерши крылія подъемлется, летаетъ,
Тѣснитъ, свирѣпствуетъ, возобновляетъ стонъ.
Нѣтъ, кромѣ слезъ, иныхъ безсильнымъ оборонъ
И естьли въ тѣ часы гонитель не трепещетъ,
Когда земля дрожитъ и небо громы мещетъ:
Что пользы, что стихи въ улику имъ пишу?
Ахъ! естьли каплю слезъ невинныхъ осушу,
И малую подамъ нещастному отраду:
Уже я получилъ за слабый трудъ награду!
Злощастье облегчилъ текущій нынѣ вѣкъ;
Сталъ меньше въ наши дни отчаянъ человѣкъ;
Да вѣчно таковымъ блаженствомъ усладимся. . . .
Но мрачный лѣсъ завылъ, тѣнь стонетъ; обратимся!

Свирѣпый Тахтомышъ, какъ огненной стрѣлой,
Свергается во адъ для вѣчной казни злой;
Тамъ тѣней вкругъ себя онъ узритъ вопіющихъ,
И пламеннымъ бичемъ во тмѣ его біющихъ.

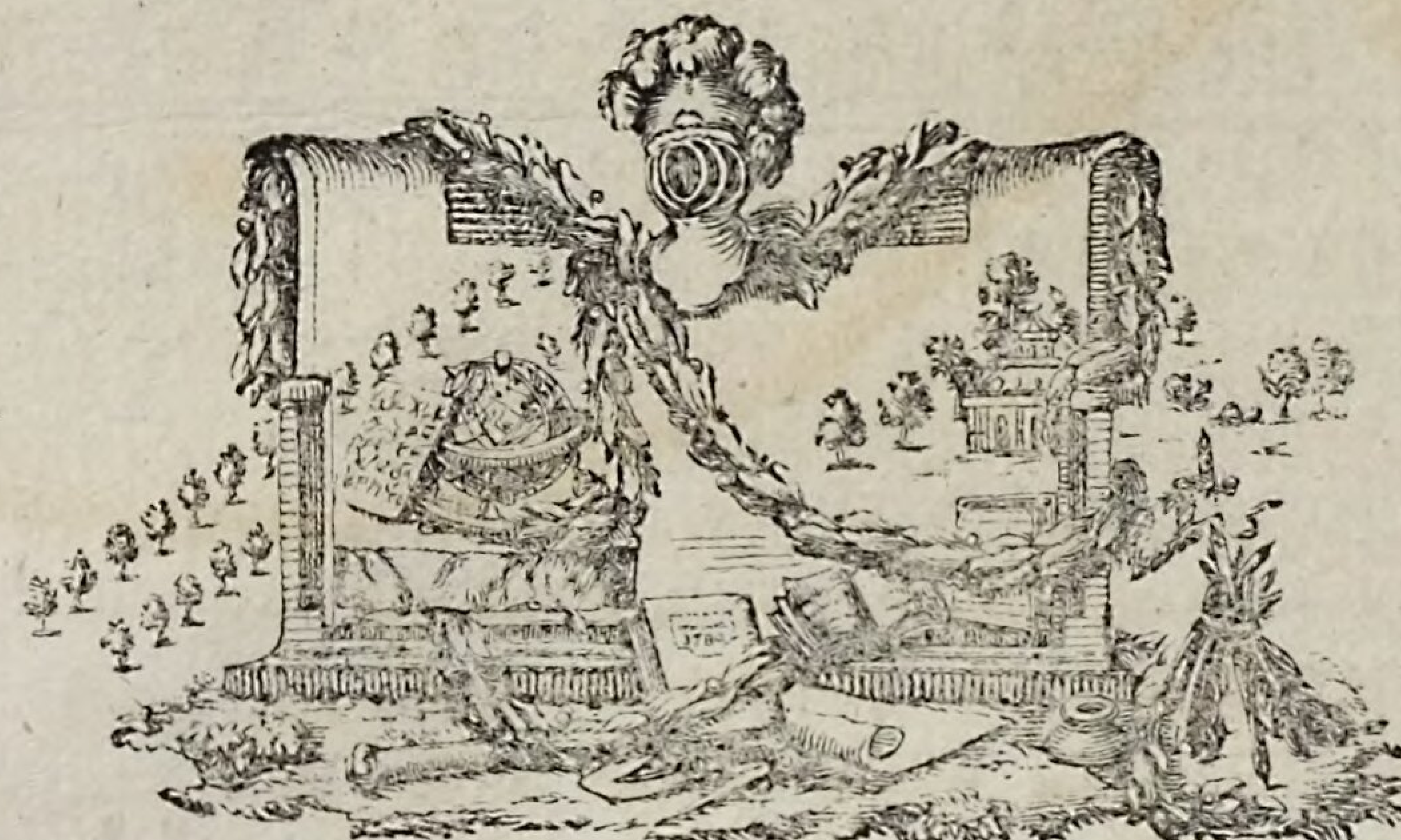
То тѣни мстительны нещастныхъ тѣхъ людей,
Которыхъ умертвилъ мучительски злодѣй.
Но большимъ варваръ сей терзается призракомъ,
Встрѣчаясь со врагомъ своимъ Темираксакомъ.
Жестокій оный врагъ родился пастухомъ,
И ставъ разбойникомъ, Монархомъ былъ потомъ;
Каковъ былъ съ посохомъ, таковъ былъ и въ коронѣ:
Разбойникъ былъ пастухъ, разбойникъ сталъ на тронѣ!
Страдаетъ въ адѣ самъ теперь Темираксакъ,
Но страшенъ для Царей его и тамо зракъ.
Тамъ кроется во тму, боясь небесна свѣта,
Трепещущая тѣнь сего Улу-Махмета,
Отъ собственныхъ сыновъ, который бывъ гонимъ,
Обязанъ сталъ Москвѣ спасеніемъ своимъ;
Потомъ защитниковъ привлекъ враждою къ брани,
И Россовъ побѣдивъ, направилъ путь къ Казани,
Развалины ея и тронъ возобновилъ;
Враждующихъ зміевъ Россіи оживилъ;
Подъ пепломъ злобу онъ сокрытую возставилъ;
И стрѣлы на Москву изъ дерзкихъ рукъ направилъ.
Но дружбы прерванной въ отмщеніе и знакъ,
Жизнь отнялъ у него и сына Мамотякъ.
Улу-Махмета скорбь сія еще терзаетъ;
Нося въ рукахъ своихъ младенца, лобызаетъ,
И въ адъ свергаяся, уже онъ муки зритъ,
Которыми ему нощь вѣчная грозитъ:
Тамъ въ узы огненны онъ будетъ въ вѣкъ закованъ,
И пламенный вѣнецъ злодѣю уготованъ.
Тебя идущаго зоветъ съ весельемъ адъ,
О ты, поруганный и гордый Царь Ахматъ!
Еще твой духъ грызетъ; Басма твоя попранна
Стопами храбраго Монарха Іоанна,
Который ко твоей погибели рожденъ,
Которымъ при Угрѣ въ конецъ ты побѣжденъ,

И слава дѣлъ твоихъ на вѣки прелетѣла;
Ордынская твоя держава запустѣла.
Спѣши во мрачный адъ, и тамо нынѣ зри,
Что должны гордыя во тмѣ терпѣть Цари!
Они невольничьи оковы тамо носятъ;
Послѣднія раби за гордость ихъ поносятъ,
И ихъ нещастія во свѣтѣ семъ творцы,
Надъ ними подлыя ругаются льстецы;
Они поруганны народомъ зрятъ короны,
Потомки съ мерзостью на ихъ взираютъ троны;
Тираны! бѣдствія такія терпятъ тамъ,
Которыя дадутъ ужасный видъ стихамъ.
Но, Муза! вѣчному терзанью ихъ оставимъ,
И добродѣтели единыя прославимъ;
О! естьли кто ея не знаетъ красоты,
Нещастенъ! Царь ли есть, или невольникъ ты.
Для душъ чувствительныхъ тоска нещастныхъ бремя
И тѣней страждущихъ оставить, Музы! время.
Выходитъ наконецъ смущенный Сафгирей;
Онъ горести въ себѣ вмѣщаетъ всѣхъ Царей,
Глазами томными Сумбеку озираетъ,
Къ ней съ трепетомъ идетъ, и руки простираетъ:
Простись, вѣщаетъ ей, простись на вѣкъ со мной!
И нашъ ко аду путь не ставь твоей виной;
Ты насъ держащія оковы разрѣшила,
И то, что насъ въ гробахъ держало, сокрушила;
Пороки, кои мы творили въ свѣтѣ семъ,
Не отдѣлялися отъ нашихъ тѣлъ ни чѣмъ,
И насъ они къ землѣ прикованныхъ держали;
Мы тысячію мукъ гнѣтомы здѣсь лежали.
Но солнечный огонь очистилъ нынѣ насъ,
И мы съ веселіемъ идемъ во адъ сей часъ;
Не плачь теперь! ты намъ злодѣйствомъ угодила,
И всѣхъ отъ близкаго позора свободила.

Увы!

Увы! . . . Ордынску власть Россія изтребитъ,
Меча ея ничто отъ насъ не отвратитъ;
Но огнь, который насъ и жжетъ и очищаетъ,
Россійскимъ воинамъ погибель предвѣщаетъ.
Ахъ! вскорѣ новый здѣсь сіяти будетъ свѣтъ,
И водрузится крестъ, гдѣ нашъ пророкъ живетъ!
Но мы отъ муки сей избавлены тобою,
Зовемся вѣчно въ адъ, какъ нѣкою трубою;
Спасай себя и тронъ, ты слезъ о мнѣ не лей!
Возстань! опомнися! ужъ близокъ Царь Алей;
Исполни ты мои слова и завѣщанье!

Сумбеку тронуло толь горькое прощанье.
Какъ будто громовой стрѣлой поражена,
Хотѣвша вымолвить, безмолвствуетъ она;
Лѣсъ солнечнымъ тогда сіяньемъ озарился,
Сумбека обмерла, и Сафгирей сокрылся.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Уже златую дверь Аврора отворила,
И ризой небеса червленною покрыла.
Усердной ревностью къ Россіи пробужденъ,
Является Алей въ тѣни Казанскихъ стѣнъ;
Парящій такъ орелъ по воздуху высоко,
На птицъ трепещущихъ кидаетъ быстро око,
И видя ихъ мятежъ, висящъ межь облакъ, ждетъ,
Куда удобнѣе направить свой полетъ.
Ордынскимъ жителямъ отмщая оскорбленье,
Приходитъ Царь познать Казани укрѣпленье;
Сопровождается въ намѣреніи семъ
Стрѣлами легкими и острымъ копіемъ.
Когда Алей возвелъ глаза на градску гору,
Законъ представился его смущенну взору;
Зеленый на главѣ его вѣнецъ лежалъ,
Обвитый пальмами онъ крестъ рукой держалъ;
Зарѣ подобная на немъ была одежда,
Въ очахъ его любовь, и вѣра, и надежда;
Какъ двѣ звѣзды, глаза къ Алею обращалъ,
И лирнымъ голосомъ сіи слова вѣщалъ:

Бѣги

Бѣги Алей! за чемъ въ страну пришелъ невѣрну?
Здѣсь водный токъ огню, цвѣты подобны терну;
Здѣсь кроютъ молніи спокойны небеса,
И заразительны пріятныя лѣса.
Какъ утренни пары, сокрылося видѣнье;
Алей вострепеталъ, и впалъ во размышленье.
Онъ мыслилъ самъ въ себѣ: какія можетъ мнѣ
Напасти приключить токъ водный въ сей странѣ?
Противно храбрости такое искушенье;
Подъѣхалъ къ рощѣ онъ въ тоскѣ и сокрушенъѣ.
Уже дремучій лѣсъ являлся освѣщенъ,
Который терніемъ былъ прежде зарощенъ;
Живущи духи въ немъ и мраки изчезали,
Зефирамъ древеса гулянье отверзали;
И солнце озлативъ лучемъ вершины ихъ,
Казалося взирать съ веселіемъ на нихъ.
Мѣшался блескъ его съ зелеными листами,
Какъ онъ мѣшается со влажными струями;
Сіяніе лучей, встрѣчаясь съ темнотой,
Блистало лунною одеждою златой.
Пріемлетъ Райскія сія дубрава виды,
И свой преноситъ тронъ въ ту рощу сынъ Киприды.
Животвореніе, летая въ слѣдъ за нимъ,
Древамъ приноситъ цвѣтъ присутствіемъ своимъ;
Разсыпались вездѣ забавы и отрады,
Подъ тѣнью пляшущи представились Дріяды;
На вѣтвяхъ соловьи Авроринъ всходъ поютъ,
Ключи прозрачныя въ долинахъ злачныхъ бьютъ,
И въ мѣлкія они источники дѣлятся;
Наяды ихъ струи свивая веселятся;
И вѣтры нѣжныя, играя во цвѣтахъ,
Благоуханіе разносятъ на крылахъ.
Долины процвѣли, и воздухъ оживился;
Проснулось эхо тамъ, Нарцисъ у водъ явился;

Такiи видимы въ лужайкахъ красоты,
Какихъ не можешь кисть очамъ представить ты!
Щастливѣе тѣхъ мѣстъ, чѣмъ славилася Енна,
Гдѣ дщерь Церерина Плутономъ похищенна,
Иль можно ихъ равнять съ прекрасною страной,
Гдѣ древнiй царствовалъ садами Алкиной.
Тамъ всѣ прiятностей совокуплялись роды,
Которы прелести являютъ намъ природы.
Какъ чистое стекло влечется водный токъ,
На днѣ вмѣщающiй жемчугъ, златый песокъ;
И будто въ зеркалѣ вода изображаетъ,
Все то, что берега крутыя окружаетъ.
Зелены древеса сошедшись въ кругъ стоятъ,
Вершины преклонивъ въ источники глядятъ;
Тамъ пѣсни далеко въ пещерахъ раздаются;
Пригорки движутся, кустарники смѣются;
Источники въ травѣ журчащи говорятъ;
Другъ на друга цвѣты съ умильностiю зрятъ;
Зефиры рѣзвыя листочки ихъ цѣлуютъ,
Струи въ ключахъ вертятъ, въ зелены вѣтьви дуютъ.
Уже является не тотъ печальный лѣсъ,
Гдѣ не былъ видимъ свѣтъ ни солнца, ни небесъ;
Кореньями древа въ то время не свивались,
Другъ къ другу преклонясь, вершины отревались;
Теперь любовныя въ нихъ чувства возстаютъ,
Другъ другу вѣтьвiя, какъ длани подаютъ;
И составляются изъ нихъ густыя своды,
Подъ коими сквозь лѣсъ прорѣзалися ходы;
И словомъ, зрится тамъ прекрасный вертоградъ,
Какимъ изображенъ намъ Гесперидскiй садъ.
Сей новый видъ Царя въ задумчивость приводитъ,
Со удивленiемъ на рощу взоръ возводитъ;
Бѣги отсель! бѣги! разсудокъ вопiетъ,
Стремленье тайное къ древамъ ево влечетъ;

И чувству сладкому разсудокъ покорился.
Подъѣхалъ къ нимъ Алей, между древами скрылся;
Отъ тропки ко другой, какъ вѣтромъ листъ влекомъ,
Прелестныя мѣста обходитъ Царь кругомъ.
Но хитрость, въ рощу ту Еротомъ привлеченна,
Обманамъ, нѣжностямъ, притворствамъ изъученна,
Ручей составила, чертя рукой песокъ;
Ручей тотъ сладостенъ, но дѣйствіемъ жестокъ;
Прозрачная вода прохожихъ приглашаетъ,
Теряетъ волю тотъ, кто каплю струй вкушаетъ.
Соблазнами влекомъ нещастный Царь Алей,
Какъ будто сквозь туманъ къ водѣ преходитъ сей.
Сопровождающа Алея осторожность,
Являетъ во струяхъ вредъ, пагубу, ничтожность;
Влечетъ его къ водѣ коварная любовь;
Онъ каплю взялъ въ уста, и въ немъ зажглася кровь.
Которыя Царя къ потоку привлекали,
Наяды, вынырнувъ руками восплескали;
Свой рокъ предвозвѣстивъ, нещастный возстеналъ,
Алей, Алей вздохнулъ, но самъ о чемъ, не зналъ!
Тогда любови царь въ селеніяхъ воздушныхъ
Прекрасныхъ Геніевъ сзывалъ ему послушныхъ.
Они, съ написаннымъ притворствомъ на челахъ,
Слетаются къ нему на радужныхъ крылахъ,
Желанья водятъ ихъ, утѣхи упреждаютъ,
Умильности влекутъ, тревоги провождаютъ;
Зажженный пламенникъ держащій Царь въ рукахъ,
Вѣщалъ возлегшимъ имъ на тонкихъ облакахъ:
О вы, властители вселенныя! летите,
Сумбекину любовь въ отраву обратите;
Тревожьте духъ ея, коварство сѣйте въ ней;
Да мучится она, да мучится Алей!
Коварны Геніи крылами трепетали,
И стрѣлы въ руки взявъ, изъ облакъ вылетали,

Зажгли на воздухѣ любовныя огни;
Алея встрѣтили между древесъ они;
Кипридинъ сынъ предъ нимъ со пламенникомъ ходитъ,
Невидимъ будучи, въ долину ту приводитъ,
Гдѣ нѣжны Граціи, любви поставивъ тронъ,
Сумбекѣ плачущей послали сладкій сонъ.
Какое нѣжное пришедшему явленье!
Забылъ онъ зримое въ лѣсахъ увеселенье.
Забылъ онъ самъ себя, и чувствуетъ и зритъ
Едино только то, что взору предлежитъ.
Гдѣ нѣжныя сплелись багряновидны лозы,
Подъ тѣнью видитъ онъ разсыпанныя розы;
Съ лилеями тогда смешалися они,
Весенняго красу изображая дни. . . .
Увы! не день то былъ, не розы, но Сумбека,
Прельстить твердѣйшаго могуща человѣка;
Зефиръ лицу ея пріятства придавалъ,
Онъ тихими надъ ней крылами повѣвалъ;
И прелести отъ глазъ ея не отходили;
Глаза сомкнувшися, огонь производили,
Когда уже совсѣмъ откроются они,
Коль сильно могутъ жечь ея очей огни!
Алей на спящую умильный взоръ возводитъ;
Остановляется, трепещетъ, къ ней приходитъ.
Что значитъ? мыслилъ онъ, что значитъ, что она
Въ прохладномъ семъ лѣсу покоится одна,
Которая меня толь часто въ узы ловитъ?
Не новый ли обманъ измѣнница готовитъ? . . .
Такъ мыслилъ Царь, еще разсудкомъ озаренъ,
Онъ хощетъ, какъ Улиссъ, избѣгнуть отъ Сиренъ.
Видѣнье на горѣ и лесть ея напомнилъ,
Намѣренье свое почти уже исполнилъ;
Глаза отъ прелестей Сумбеки отвратилъ.
Увидя то Еротъ, за грудь его схватилъ,

И въ сердце прелетѣвъ, воскрикнулъ велегласно:
Жестокій! страшно ли тебѣ лице прекрасно?
Оно орошено потокомъ слезъ теперь. . . .
Разсудокъ вопіялъ: не вѣрь сему! не вѣрь!
Взгляни на прелести, любовь ему вѣщала,
И взоры къ прелестямъ невольно обращала.
Тогда Кипридинъ сынъ къ прелестницѣ паритъ,
Своимъ дхновеніемъ ее животворитъ:
Она стыдливый взоръ стонаючи подъемлетъ,
И сердце у Царя почти уже отъемлетъ.
Взоръ въ грудь прошелъ Царю, какъ солнце сквозь хрусталь,
Взоръ съ прелестью вмѣщалъ унылость и печаль,
Печаль смягчающу сложенія суровы,
Дающу новыя любовникамъ оковы.
Когда на прелести ея простерши взглядъ,
Алей горѣлъ огнемъ и пилъ любовный ядъ,
Куда сокроюсь я? Сумбека говорила;
Закрыла очеса, но хитрость ихъ открыла.
Алея покорить, Алея удержать,
Съ обманчивымъ стыдомъ намѣрится бѣжать.
Казалось Граціи, токъ слезный проливали;
Наяды плакали, Амуры унывали;
Свернулись вдругъ цвѣтки, стенали древеса;
И капли слезныя пускали небеса,
Кропили оными и розу и лилею.
Алей не камень былъ; какъ тверду быть Алею!
Сумбекинъ взоръ Царя совсѣмъ обворожалъ,
Герой изчезъ! и рабъ у ногъ ея лежалъ.
Дрожащимъ гласомъ рекъ: пойдемъ въ Свіяжскъ отсюду;
Здѣсь я врагомъ кажусь, твой плѣнникъ тамо буду!
Приданымъ дать должна Казань свою мнѣ кровь,
Россія увѣнчать мою съ тобой любовь! . . .
Сія пристрастна рѣчь Сумбекѣ то явила,
Что сердце въ немъ она любовью уязвила.

Сумбека вспомня то, что ей супругъ велѣлъ,
Своихъ пріятностей не пожалѣла стрѣлъ.
Прельщай! еще прельщай! притворство вопіяло,
Которо близь ея невидимо стояло;
Оно, Сумбекины умножить красоты,
Являло розовы въ ея устахъ цвѣты;
Улыбка нѣжная, пронзающія взгляды,
Во грудь Алееву вливали медъ и яды.
Сумбеку подкрѣпить, съ стрѣлой Еротъ летитъ,
И ею дѣйствуетъ, въ очахъ ея сокрытъ;
И внемлетъ Царь отъ ней сіи слова жестоки:
Невѣрный! видѣлъ ли мои ты слезны токи?
Они въ долинѣ сей лилися по тебѣ;
Оставишь ли меня на жертву злой судьбѣ?
Ахъ! слезы мнѣ теперь послѣдняя отрада!
Жестокой! для тебя я выслана изъ града;
Съ младенцемъ я моимъ гониму зрю себя,
Отъ подданныхъ моихъ гониму за тебя;
Они любовь мою и вѣрность къ Сафгирею,
Почли къ тебѣ, Алей, суровостью моею;
Велятъ нещастной мнѣ, твой славный родъ любя,
Или оставить тронъ, или смягчить тебя.
О коль послѣднее веленье мнѣ пріятно;
Сама итти въ Свіяжскъ стремилась я стократно;
Хотѣла предъ тобой рѣками слезы лить,
На твой престолъ тебя обратно умолить.
Но я напасть мою какъ будто предузрѣла,
Предстать очамъ твоимъ я прежде не хотѣла,
Доколѣ не могла сомнѣніевъ пресѣчь;
Для нихъ была должна супружнинъ гробъ сожечь;
Боролась съ жалостью, боролася со страхомъ,
Дабы не уличалъ меня и симъ ты прахомъ.
Взгляни на гробы ты, на пепелъ ихъ взгляни!
Усердіе мое къ тебѣ явятъ они.

Но

Но пользуетъ ли мнѣ такое увѣренье
Во градѣ вижу я, внѣ града подозрѣнье!
Уже суровыя смягчились небеса,
И камни тронулись и дикія лѣса;
Смотри Алей, смотри, здѣсь все преобразилось!
Лишь сердце каменно въ тебѣ не умягчилось!
Жесточе ты древесъ, жесточе твердыхъ горъ!
Сумбека длитъ еще коварный разговоръ:
Увы, любезный Князь! войдемъ во градски стѣны,
Не бойся хитрости и не страшись измѣны.
Тебя корона тамъ, любовь и скипетръ ждутъ;
Взаимный миръ съ Москвой въ тебѣ вельможи чтутъ;
За вѣрность я тебѣ Ордынцовъ отвѣчаю;
Но ты задумался, я рѣчь мою скончаю.
Моей покорности стыдиться я должна! . . .
Взрыдала, и пошла, стенаючи она.
Потоки слезъ проливъ казалась удаленна,
Какъ роза нѣжная росою окропленна;
Пріятны Граціи тѣснились вкругъ нее,
И прелести припавъ цѣлуютъ слѣдъ ее;
Пріятности кругомъ лица ея летали,
И лобызаньями слезъ токи изчитали.
Какой бы человѣкъ, какой бы строгій богъ,
Ея заразами разтрогаться не могъ?
Сумбека кинула взоръ слезный ко Алею,
Пошла. . . и се Алей стремится въ слѣдъ за нею!
Алцинóю Астолфъ обманутъ тако былъ.
Алей уже едва Россію не забылъ;
Коль вѣра, мысль его обратно отзывала,
Любовь и слабостямъ похвальный видъ давала.
Онъ чаялъ, покоривъ съ Сумбекою Казань,
Прислать изъ ней въ Москву съ присягой вскорѣ дань;
Мятежныя сердца Ордынцовъ успокоить,
Ихъ наглость обуздавъ, всеобщій миръ устроить.

Сей чаямый предлогъ его къ Царицѣ влекъ;
Обманы царствуютъ! въ ихъ волѣ человѣкъ!
Любовь, которая тогда надъ нимъ летала,
Сумбекинымъ его невольникомъ щитала.
Такъ часто обладать собою льстимся мы,
Когда во власть беретъ у насъ любовь умы.

Притворны слезы лишь Сумбека продолжала,
Скрывалась, но любовь Цареву размножала.
Вскричалъ онъ, видящій взведенныхъ прелесть глазъ:
Увы! я быть могу еще обманутъ разъ;
Но слѣдую тебѣ! . . . Тѣ рѣчи излетали,
Во книгу вѣчности они внесенны стали,
И должно было впредь исполнитися имъ;
Невинность во слезахъ пошла во слѣдъ за нимъ.
Сумбека нѣжностью напасть запечатлѣла,
Которая Царю во срѣтенье летѣла.
Лишь выступилъ Алей дубравы изъ границъ,
Идущаго Царя встрѣчаетъ ликъ дѣвицъ;
Неизреченными сіяя красотами,
Ко граду путь его усыпали цвѣтами.
Утѣхи, прелести, тѣснятся вкругъ его,
Берутъ оружіе съ усмѣшкой у него;
Благоуханіемъ одежду оросили,
И гимны свойственны случаямъ возгласили;
Вѣнцы сплетающа пріятность изъ цвѣтовъ,
Къ Алею подступивъ, подъемлетъ свой покровъ,
Снимая шлемъ съ Царя, главу его вѣнчаетъ,
И мечь его укравъ, цвѣты ему вручаетъ;
Коварство робкое пріемля смѣлый видъ,
Отъемлетъ у него и копіе и щитъ.
Казалася любовь въ Героя превращенна;
А храбрость Царская явилась силъ лишенна

Тогда крылатая въ Казань паритъ молва,
Недремлюща во вѣкъ, скора, быстра, жива;

Мол-

Молва Алеево пришествіе вѣщаетъ,
Съ Москвой взаимный миръ Казанцамъ обѣщаетъ.
Пріятная судьба Казани смутной льститъ,
Которую сулилъ Царицѣ ихъ Сеитъ.
Златая встрѣтила Сумбеку колесница,
Съ Алеемъ въ торжествѣ возсѣла въ ней Царица;
Народъ въ восторгѣ зритъ съ высокихъ градскихъ стѣнъ,
Идущаго Царя на произвольный плѣнъ.
Чье имя страхъ Ордамъ недавно наводило,
Пришествіе того спокойствомъ граду льстило.
О тигрѣ, жителей который устрашалъ,
На пажитяхъ стада пасомы похищалъ:
Съ такимъ веселіемъ граждане разсуждаютъ,
Когда его въ цѣпяхъ по граду провождаютъ.
Спѣшаща обрѣсти сокровищи и честь,
Является Царю въ лицѣ вельможей лесть;
Защитникомъ Орды Алея называетъ,
И слезы радостны ласкаясь проливаетъ;
Имѣя въ разумѣ о выгодахъ мечты,
Къ подножію его разсыпала цвѣты.
И подлость рабская толь гнусно унижалась,
Что ко стопамъ его главою понижалась;
Лице покорности умѣюща принять,
Колѣна Царскія стремилася обнять.
Любовь народныя плесканья подкрѣпили,
И въ Царскій древній домъ любовники вступили.
Темница, страсть куда Алея привлекла,
Казалася ему съ Сумбекой весела.
Цирцеѣ гордая Сумбека подражаетъ,
Она и взоръ его и духъ обворожаетъ;
И въ сердце лестныя вливающа слова,
Во агнца слабаго преобратила льва.
Коль слѣпы въ ихъ любви бываютъ человѣки!
Алей весь міръ включалъ во прелестяхъ Сумбеки

К По

По радостямъ его летаетъ плѣнный взоръ,
На что ни смотритъ Царь, вошедъ во Царскiй дворъ.
Тамъ рядъ древесъ явилъ пространныя дороги,
Сквозь кои гордыя открылися чертоги;
Вкругъ нихъ являлися столпы въ златыхъ вѣнцахъ,
И бисеръ въ солнечныхъ играющiй лучахъ.
Строенiя сего наружное изрядство,
Роскошною рукой возвысило богатство;
Со пестрымъ марморомъ тамъ аспидъ сопряженъ;
Блистая хрусталемъ, казался домъ зажженъ.
Предъ онымъ зритъ Алей столпами окруженну,
Изъ твердыхъ марморовъ Казань изображенну;
Какъ нѣкiй исполинъ, имѣя грозный видъ,
На каменномъ она подножiи стоитъ.
Художникъ плѣнную изобразилъ Россiю,
Ко истукановымъ стопамъ склонившу выю;
И узы, на ея лежащiя рукахъ,
Являли прежнiй плѣнъ и прежнiй Россовъ страхъ.
Казань десницею ужасный мечь держала,
И мниму власть свою чрезъ то изображала.
Въ сей страшный истуканъ устроенъ тайный входъ,
Которымъ ихъ Цари вступая каждый годъ,
Молитвы ложному пророку приносили,
И вѣчна торжества надъ Россами просили.
Вѣщаютъ, будто имъ завѣтъ волхвами данъ:
Доколѣ невредимъ сей будетъ истуканъ,
Дотолѣ гордый градъ безвреденъ сохранится,
И благо ихъ во зло не можетъ премѣниться.
Коль пламенно Алей Сумбеку ни любилъ,
Едва въ сiи часы любви не истребилъ;
Казанской гордости онъ явный знакъ увидѣлъ;
Алей тщеславiе и пышность ненавидѣлъ.
Хоть сердце отняла Сумбека у него,
Россiя въ памяти присутствуетъ его;

И гнусенъ истуканъ его казался взору:
Россійскаго Алей не могъ терпѣть позору.
Но то коварная Царица усмотрѣвъ,
Изгнала прелестьми его изъ сердца гнѣвъ:
Она глаза къ нему толь страстно устремила,
Что ими прочія всѣ виды вдругъ затмила;
И нѣжныя слова лишь только изрекла,
Алея за собой въ чертоги повлекла.
Тамъ пѣсни юныхъ Нимфъ повсюду раздавались,
И цѣпи изъ цвѣтовъ руками ихъ свивались.
Подобны Уріямъ казались Нимфы тѣ,
О коихъ Махометъ вѣщаетъ красотѣ.
Онѣ пріятности любовныя вѣщали,
Которы и боговъ небесныхъ восхищали;
Воспѣли рыцарей великихъ имяна,
Которы въ древнія любили времяна.
Отравой сладкою любовникъ наполнялся;
Армидою Ренодъ подобно такъ плѣнялся.
Сумбекѣ нравилось прельщеніе сіе.
Алей, какъ нѣкій рай, жилище зрѣлъ ее;
Искусствомъ помрачивъ убранства горделивы,
Тамъ видны на стѣнахъ изображенья живы,
Которы хитрая рука произвела,
И видъ естественный и душу льну дала.
Въ лицѣ пріятнаго и тихаго Зефира,
Представила очамъ кисть царствованье мира;
Миръ страшный брани храмъ заклепами крѣпитъ,
У ногъ его въ травѣ волкъ съ агнцемъ купно спитъ;
Тамъ голубь съ ястребомъ играючи летаетъ,
И львица юнаго тельца млекомъ питаетъ;
Во всей веселости являлася видна,
Подъ тѣнію древесъ сѣдяща тишина;
Спокойство надъ главой великій щитъ держало,
И щастіе сію богиню окружало.

Съ другой страны встрѣчалъ плѣняющійся взоръ,
Военны подвиги, сраженія, раздоръ:
Тамъ зрится во крови свирѣпыхъ битвъ Царица;
Тамъ раны видимы, тамъ кровь, тамъ блѣдны лица;
Герои въ цвѣтѣ лѣтъ кончающія дни,
И стонутъ, кажется, написанны они.
Сумбека на Царя коварствуя взираетъ,
Узнать, къ чему свои онъ мысли простираетъ;
Чѣмъ паче занятъ онъ, кровавой ли войной,
Или цвѣтущею въ покоѣ тишиной?
Ей мнилось, что война его вниманью льстила,
И взоромъ взоръ его къ иному отвратила.
Тамъ новый видъ глаза Царевы поразилъ:
Художникъ кистію любовь изобразилъ.
Любовь, которая казалася на тронѣ,
Съ колчаномъ стрѣлъ въ рукахъ и въ розовой коронѣ;
Тѣ стрѣлы сыплются въ день ясный и въ ночи,
На всю вселенную, какъ солнечны лучи.
Лучами шаръ земный ты солнце освѣщаешь,
И грады оными и степи посѣщаешь:
Подобно стрѣлы такъ изъ рукъ любви летятъ,
Равно Владѣтеля и пастуха язвятъ;
И щастье равное они тогда вкушаютъ,
Когда свои сердца любовью утѣшаютъ.
Что кистью хитрою въ цвѣтахъ изображалъ,
Художникъ въ томъ живой натурѣ подражалъ:
Тамъ гордыя древа долины осѣняли,
И кажется, они верхи свои склоняли;
Межь камней извившись источники кипятъ,
И мнится, на стѣнѣ написанны шумятъ;
Тамъ кажется Нарцисъ еще глядитъ въ потоки,
И будучи цвѣткомъ, пущаетъ слезны токи;
Нещастный Адонидъ, ставъ жертвою любви,
Еще является на стеблѣ во крови.

Во

Во всемъ Алеево вниманье утопало!
Но мужество его изчезло и пропало
Толико мысли онъ въ утѣхи углубилъ,
Что друга своего Гирея позабылъ.
Другъ часто искрененъ во отдаленьи трона,
Но въ немъ лишь видѣнъ Царь, когда на немъ корона.
Алей наперстника не помнитъ своего,
Гирея позабылъ, но помнитъ другъ его!
Казанцы, нынѣ жизнь предвидящи щастливу,
Морскому въ оный день подобились приливу,
Который Царскій домъ отвсюду наполнялъ:
Весь градъ стремленіе къ любовникамъ склонялъ,
И вѣрность радости свои вездѣ трубила.
Алея подлинно Казанска чернь любила;
Уже два раза онъ сердцами ихъ владѣлъ,
Какъ будто о своемъ, о благѣ ихъ радѣлъ;
Познали въ немъ они отъ сильныхъ оборону.
Поспѣшно на него хотятъ взложить корону;
Не страшны Россы имъ, не страшенъ Асталонъ,
Коль будетъ занимать Алей Казанскій тронъ.
Но зависть и раздоръ среди вельможъ летаютъ,
Которыя себя ему предпочитаютъ.
Сіи двѣ фуріи, тревожа ихъ сердца,
Неволятъ ихъ алкать Казанскаго вѣнца;
И каждый думаетъ Алею быть подобенъ,
Иль паче, нежель онъ, владѣть Ордой способенъ.
Но завистью Сагрунъ сильняе всѣхъ горитъ,
Онъ взоры пламенны кидая, говоритъ:
Какія подадимъ мы слухи нынѣ свѣту,
Избравъ того Царемъ, кто врагъ и Махомету?
Кто рабствуя, Царю Московскому служилъ,
И можетъ быть его на насъ вооружилъ.
Или мы собственныхъ достоинствъ не имѣемъ,
Что выбрать въ Цари другъ друга не умѣемъ?

Но прервалЪ рѣчь его Гирей, АлеевЪ другЪ,
Вельможей собранныхЪ втѣснясь вЪ мятежный кругЪ:
Не льзя противиться, онЪ рекЪ, судебЪ уставу;
Алею отдаютЪ они сiю державу,
Державу, до сего носиму имЪ не разЪ;
Кто смѣетЪ быть НебесЪ противникомЪ изЪ насЪ?
Не вѣру толковать вѣнчается Владѣтель;
ОнЪ вЪ подданныхЪ вселять обязанЪ добродѣтель,
Кто лучше озаритЪ Казанскiй ею тронЪ?
Кто больше дастЪ примѣрЪ смиренья, коль не онЪ?
О! естьли исполнять хотѣнiя сердечны,
На царство выборы здѣсь будутЪ безконечны,
И будемЪ вЪ пренiи о тронѣ мы во вѣкЪ:
Начальствовать другимЪ желаетЪ человѣкЪ;
Но царство возмутивЪ, утратимЪ мы свободу;
Однако отдадимЪ сiе на судЪ народу:
НародомЪ подкрѣпленЪ бываетЪ Царскiй тронЪ,
Пусть скажетЪ, симЪ ЦаремЪ ужель доволенЪ онЪ?
СпросилЪ, и гласы ихЪ какЪ волны зашумѣли,
Казанцы собранны едину мысль имѣли;
Не слышно, кромѣ сихЪ, вЪ собранiи рѣчей:
Да нами царствуютЪ Сумбека и Алей!
Сребристая луна на горизонтЪ вступила,
Но радости вЪ сердцахЪ она не усыпила;
Стараясь удержать во градѣ свѣтлость дни,
Казанцы возгнѣли блестящiя огни;
Веселость подданныхЪ сiи являютЪ блески,
ВосходятЪ кЪ облакамЪ торжественныя плески;
КакЪ шумЪ морскихЪ валовЪ, достигЪ кЪ чертогамЪ гласЪ:
Да наши радости, возрадуютЪ и васЪ!
Сумбека хитру мысль вЪ рѣчахЪ прiятныхЪ скрыла,
ТронЪ твой и я твоя, Алею говорила;
СЪ моимЪ сливаются народныя сердца;
ОтЪ нихЪ и отЪ меня, прiемлешь два вѣнца;

ОдинЪ

Одинъ Царемъ тебя творитъ надъ сей страною,
Другой надъ нѣжностью моей и надо мною.
По мнѣ сей градъ, престолъ и весь народъ, есть твой;
Но съ нами примирясь, смири Казань съ Москвой;
Мы ей селенія за-Волжскія уступимъ;
И естьли хощешь ты, присягой миръ съ ней купимъ.
Мы браней не хотимъ! . . . Хотя и льщуся я,
Что можетъ защищать Казань рука твоя;
Но ты Россіи другъ; а царствуя надъ нами,
Россіянъ учини ты нашими друзьями,
И станемъ въ градѣ семъ златыя дни вести. . . .
Алей, не чувствуя Царицы хитрой лести,
Сумбеку подкрѣпилъ въ пріятномъ упованьѣ.
Взоръ нѣжный усладилъ и страсть и пированье,
Казалось, разлился веселья океянъ.
Но часто кроется въ веселостяхъ обманъ;
Кругомъ любовниковъ спираются утѣхи,
Слетаются въ чертогъ умильности и смѣхи.
Но виды таковы Сумбекинъ Дворъ имѣвъ,
Таилъ въ нутри своей притворство, зависть, гнѣвъ,
Которыя открыть лица еще не смѣли,
И зримы будучи, пріятный видъ имѣли.
Сумбека, радостямъ казалась отдана. . . .
Османа помнила, ахъ! помнила она;
Суровости его Царицѣ въ мысль приходятъ,
Среди веселостей на сердце мракъ наводятъ.
Досада, ревность, гнѣвъ, открывъ свободный путь,
Среди веселостей ея обьемлютъ грудь.
О коль страшна любовь, отмщающа измѣну!
Османа влечь велитъ подъ стражею изъ плѣну.
Свирѣпства, мщенія и ярости полна,
Алею изрекла стенаючи она:
Се врагъ мой, врагъ и твой, злодѣй всего народа,
Которымъ общая тѣснилася свобода!

Я дружбы прежнія съ нимъ узы нынѣ рву,
И въ жертву отдаю тебѣ его главу. . . .
Алей сказалъ: Османъ! внемли, что я вѣщаю;
Ты врагъ мнѣ, я тебѣ свободу возвращаю;
Познай теперь, Османъ, какъ Христіяне мстятъ,
Ты можешь съ нами жить, оставить можешь градъ.
Сумбека, будто бы предбудущее зрѣла,
Еще подъ стражею держать его велѣла.
Османъ отходитъ прочь, но прочь любовь нейдетъ,
Раждаетъ въ сердцѣ гнѣвъ, и власть надъ нимъ беретъ;
То стужу принесетъ, то вдругъ размножитъ пламень,
И погружается въ него, какъ тяжкій камень.
Сумбека, чающа Османа не любить,
Съ Алеемъ щастлива за утра мнится быть.
Сей плѣнникъ, въ Царскія вступивъ священны правы,
Влечется въ новыя Сумбекою забавы.
Желая облегчить правленія труды,
Ведетъ его она въ роскошныя сады,
Гдѣ тысящи пріятствъ для Флоры и Помоны,
Волшебною рукой соорудили троны:
Тамъ розовы вокругъ кустарники цвѣтутъ,
Зефиръ покоится на ихъ листочкахъ тутъ;
Тамъ вѣтвями древа густыми сплетенны,
Прохлады завсегда въ тѣни хранятъ весенны;
Чрезъ виды разныя стремящаяся тамъ,
Подъемлется вода шумяща къ облакамъ;
Любовны хитрости въ кустахъ себя скрываютъ,
И птицы нѣжныя ихъ прелесть воспѣваютъ;
Зеленыя лужки въ тѣни древесъ цвѣтутъ,
И кажется, любовь одры готовитъ тутъ;
Наяды у ручьевъ являются сѣдящи,
Волшебны зеркалы въ рукахъ своихъ держащи,
Въ которы Граціи съ усмѣшками глядятъ;
Амуры обнявшись, на мягкой травкѣ спятъ;

Не-

Пещеры скромныя, привѣтливыя тѣни,
Гуляющихъ къ себѣ манили на колѣни.
Сумбекѣ въ мысль пришли минувши времяна
Когда съ Османомъ здѣсь видалася она;
Любовныя свои прохлады вспомянула:
Взглянула къ небесамъ, и тяжко воздохнула.
Но скрыла грудь ея снѣдающую страсть,
Беретъ надъ чувствами Сумбека полну власть;
Запечатлѣнныя намѣреньи имѣя,
Османомъ прельщена, взвела на тронъ Алея.
Алею ввѣрила владычество свое,
Но царствовалъ Османъ надъ сердцемъ у нее.
Уже Алей Казань мятежну успокоилъ,
И къ миру онъ сердца съ Россiею устроилъ,
Союзъ готовился съ Москвой запечатлѣть;
Но искра мятежей не преставала тлѣть.
Османъ, оставленный Османъ, лишенъ покою,
При общей радости терзается тоскою;
Ему являются мечтанiя во тмѣ,
Эмира у него и въ сердцѣ и въ умѣ;
Гуляетъ ли въ садахъ, или въ нощи задремлетъ,
И мракъ и древеса лице ея прiемлетъ;
Томится духъ его и засыхаетъ кровь.
Взирая на сiе развратная любовь,
Любовь, мрачаща умъ, когда въ крови затлится,
Которая сердецъ страданьемъ веселится,
Любовь, отъемлюща покой, пристойность, стыдъ,
Прiемлетъ на себя теперь Эмиринъ видъ:
Къ Осману спящему со трепетомъ приходитъ,
Отраду зрѣнiю, но сердцу грусть наводитъ.
Эмира будто бы сей жизни при концѣ,
Имѣетъ блѣдное и смутное лице;
Раздранная на ней являлася одежда;
Речетъ: моя теперь изчезла вся надежда,

Изчезла, нѣкогда увидѣться съ тобой:
Намъ должно жить Османъ, въ разлукѣ вѣчно злой,
Отчаянный она, вѣщая, взоръ кидала,
Главу склонила внизъ, и горько возрыдала.
Но ктожъ причиною сердечныхъ нашихъ ранъ?
Эмира говоритъ: причиной ты, Османъ!
Спѣши, ты можетъ быть спасти меня успѣешь,
Къ свободѣ средства ты надежныя имѣешь,
Успѣхъ получишь ты надъ слабою женой;
Рыдай, стени, дабы увидѣться со мной.
Сіи слова она не разъ ему твердила,
И взоры слезныя подъемля уходила.

Османъ, какъ будто бы пронзенный въ грудь стрѣлой,
Ліетъ потоки слезъ, смущается мечтой,
Встаетъ; и се въ чертогъ Сагрунъ коварный входитъ;
Онъ взоры на него печальныя возводитъ.
Въ вельможѣ семъ душа, какъ адъ была смутна,
И къ разнымъ хитростямъ склонялася она;
Грызомый завистью, покоя не имѣетъ;
Желая людямъ зла, о бѣдствѣ ихъ жалѣетъ;
На блѣдномъ у него являлося лицѣ,
Что мыслилъ день и нощь о Царскомъ онъ вѣнцѣ.
Носятъ въ груди своей намѣреніе злобно,
Хотѣлъ, какъ самъ себя, и всѣхъ смущать подобно;
И такъ Осману рекъ: о коль твой скорбенъ взоръ!
Но долго ли тебѣ такой терпѣть позоръ?
Таврискій храбрый Князь въ Казанѣ узы носитъ,
О вольности своей ни думаетъ, ни проситъ;
Когда бы, можетъ быть, ты слово лишь изрекъ,
Порфирою бъ себя во градѣ семъ облекъ;
Я дружества къ тебѣ во вѣки не нарушу:
Ты вѣдаешь мою ревнительную душу,
И вѣдаешь еще ту пламенную страсть,
Котора ввергнула тебя въ сію напасть;

Дай нову силу ей, и подкрѣпися ею,
Сумбека сжалится надъ нѣжностью твоею;
Явись ея очамъ! Османъ, мечтой смущенъ, . . .
Коварнымъ Сагруномъ казался обольщенъ.
Вельможу онъ сего при щастьѣ ненавидѣлъ,
Но ввѣрилъ днесь ему мечту, котору видѣлъ.
Такъ бѣдный плаватель, въ пучинѣ жизнь губя,
За все хватается, что видитъ вкругъ себя.
Довѣренностью сей Сагрунъ возвеселился,
Онъ только ждалъ, чтобы Османъ къ нему склонился;
Намѣреніе онъ злодѣйское питалъ,
Своимъ орудіемъ любовну страсть считалъ;
Во злобѣ предпріялъ, раздоръ въ троихъ посѣя,
Османа погубить, Сумбеку и Алея.
Сей хищный волкъ теперь пріемлетъ агнчій видъ;
Лукавый духъ его подъ видомъ дружбы скрытъ:
Спаси отъ бѣдства насъ, вѣщаетъ онъ со стономъ,
Мы всѣ устрашены колеблющимся трономъ;
Сумбека мстящая любви не изгнала,
Но въ гнѣвѣ Царску власть Алею отдала,
А сей опасный врагъ и вѣры и Казани,
Сбираетъ для Москвы съ Татаръ позорны дани;
Я видѣлъ, какъ теперь народу онъ ласкалъ,
И въ ихъ сердца войти, различныхъ средствъ искалъ.
Имѣя желчь въ груди, точилъ онъ медъ устами;
Съ Россіей вѣчный миръ украсилъ онъ цвѣтами,
И въ прелестяхъ такихъ собранью представлялъ. . . .
Симъ адскимъ вымысломъ онъ души уловлялъ,
И рекъ сіи слова; но ихъ изрекъ краснѣя:
Вы другомъ, не Царемъ имѣете Алея;
Смиритися съ Москвой, и отвратити брань,
Не многая къ тому отъ васъ потребна дань,
Присяга вѣрная! О коль слова безбожны!
Рабамъ покорности такія суть возможны;

А мы давно ли власть имѣли надъ Москвой?
Намъ льзяль къ стопамъ ихъ пасть, бывъ прежде ихъ главой?
Кто знаетъ? можетъ быть, тая въ душѣ коварство,
Разрушить предпрiялъ Алей Казанско царство;
Мужайся, ободрись, злодѣя не жалѣй,
Сними съ него главу, колъ не снялъ онъ твоей!
Ты смертiю своей нещастный ускоряешь;
Спасая жизнь его, свою ты жизнь теряешь.
Теперь Османъ! любовь Царицѣ докажи,
Корону со главы падущу удержи;
Тебя къ тому зоветъ и зримое мечтанье,
Любовь, нещастiе, и наше почитанье;
Та тѣнь, которая являлася тебѣ,
Ко щастливой тебя и тѣнь зоветъ судьбѣ!
Уже колеблются божницъ верхи златыя;
Ты вѣру подкрѣпи, и воскреси Батыя.
Когда сiе Сагрунъ лукавствуя вѣщалъ,
Развратъ и паче въ немъ духъ звѣрскiй возмущалъ;
Обвившись вкругъ него, досаду растравляетъ,
Сумбеку взору онъ кровавому являетъ,
Котора, жалуясь на строгости Небесъ,
Ходила въ горести подъ тѣнiю древесъ;
И съ ревностью своей имѣющая споры,
Гдѣ жилъ Османъ, туда бросала смутны взоры.
Примѣтивый Сагрунъ страданiе сiе,
Вѣнчаннымъ поставлялъ желанiе свое,
И рекъ Осману онъ: я долгъ и дружбу помню;
Пойду, и важныя намѣренья исполню:
Заставлю гордою Сумбеку меньше быть,
Тебѣ престолъ отдать, Алея позабыть.
Идетъ, и хитрости вокругъ его летаютъ,
Они льстеца сего столпомъ своимъ считаютъ;
Во рабскомъ образѣ предстaвили его,
Покорность на челѣ являя у него.

Съ

Съ лукавствомъ внутреннимъ ко Сумбекѣ подходитъ,
И рѣчь съ ней о любви Османовой заводитъ:
Такъ Евву льстивый змій въ Едемѣ соблазнялъ,
Когда ее вкусить опасный плодъ склонялъ.
Прилично ли, онъ рекъ, что здѣсь какъ плѣнникъ низкій,
Подъ стражей держится безвинно Князь Таврискій?
Сей Князь, который сталъ за то одно гонимъ,
Что онъ любилъ тебя, что онъ тобой любимъ?
Всѣ сжалились надъ нимъ, мы плачемъ, плачутъ стѣны;
Онъ страждетъ, ни вражды не зная, ни измѣны;
И любитъ онъ тебя! . . . Но мы оставимъ то.
Подумай, Кримъ теперь въ отвѣтъ намъ скажетъ что?
Османа заключивъ, мы Кримскій родъ поносимъ,
А помощи отъ нихъ въ напасти общей просимъ;
На чтожъ она теперь? Здѣсь царствуетъ Алей;
Османъ кончаетъ жизнь. кончаетъ какъ злодѣй!
Умолкъ. . . . И рѣчь сія Царицѣ гордой льстила,
Она и выговоръ совѣтомъ добрымъ чтила;
Хотѣла за любовь обиженною быть,
И стать заставленной невѣрнаго любить.
Но кроя нѣжну страсть, котора грудь терзала,
Сумбека хитрому наперстнику сказала,
Сказала Сагруну, всемъ сердцемъ возстеня:
Ахъ! льзя ли вѣрить мнѣ, что любитъ онъ меня?
Не сей ли льстецъ меня на тронѣ обезславилъ?
Не онъ ли въ Тавръ отсель любовницу отправилъ?
Не явенъ ли его изъ града былъ побѣгъ?
Мной! мной обогащенъ! меня онъ пренебрегъ. . . .
Сумбека залилась при сихъ рѣчахъ слезами,
Сагрунъ вскричалъ: Османъ во вѣки будетъ съ нами!
Невѣрность скорую всегда пріемлетъ казнь.
Эмира, позабывъ Османову пріязнь,
Съ его сокровищемъ въ Россію убѣжала;
Увы! тебѣ въ любви она не подражала!

Османъ раскаялся! Я самъ, я самъ то зрѣлъ,
Что онъ обманщицу Сумбекѣ предпочелъ.
Но се идетъ Османъ; онъ самъ тебѣ докажетъ,
Какъ любитъ онъ тебя, и что онъ мыслитъ, скажетъ.
Скрывается Сагрунъ, извергнувъ сладкiй ядъ.
Сумбека бросила къ Осману нѣжный взглядъ:
Печали на челѣ, въ ланитахъ блѣдность видитъ,
И прежни строгости Сумбека ненавидитъ;
Клянетъ суровыя свои поступки съ нимъ:
Теперь не онъ предъ ней, она винна предъ нимъ.
Казалось, вкругъ нея летали смертны тѣни,
Мутится взоръ ея, дрожатъ ея колѣни;
У ней видѣнiя во смутныхъ мысляхъ нѣтъ,
Забвенъ, забвенъ Алей, забвенъ и цѣлый свѣтъ.
Но мнѣ представились подъ рощицей прiятной,
Печальны слѣдствiя любви, любви развратной:
Тамъ прелесть видима, притворство, лесть, обманъ,
Сумбека чувствуетъ, ихъ чувствуетъ Османъ;
Колѣни сей пришлецъ Сумбекины объемлетъ:
Она раскаянью любовникову внемлетъ,
И паки пламенной любовiю горитъ.
Османъ, лiющiй слезъ потоки, говоритъ:
Я будучи врагомъ Сумбекиной прiязни,
Прощенья не хочу, хочу жестокой казни! . . .
Сумбека, во слезахъ взирая на него,
Повергласъ въ томныя объятiя его;
Живи! Османъ живи! стоная возопила;
Лобзанiемъ сей миръ съ Османомъ подкрѣпила.
Увы! виновна я и тѣмъ, она рекла,
Что въ ревности тебя унизить я могла;
Забудемъ, что была на свѣтѣ семъ Эмира:
Уронъ твой замѣнятъ, я! тронъ мой! и порфира.
Сумбекины слова какъ будто разумѣлъ,
Казалось, воздухъ весь въ то время потемнѣлъ;

Раз-

Развраты, въ рощицѣ которыя скрывались,
Кругомъ любовниковъ летая извивались,
И раздѣлилися у нихъ въ сердцахъ они:
Въ одномъ раждаютъ хладъ, въ Сумбекиномъ огни.
Возможноль было имъ судьбины чаять лестной?
Земной любви они, искали не небесной!
Съ Эмирой вмѣстѣ быть, неволи избѣжать,
Османъ притворную старался страсть казать;
Любовью пламенной къ нему Сумбека тлѣя,
Личину нѣжности носила для Алея;
Условились они взаимный миръ таить,
Доколь настанетъ часъ Алея истребить.
Невинная любовь свѣтильникъ погасила,
И грудь Сумбекину слезами оросила,
Крылами встрепетавъ, сокрылась отъ нее,
Ломаетъ въ воздухѣ оружіе свое,
Вѣщаютъ: слышилось во древесахъ стенанье,
Сумбеки вредное внимающихъ желанье.
Алей въ Сумбекины чертоги возвращенъ,
У края пропасти былъ взоромъ обольщенъ.
Царица льститъ ему, но льститъ и ненавидитъ;
Невинность скоро зла конечно не увидитъ.
Когда Алей Казань къ покорству призывалъ,
Свіяжскъ измѣною его подозрѣвалъ (*).
Въ Москву отправилъ вѣсть, молвою имъ вѣщанну.
И время пренести мнѣ лиру къ Іоанну!

(*) Здѣсь означается время, о которомъ упоминается въ первой пѣсни о Алеевой измѣнѣ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Россiйскимъ подвигамъ парящiй духъ во слѣдъ,
И проповѣдатель торжественныхъ побѣдъ,
Вкушая сладкiй токъ щедротъ ЕКАТЕРИНЫ,
Взносися, мы трудовъ достигли половины.
Но муза цѣлiю своей до днесь брала,
Раздоры, хитрости и нѣжныя дѣла:
Теперь является кровавое мнѣ поле;
Потщимся устремить вниманья къ пѣснямъболѣ.
Отъ сонныхъ водъ стремлюсь къ пучинамъ прелетать,
Не миртовы вѣнцы, лавровыя сплетать.
О Музы! естьли вы о пѣсняхъ сихъ рачите,
Возьмите прочь свирѣль, и мнѣ трубу вручите;
Да важныя дѣла вселенной возглашу,
О коихъ возхищенъ восторгами пишу!
Любовь, которая Алея поражала,
Въ златыхъ цѣпяхъ его окованнымъ держала.
На слабости его взирающа Казань,
Междуусобную въ стѣнахъ питала брань;
Россiя между тѣмъ главу подъемлетъ томну,
Знамена видяща вносимыя въ Коломну.

Сей

Сей градъ, отъ Римскихъ золъ искавый оборонъ,
Въ началѣ основалъ Латинскій Князь Колонъ;
Когда противъ него враги пускали стрѣлы,
Изъ Рима онъ притекъ въ Россійскія предѣлы;
И славы здѣшнихъ странъ во браняхъ множа громъ,
Поставилъ на брегахъ Оки прекрасный домъ;
Зелены влажною луга обнявъ рукою,
Тамъ близко стрѣтилась Москва рѣка съ Окою,
И съ нею съединивъ разверстыя уста,
Казалось притекла на красны зрѣть мѣста.
Какъ будто въ сонмъ единъ сливаясь быстры рѣки,
Военны силы шлютъ въ сей градъ страны далеки.
Уже является со стѣнъ издалека,
Подъемлющая пыль, какъ бурны облака,
И пѣсни по лѣсамъ военны раздаются.
По всѣмъ градамъ отцы съ сынами разстаются;
Лобзаетъ сына мать, потоки слезъ лія;
Прощаются въ слезахъ супруги, и друзья.
Но только ратники изъ стѣнъ выходятъ въ поле,
Встрѣчаетъ храбрость ихъ, и слезъ не видно болѣ.
Уже во древности извѣстный Музіянъ,
Который и до днесь изъ грозныхъ водъ сліянъ,
Стенящія брега свирѣпаго Ильмена,
Въ Коломну ратныя отправили знамена.
Гдѣ Волховъ твердымъ льдомъ шесть мѣсяцовъ покрытъ,
Оттолѣ воинство какъ стадо птицъ паритъ;
И Ладожски струи въ брегахъ своихъ ярятся,
Что горды стѣны въ нихъ опустошенны зрятся.
Уже отверзъ врата дружинѣ Изборскъ градъ,
Гдѣ Труворъ, Рюриковъ княжилъ юнѣйшій братъ;
Сквозь блата топкія и горы каменисты,
Преходятъ будто бы поля и рощи чисты.
Дерзаетъ воинство отъ древнихъ оныхъ мѣстъ,
Гдѣ мщеньемъ Ольгинымъ извѣстенъ Искорестъ;

Тамъ, Игорь, видится еще твоя гробница,
Надъ коей плакала премудрая Царица,
Хранящая къ тебѣ и во вдовствѣ любовь,
Принесшая тебѣ Древлянску въ жертву кровь.
Уже отверзлися запечатлѣнны двери,
Смирившейся съ Москвой и съединенной Твери;
Упорство, коимъ палъ нещастливъ Михаилъ,
Отборнымъ воинствомъ сей городъ замѣнилъ.
Уже оставили морскія бѣлы воды,
Вокругъ Архангельска живущія народы;
Изъ хладныхъ мѣстъ несутъ горящу къ бранямъ грудь,
И храбрость лаврами предъ ними стелетъ путь.
Любовь къ отечеству брега опустошаетъ,
Которыя Двина струями орошаетъ;
На сихъ брегахъ рожденъ преславный сей пѣвецъ,
Который пріобрѣлъ безсмертія вѣнецъ;
Который славу пѣлъ, и дни златыя Россовъ,
Гремящей лирою извѣстный Ломоносовъ.
Отъ оныхъ сила мѣстъ какъ туча поднялась,
Гдѣ Которосль съ Волгою въ срединѣ стѣнъ слилась;
Гдѣ часто, къ небесамъ поднявшись, руды сѣрны,
Для грома облака приготовляютъ черны.
Уже съ крутыхъ вершинъ и со бреговъ Оки,
Текутъ съ оружіемъ великія полки;
Война, и славы рогъ въ Коломну привлекаетъ
Съ тѣхъ мѣстъ народъ, Угра гдѣ съ шумомъ протекаетъ;
Тамъ храбрость Іоаннъ на вѣки утвердилъ,
Когда при сихъ брегахъ Казанцовъ побѣдилъ.
Коломна зритъ мужей къ сраженію готовыхъ,
Притекшихъ отъ луговъ Самарскихъ и Днепровыхъ;
Приходятъ ратники къ стѣнамъ на общій сборъ,
Отъ мѣловыхъ вершинъ съ лишенныхъ цвѣта горъ,
Которы жатвою вокругъ благословенны;
Но кажутся вдали снѣгами покровенны.

Воору-

Вооружилися на общаго врага,
Благоуханныя Донецкія брега.
Ко подкрѣпленію отечества и трона,
Явились ратники съ извившагося Дона,
Который водъ струи стараясь разносить,
Всю хощетъ кажется Россію оросить.
Подвиглись грады всѣ въ обширной части міра.
Но можноль сильну рать тебѣ изчислить, лира?
Пришедше воинство подобилося тамъ,
На понтѣ ледяномъ различныхъ птицъ стадамъ.
Коломна наконецъ отверзла дверь широку
Россійской полночи, полудню и востоку.
Отъ запада гремятъ въ стѣнахъ мечи у ней;
И сердцемъ зрѣлася она Россіи всей,
Къ которому, какъ кровь, вся сила обратилась;
И пламенна война возрѣвъ на нихъ дивилась.
Внутри себя и внѣ, мечи и пламень зря,
Встрѣчаетъ городъ сей и храбраго Царя,
Который окруженъ отечества сынами,
Какъ новый былъ Атридъ у Трои подъ стѣнами.
Онъ видитъ полночь всю подъ скипетромъ своимъ,
И многія Цари на брань дерзали съ нимъ;
Всему отечеству сулили большу цѣлость,
Россійскихъ войскъ соборъ, любовь къ войнѣ, и смѣлость.
Когда полки Монархъ ко брани ополчалъ,
И молніи несящъ, перуны имъ вручалъ,
На ратниковъ своихъ Россія обращенна,
И стройностію войскъ, и силой восхищенна,
И видяща Царя пускающася въ путь,
Подъ громомъ чаяла трубъ звучныхъ отдохнуть;
Блестящія мечи, Россійскія сраженья,
Сулили больше ей, чѣмъ миръ успокоенья.
Прославить воинство предположивъ сіе,
Склонилъ къ нему Творецъ вниманіе свое.

 И

STAATSBIBLIOTHEK BAMBERG

И се! къ знаменамъ ихъ побѣда обратилась,
Но свѣтлая заря взошла и помутилась;
Какъ будто льющійся въ луга съ горы потокъ,
Россійско щастіе препнулъ на время рокъ.
Горѣли мужествомъ уже сердца геройски,
И ставилъ Іоаннъ въ порядокъ ратный войски,
Которы принесли отъ странъ различныхъ въ дань,
Любовь къ отечеству, злодѣямъ страхъ и брань,
Летящи мыслями и мужествомъ къ Казани,
Уже простершія къ сраженью мечь и длани.
Вдругъ видятъ съ южныхъ странъ идущу пыль столпомъ,
И конскій топотный внимаютъ бѣгъ потомъ,
Приближилось къ Царю, какъ вихрь, видѣнье тое,
И разступилося что облако густое;
Явилися гонцы Россійски наконецъ,
Которыми влекомъ Ордынскій былъ бѣглецъ.
Написанна боязнь у нихъ на лицахъ зрима;
Бѣглецъ возопіялъ: война! война отъ Крыма!
Уже со множествомъ бунтующихъ Татаръ,
Рязань опустошилъ Ханъ Крымскій Исканаръ;
Москвы не истребивъ, сей Ханъ не хощетъ мира.
Вы зрите предъ собой его раба Сафгира.
Какъ будто человѣкъ при самомъ бывъ концѣ,
Изображенну смерть являлъ Сафгиръ въ лицѣ;
Отверзта грудь его, раздранная одежда,
Являли, что ему одна была надежда:
Позорно кончить жизнь! Склонивъ главу стоялъ,
И къ Царскимъ вдругъ ногамъ трепещущій упалъ;
Но бодрости Монархъ отчаяннымъ податель,
Спросилъ его: кто онъ? Я рабъ твой и предатель;
Я рабъ твой, землю онъ челомъ бія, вѣщалъ.
Симъ словомъ, не войной сердца онъ возмущалъ.
И рекъ ему Монархъ: какъ Царь тебѣ вѣщаю,
Хотя ты мнѣ и врагъ, вину твою прощаю;

Но вѣрности въ залогъ теперь повѣдай мнѣ,
О грозной Крымцами внесенной къ намъ войнѣ.
Щедротой оживленъ, духъ бодрый получаетъ,
И слезы отеревъ, предатель отвѣчаетъ:
О Царь! мнѣ ты простишь, но Богъ, который мститъ
За вѣроломство намъ, вины мнѣ не проститъ;
Уже моей душѣ въ тоску и въ огорченье,
Является теперь мнѣ вѣчное мученье:
Свирѣпый огнь, болѣзнь, и вѣчна смерть, и гладъ,
Пылаетъ кровь моя, ношу я въ сердцѣ адъ.
Вы чаете, что я рожденъ въ махометанствѣ,
А я увидѣлъ свѣтъ, и взросъ во Христіянствѣ;
Отечеству сему злодѣя и врага,
На свѣтъ произвели Рязанскія брега.
Позволь мнѣ имяна сокрыти жизнь мнѣ давшихъ,
О пагубѣ моей родителей рыдавшихъ,
Уже ихъ въ свѣтѣ нѣтъ! . . . Тутъ пролилъ слезы онъ,
И въ грудь себя бія пускалъ глубокій стонъ,
И тако продолжалъ: Ихъ нѣтъ! а я остался,
Дабы томился въ вѣкъ, слезами бы питался;
Прибѣгъ я тако въ Крымъ, искати щастья тамъ,
Къ соблазну юности, душѣ въ позоръ и срамъ; . . .
О! лучше бы не знать рожденья мнѣ и свѣта,
Я тамо впалъ во тму пророка Махомета!
И льстящая меня въ то время щастья тѣнь,
Дала богатство мнѣ и знатную степень;
Отъ глазъ моихъ была святая вѣра скрыта.
И вдругъ увидѣли во Крымѣ мы Сеита,
Который предложивъ отъ Ордъ Казанскихъ дань,
Вдыхаетъ намъ въ сердца противу Россовъ брань.
Корыстью, гордостью и лестью ослеплѣнны,
Симъ старцемъ всѣ чины явились уловленны;
И силы многія собравый Исканаръ,
Нагайскихъ преклонилъ къ странѣ своей Татаръ;

Казанцы златомъ насъ и ратью подкрѣпили;
Съ свирѣпствомъ варварскимъ въ Россію мы вступили;
Предъ нами огнь летѣлъ, за нами страхъ и гладъ;
Пустыни дѣлались, гдѣ цвѣлъ не давно градъ;
И будто бы съ собой законъ Махометанской,
Приноситъ жадный духъ ко крови Христіянской;
Къ отечеству любовь и чувства потуша,
Остервлена была на кровь моя душа.
Я первый, можетъ быть, не зная казни близкой,
Я первый мечь омылъ, мой мечь, въ крови Россійской;
Не тронутъ плачемъ былъ ни отроковъ ни женъ.
Тогда отъ воинства съ дружиной отряженъ,
Пошелъ опустошать я дальнія предѣлы,
И въ пепелъ обращалъ встрѣчаемыя селы;
Рѣками кровь точилъ! И въ нѣкій грозный день,
Когда простерла нощь на землю перву тѣнь,
Со пламенемъ мы домъ и съ воплемъ окружили;
Бѣгутъ отъ нашихъ стрѣлъ, которы въ ономъ жили,
И старецъ мнѣ сквозь мракъ являлся въ сѣдинахъ,
Котораго гнала и смерть и общій страхъ;
Сей старецъ отъ мечей и копей укрывался,
Онъ руки вознося слезами обливался.
О варваръ! стономъ я не тронулся его;
Я бросилъ копіе свирѣпствуя въ него,
И грудь его пронзилъ. Омытый старецъ кровью,
Со Христіянскою вѣщалъ тогда любовью:
Простите Небеса убійцѣ смерть мою!
Я долгъ естественный природѣ отдаю;
Мнѣ тако жизнь скончать назначила судьбина;
О! естьли сынъ мой живъ, благословляю сына!
Когда же духъ его съ послѣдней кровью текъ,
О Боже! . . имя онъ мое вздохнувъ изрекъ. . .
Я стрѣлы острыя и мечь мой отвергаю,
Ко умирающу я старцу прибѣгаю,

И

И въ немъ родителя нещастный познаю!
Онъ кончилъ жизнь, а я недвижимый стою!
Когда моя душа изъ тѣла вонъ летѣла,
Отторгнутъ вскорѣ былъ отъ драгоцѣнна тѣла;
Лишенный чувствъ моихъ, я впалъ во смертный сонъ;
Но мнѣ спокойствія не могъ принесть и онъ.
Прости мнѣ медленность въ сказаньѣ таковую,
Я нѣчто нужное, о Царь мой! повѣствую:
Во снѣ родителя я видѣлъ моего,
Вонзенно копіе я зрѣлъ во грудь его;
Объемлетъ хладною отецъ меня рукою,
И мнѣ трепещущъ рекъ: не трать, не трать покою,
Прощаю я тебя; но скройся отъ Татаръ;
Погибнетъ съ воинствомъ Сеитъ и Исканаръ!
Онъ къ небу поднялся... Я въ страхѣ пробудился,
И въ саму ону нощь отъ Крымцовъ удалился,
Бѣжалъ Россіянамъ видѣнье возвѣстить.
Хощу ли быть прощенъ? И льзяль меня простить?
На смерть сюда пришелъ врагъ общій безъ боязни.
Сафгиръ! простеръ главу, и ждалъ достойной казни.
Но Царь вѣщалъ ему: не мнѣ за грѣхъ твой мстить;
Прощаю то тебѣ, что я могу простить;
Но казни избѣжать въ судѣ по смерти строгомъ,
Покаясь предо мной, покайся и предъ Богомъ.
Сафгиръ, сей страшный левъ, сталъ кротокъ какъ овенъ,
И скрылся отъ людей, крещеньемъ омовенъ.
Взирая Іоаннъ Казанцовъ на кичливость;
И видя хитрость ихъ, вражду, несправедливость,
Подобно какъ парящъ за добычей орелъ,
Который близь гнѣзда ползущихъ змій узрѣлъ,
Въ поляхъ воздушныхъ птицъ безъ брани оставляетъ,
И свой полетъ къ зміямъ мгновенно направляетъ.
Такъ взоры отвративъ отъ предлежащихъ странъ,
Бросаетъ грозный взглядъ къ полудню Іоаннъ;

И тамо внемля громъ нечаянныя брани,
Туда войну склонялъ, оставивъ путь къ Казани;
На Исканара мечь онъ въ мысляхъ обращалъ.
И всѣхъ къ тому привлечь, Боярамъ такъ вѣщалъ:
Отъ первой храбрости, движенiя и жара,
Отъ первыя стрѣлы, отъ перваго удара,
Зависятъ иногда сраженiе и брань;
Мы Крымцовъ побѣдивъ, разрушимъ вдругъ Казань;
Злодѣйски замыслы Ордынцовъ уничтожимъ;
Пойдемъ, и первую надежду ихъ низложимъ.
Я самъ, я самъ иду противу сихъ Татаръ,
Съ которыми притекъ грабитель Исканаръ.
Внимая въ небесахъ намѣренья такiя,
Низходитъ ко Царю Божественна Софiя;
Одежды бѣлыя, горящи вкругъ лучи,
Какъ звѣзды свѣтлыя, блистающи въ ночи;
Прозрачны облака, что вкругъ ея ходили,
Въ ея присутствiи Монарха утвердили;
И зрѣнiе его и мысли привлекла,
И зрима только имъ, сiи слова рекла:
О Царь въ твоихъ рукахъ всея державы цѣлость;
Отваживай свою при важномъ дѣлѣ смѣлость,
Постыдна для тебя со Исканаромъ брань;
Твоихъ перуновъ ждетъ бунтующа Казань.
Изчезло наконецъ небесное явленье.
Вельможи, зрящiе Царя во изумленьѣ,
И чая разогнать сумнительствъ мрачну тму:
Къ Казани ли идти, на Крымцовъ ли ему,
Нарочно межъ собой стѣснившись разсуждали,
И Мудрости совѣтъ согласно подтверждали.
Что медлить здѣсь еще? бесѣдуютъ они;
Имѣемъ лѣтнiя благополучны дни;
На Крымцовъ коль идти, опять зима настанетъ,
И надъ Казанiю нашъ громъ въ сей годъ не грянетъ.

Отраву

Отраву между тѣмъ сберетъ сей злый сосудъ,
И сокрушить его настанетъ большій трудъ;
На Крымцовъ устремить движенія геройски,
И полководцы есть у насъ и храбры войски.
Царь внялъ, и къ Курбскому съ восторгомъ обратясь,
Вѣщалъ: о храбрый мужъ, и славный въ браняхъ Князь!
Тебѣ спасеніе отечества вручаю,
Въ тебѣ любви къ нему всѣхъ больше примѣчаю;
Грабителей казнить, на Крымцовъ ты иди,
Взявъ третью войска часть, ступай и побѣди!
Такъ Курбскій былъ почтенъ за храбрость превосходну,
И ревность во сердцахъ умножилъ благородну.
Какъ къ солнцу за орломъ птенцы летящи въ слѣдъ,
Такъ юноши за нимъ стремятся въ путь побѣдъ.
И видится сей мужъ мнѣ ратью окруженный,
Царемъ, Боярами и войскомъ уваженный;
Сіяющъ, какъ луна между звѣздами въ тмѣ,
Въ душѣ усердіемъ и славой во умѣ.
О Царь! вѣщаетъ онъ, меня найдетъ побѣда,
Во браняхъ твоего держащагося слѣда!
Коль царству предлежитъ опасность и бѣда,
Не страшенъ пламень мнѣ, ни вихри, ни вода.
Россіяне къ трудамъ и къ славѣ сотворенны;
(Отечествомъ своимъ лишь былибъ ободренны). . . .
Надежду слово то во всѣхъ произвело;
Спокойствомъ Царское вѣнчалося чело.
Но вскорѣ онъ Царя и ратниковъ оставилъ,
И съ третью воинства на Тулу путь направилъ.
Ханъ Крымскій между тѣмъ Рязань уже претекъ;
Какъ змій великій хвостъ, различны войски влекъ;
Куда ни падали изъ рукъ его удары,
Вездѣ лилася кровь, и зрѣлися пожары.
На бурныхъ крыліяхъ когда Борей паритъ,
Что встрѣтится ему, все ломитъ и валитъ;

Высоки зданія, дремучій лѣсъ объемлетъ,
Шумитъ, и въ ярости онъ треску ихъ не внемлетъ.
На разрушеніе Россіи устремленъ,
Свирѣпый Исканаръ разитъ, беретъ во плѣнъ.
Россійской кровію Сеитъ вездѣ алкаетъ,
Младенцовъ убивать Ордынцовъ подстрекаетъ;
Велитъ потоки слезъ и вопль пренебрегать;
Россіянъ не щадить, ихъ грады пожигать.
Сей старецъ, въ бѣшенствѣ и во свирѣпствѣ яромъ,
Защитникомъ своимъ ругался Исканаромъ;
Подъ видомъ, будто бы закону онъ радѣлъ,
И мыслями его и войскомъ овладѣлъ;
И злобѣ ни на часъ не зная утоленья,
Кровавыя давалъ Ордынцамъ наставленья.
Такъ гордость завсегда является страшна,
Подъ видомъ святости гдѣ кроется она;
Какъ руки, крестъ нося, она окровавила,
Сіе нещастная Америка явила.
Сеитъ сугубою прельщается алчбой:
Любовь злодѣю льститъ и кровопитный бой;
Несытый Крымскаго владѣтеля услугой,
Плѣнился Ремою Сеитъ, его супругой,
И къ цѣли гнусныя желанья довести,
Принудилъ съ воинствомъ Царя на брань ийти.
Но нѣжная сія въ любви Махометанка,
Природой сущая была Илиріянка;
Когда оружія разтратятся у нихъ,
Кидали во враговъ они дѣтей своихъ,
И варварки сіи ихъ члены разрывали;
Противниковъ своимъ рожденьемъ убивали.
Отъ крови таковой и Рема родилась;
Она любви во плѣнъ, не власти отдалась
И ставъ прельщенная прекраснымъ Исканаромъ,
Любила завсегда супруга съ равнымъ жаромъ;

Но видя, что его изъ стѣнъ влечетъ война,
Слезами убѣждать пришла Царя она.
Сему противилась въ Сеитѣ страсть возженна;
Онъ рекъ, что безъ него не будетъ брань рѣшенна;
Что въ будущихъ дѣлахъ ему дающій свѣтъ,
Открылъ ему сіе пророкъ ихъ Махометъ,
И будетъ имъ однимъ попранна вся Россія.
Скрывали злую мысль и страсть слова такія.
Тогда вообразивъ воительный свой полъ,
Оставя роскоши, спокойство и престолъ,
Не могши въ жизни быть одна благополучна,
Съ супругомъ Рема быть желаетъ неразлучна:
Отправилась на брань и страхи купно съ нимъ.
Успѣхи потерялъ Сеитовъ умыслъ симъ;
Однако наущенъ коварствами своими,
И старецъ сей пошелъ для Ремы въ поле съ ними.
Тогда алкающихъ вступить съ Россіей въ бой,
Срациновъ пригласилъ военной Крымъ трубой,
Которыя уснувъ во тмѣ махометанства,
Врагами вѣчными являлись Христіянства.
Но сихъ сподвижниковъ сраженья и война,
Была съ суровостью грабителей равна;
На брань стремили ихъ ни мужество, ни слава:
Корысть ихъ цѣль была, а смерть враговъ забава.
Склоняетъ подъ свои знамена Исканаръ,
Нагайскихъ жаждущихъ сраженіевъ Татаръ.
Сіи отъ береговъ Уфинскихъ удалились,
И странствуя въ степяхъ, близь Крыма поселились;
Не знаютъ класами они покрытыхъ нивъ,
Ни сладкаго плода, ни масличныхъ оливъ.
Не изнуряя силъ надъ пашнею трудами,
Обилуютъ млекомъ и тучными стадами;
Въ походахъ воинство безбѣдствуетъ сіе:
Кони ихъ пища имъ, а кровь ихъ питіе;

Гдѣ отдыхъ есть для нихъ, тамъ зрится и трапеза;
Броня ихъ сплетена изъ мягкаго желѣза;
Закрыты ею вкругъ въ сраженїи они,
Желѣзны кажутся подъ ними и кони;
Набѣги быстры ихъ въ сосѣдственны предѣлы;
Оружїе у нихъ кинжалъ, копье и стрѣлы.
Впуская варвары въ желѣзо смертный ядъ,
Лишаютъ жизни вдругъ, кого копьемъ разятъ;
И стрѣлы въ высоту отъ ихъ луковъ пущенны,
Проходятъ сквозь тѣла изъ облакъ возвращенны.
Но долго ратники сражаться не могли,
И малый зря уронъ, отъ грома прочь текли.
Сїи воители, искавъ блаженства, нынѣ,
Въ подданство принесли сердца ЕКАТЕРИНѢ
Защитникамъ своимъ отважнымъ Крымцамъ въ дань,
Оружья огненны устроила Казань,
И злобу въ ихъ сердца противъ Москвы вливала.
Сей хитростью Казань унывша уповала,
Россїйской храбрости пареніе пресѣчь,
И брань, кроваву брань, къ другой странѣ отвлечь.
Но тщетно мыслїю твоей надежда водитъ;
Подъемлетъ Богъ перунъ; Казань! твой рокъ приходитъ.
На силы опершись Ордынскїя она,
Спокойства зрѣлася и радости полна;
Уже союзниковъ въ Одоевскѣ встрѣчала,
И заключенну смерть въ пищаляхъ имъ вручала.
Такїя воинства Ханъ Крымскїй къ Россамъ влекъ,
Какъ бурный вихрь шумя, подъ Тулу онъ притекъ;
Часть воинствъ разославъ о ихъ на промыслъ пищѣ,
Устроилъ на брегахъ Упинскихъ становище;
И дать начальникамъ и ратникамъ пиры,
Онъ златомъ тканыя разставилъ вкругъ шатры;
Пограбленною онъ корыстью веселится,
И кровью Россїянъ съ чиновными дѣлится.

Но

Но Рема не могла спокойна быть одна;
Присудствуетъ въ пирахъ задумчива, блѣдна;
Съ супругомъ вмѣстѣ бывъ, не чувствуетъ покою,
Дары его беретъ дрожащею рукою;
Убранства къ ней или невольницъ привлекутъ,
Слезъ токи у нее, какъ градъ изъ глазъ текутъ;
Отъ злата зрѣніе и пищи отвращала;
Слезами сбывшуся погибель предвѣщала.
На прелести ея взирающій Сеитъ,
Москва отъ насъ близка, вздыхая говоритъ,
Мы скоро съ пламенемъ войдемъ въ сію столицу,
Увидишь падшу ихъ къ твоимъ ногамъ Царицу;
Возложишь на себя Россійскій ты вѣнецъ:
Пришелъ державѣ сей, уже пришелъ конецъ!
Смотрящій въ ночь сію на круги я небесны,
Постигнулъ таинства для смертныхъ неизвѣстны:
Я видѣлъ въ воздухѣ всей нашей рати строй,
И вдругъ Россіяне дерзнули съ нами въ бой;
Среди военнаго движенія и жара,
Познaлъ я одного предъ войскомъ Исканара;
Какъ молніею онъ, Россіянъ поражалъ,
Всѣ силы сокрушилъ, Московскій Царь бѣжалъ;
Конечно сбудется видѣнье мною зримо;
Но стань предъ войсками, о Царь! необходимо. . . .
Внимали всѣ тому, что старецъ сей вѣщалъ,
Онъ Хана паче всѣхъ сей баснью восхищалъ.
Согласенъ съ старцемъ онъ, но Рема не согласна;
Отважность для нея супружняя ужасна;
Ей кажется, что онъ обратно не придетъ;
Не отпущу его, рыдая вопіетъ,
Владѣтеля хранить всѣхъ воевъ должно болѣ;
Коль онъ пойдетъ, и я пойду въ кроваво поле!
Когда главѣ его, увы! коснется мечь,
То кровь моя должна съ супружней кровью течь!

У стремени его я буду неотступно;
Побѣды лавръ приму, иль смерть вкушу съ нимъ купно.
Всю сладость хитрости Сеитъ употребилъ,
И Рему быти съ нимъ во станѣ убѣдилъ.
Но Курбскій въ шествіи минуты изчитаетъ,
И съ войскомъ пламеннымъ лѣсъ, горы, прелетаетъ;
Одолѣваетъ гладъ, одолѣваетъ сонъ.
Приближился уже къ предѣламъ Тульскимъ онъ,
И возвратилъ сему трепещущему граду,
Спокойство, тишину, надежду и отраду.
Тамъ видя жители съ высокихъ Крымцовъ стѣнъ,
Мечтали грозну смерть, свою напасть и плѣнъ,
И помня страшныя Ордынскія набѣги,
Слезами горькими омыли тучны бреги;
Но Курбскаго въ нощи почувствуя приходъ,
Въ немъ видитъ Ангела защитника народъ.
Дрожащая луна на небеса восходитъ,
Блистательныхъ плеядъ и скорпія выводитъ;
Желая воинству отдохновенье дать,
Подъ Тулой Курбскій сталъ разсвѣта ожидать.
Онъ зналъ, что Исканаръ съ грабительной толпою,
Свой станъ разположилъ и войски надъ Упою;
Начальникъ воинство примѣромъ восхищалъ,
И ратниковъ собравъ, сіи слова вѣщалъ:
Въ подпору малый сонъ принявъ изнеможенью,
Назавтре съ Крымцами готовьтеся къ сраженью.
Вы помните, что Царь велѣлъ намъ побѣдить,
И должны мы его желанью угодить;
Не златомъ Крымскимъ васъ, о други! обольщаю,
Не Исканаровъ станъ добычей обѣщаю,
Не гнусная корысть зоветъ ко брани васъ,
Спасенье общее, и вашей славы гласъ.
Вниманіе свое на Тулу обратите,
Тамъ всѣ вамъ вопіютъ: спасите насъ! спасите!

Мы

Мы должны кровію спокойство имъ купить;
Подите храбрый духъ сномъ краткимъ подкрѣпить.
Вздремали ратники; и бывшу утру рану,
Ко Исканарову ихъ Курбскій двигнулъ стану.
Тамъ роскошь гнусная, устроивъ гордый тронъ,
Простерла на своихъ любимцевъ томный сонъ:
Не брань кровавая, не остріе желѣза;
Имъ зрится сладкая въ мечтаніи трапеза.
Неосторожности являющій примѣръ,
Надъ стражей крыліе глубокій сонъ простеръ,
Которая въ мечтѣ Москву пренебрегала,
Врата и валъ, глаза сомкнувши, облегала.
Но Курбскій, презрящій не равный съ ними бой,
Даетъ къ сраженью знакъ звучащею трубой.
Сей звукъ подобенъ былъ удару громовому,
Который бросилъ огнь къ трепещущему дому;
Отъ Крымцовъ сонъ бѣжитъ, ихъ будитъ смертный страхъ.
Какъ бурный вихрь возставъ, подъемлетъ въ полѣ прахъ,
Такъ близкая напасть и смерть отвсюду зрима,
Подъемлетъ воинство притекшее изъ Крыма.
Бѣгутъ къ оружію, текутъ къ своимъ конямъ,
Ступаютъ, ихъ искавъ, по собственнымъ бронямъ;
Въ отчаяньѣ, когда своихъ людей встрѣчаютъ,
Въ шатры кидаются, что видѣть Россовъ чаютъ.
Облекся наконецъ бронями Исканаръ,
И выбѣжавъ зоветъ разсѣянныхъ Татаръ:
О робкія! вскричалъ, спасаетъ ли васъ бѣгство?
Пойдемъ, и упредимъ отпоромъ наше бѣдство! . . .
Внимая рѣчь его, пускала стонъ Упа,
И ратная кругомъ стѣсняется толпа.
Сеита вспомнивъ Ханъ, напасть пренебрегаетъ,
Исторгнувъ острый мечь, на валъ одинъ взбѣгаетъ.
Когда предъ войскомъ онъ звучащъ бронями текъ,
Супругу отъ него Сеитъ въ шатеръ отвлекъ;

Ей

Ей тамо подтвердилъ небесное видѣнье,
Съ совѣтомъ съединивъ къ покорству принужденье.
 Отъ Россовъ Исканаръ Ордынцовъ защищалъ;
Рукою острый мечь толь быстро обращалъ,
Что молніями онъ въ рукахъ его казался,
И смерть вносилъ въ сердца, кому во грудь вонзался.
Отважный духъ въ его дружинѣ возгорѣлъ;
На Россовъ сыплется шумящихъ туча стрѣлъ;
На шлемы падают онѣ сгущеннымъ градомъ,
И разтравляются глубоки раны ядомъ.
Россіяне на валъ разсвирѣпѣвъ летятъ,
Но копіи, какъ лѣсъ, противу ихъ шумятъ;
Надежда ратниковъ близь Хана умножаетъ,
И туча воиновъ другую отражаетъ.
 Но Курбскій видящій, что храбрый Исканаръ,
Единый ободрилъ и въ брань привлекъ Татаръ,
Злодѣя общаго въ семъ Ханѣ ненавидитъ;
Но въ немъ достойнаго противуборца видитъ.
Какъ съ горнихъ мѣстъ звѣзда летящая въ ночи,
Течетъ, склонивъ копье, сквозь копья и мечи,
Щитомъ тяжелымъ грудь широку покрываетъ;
Предъ валомъ ставъ, Царя къ сраженью вызываетъ!
Пустился Исканаръ львомъ страшнымъ на него,
И хощетъ копіемъ пронзити грудь его;
Но Курбскій твердый щитъ противъ копья уставилъ,
И самъ подобное орудіе направилъ;
Ломаютъ ихъ они, другъ друга не язвятъ,
И древки съ трескомъ вверьхъ по воздуху летятъ.
 Герои на мечи надѣжду возлагаютъ,
Какъ будто два луча мгновенно изторгаютъ.
Сразилися они; подъ Курбскимъ конь падетъ;
Оставивъ онъ коня, противуборца ждетъ,
Который на него взоръ пламенный возводитъ;
Рѣшить ужасный бой, съ коня и самъ низходитъ.

Бле-

Блеснули молніи, мечи ихъ поднялись,
Ударились, и вкругъ удары раздались;
У предстоящихъ войскъ ударъ смыкаетъ взоры,
Онъ съ шумомъ пробѣжалъ сквозь рощи и сквозь горы.
Отважный Искнаръ разсѣкъ у Князя щитъ;
И Курбскій, ставъ уже сопернику открытъ,
Ни младости Царя, ни мужеству не внемлетъ,
Свой мечь обѣими руками вдругъ подъемлетъ,
И будто тяжкій млатъ обруша на него,
Отсѣкъ и шлема часть и часть главы его,
Покрылся кровью Ханъ, ланиты поблѣднѣли,
Онъ палъ; брони его какъ цѣпи зазвѣнѣли.
Когда въ глазахъ его свѣтъ солнца изчезалъ,
Въ послѣдній воздохнувъ: О Рема! онъ сказалъ.

Разсыпалась стѣна, Россіянъ удержавша.
Какъ будто бы рѣка, пути себѣ искавша,
Которая съ вершинъ коль быстро ни текла,
Плотиной твердою удержана была;
Но вдругъ ее сломивъ, и чувствуя свободу,
Бросаетъ съ яростью въ поля кипящу воду:
Такъ наши ратники, сугубя гнѣвъ и жаръ,
Бездушна Хана зря, пустилися въ Татаръ;
Отчаянье велитъ Ордамъ не унижаться,
Отчаянье велитъ симъ варварамъ сражаться.

Но храбрость огненна, сія душа войны,
Являлася въ лучахъ съ Россійскія страны;
И Робость ли сердца и зрѣнія смущала,
Иль Тула въ тѣ часы Ордынцамъ предвѣщала,
Искусства коими прославится она,
Готовя на враговъ громъ въ наши времяна.
Изъ нѣдръ земныхъ гремятъ пищали изходящи,
Подъемлются шары, огонь производящи;
Мечами вѣтвія являются древесъ,
И дышетъ пламенемъ кругомъ стоящій лѣсъ.

О Ордын-

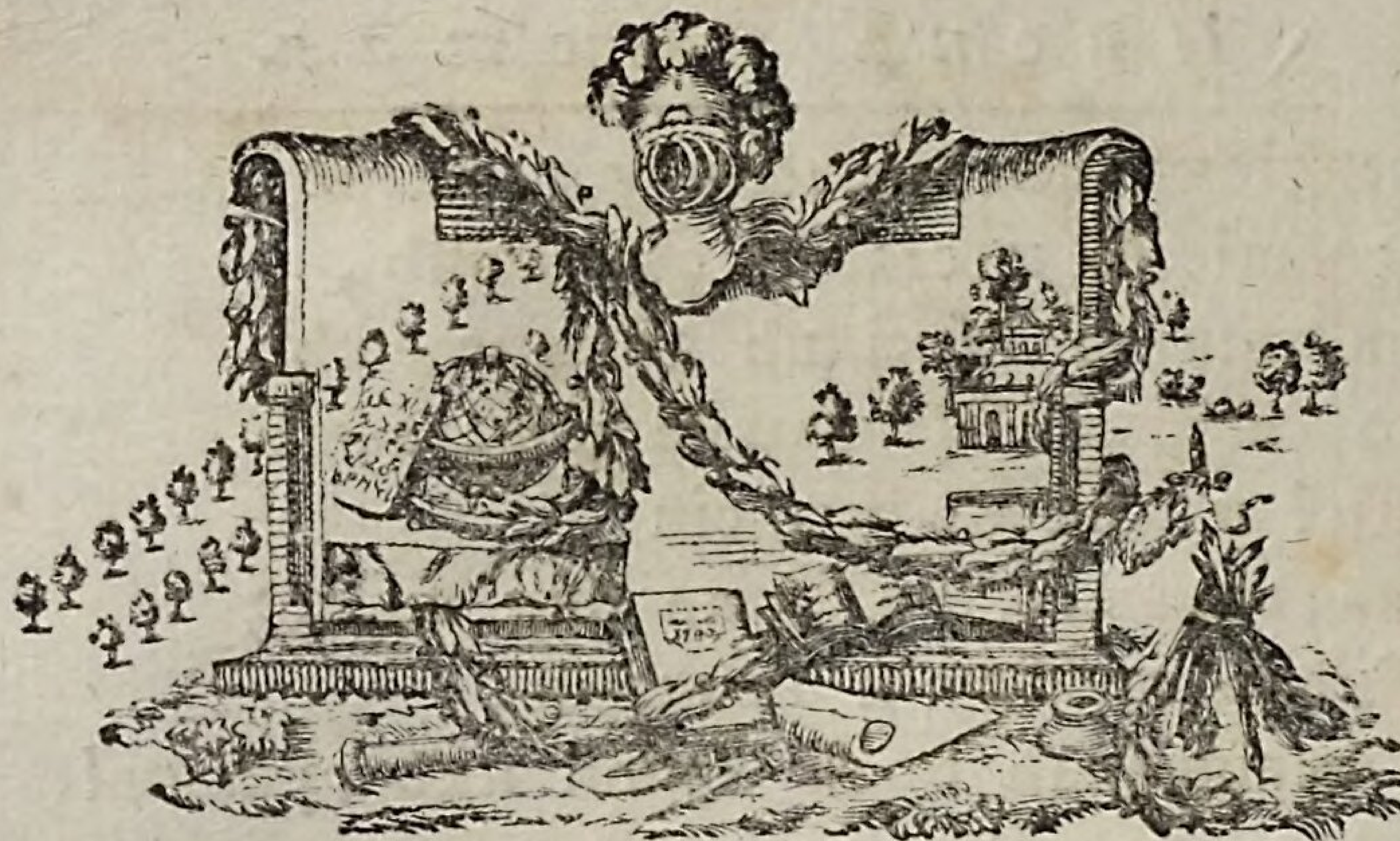
Ордынцы дрогнули; въ крови оставивъ Хана,
Какъ токи водныя текутъ въ поля изъ стана.
Но въ мрачныхъ вихряхъ смерть, бѣжаща имъ во слѣдъ,
Разверзивъ челюсти, взяла у нихъ передъ.
Строптивая Орда, какъ сжатый вѣтръ завыла,
Предъ ними смерть стоитъ, ихъ ужасъ гонитъ съ тыла.
Превыше звѣздъ сѣдящъ, отверзивъ свой чертогъ,
Подобный столпъ огню, простеръ на землю Богъ;
Со многозвѣзднаго растворѣннаго неба,
Безсмертныхъ воиновъ, послалъ съ Борисомъ Глѣба,
Сихъ юныхъ братіевъ, которыхъ Святополкъ
Угрызъ во младости, какъ агнцовъ лютый волкъ.
Держа надъ Россами вѣнцы побѣдоносны,
Два брата молніи кидаютъ смертоносны.
Духъ мщенія въ сердцахъ Россійскихъ возгорѣлъ,
Летятъ за Крымцами скоряй пернатыхъ стрѣлъ;
Едина казнь видна, не видно въ полѣ брани:
Тотъ скачетъ на конѣ, нося стрѣлу въ гортани;
Иной въ груди своей имѣя острый мечь,
Отъ смерти думаетъ носящій смерть утечь;
Иной, пронзенный въ тылъ, съ коня стремглавъ валится,
И съ кровью жизнь спѣшитъ его устами литься;
Глаза подъемлюща катится тамъ глава,
Произносящая невнятныя слова;
Иной безпамятенъ въ кровавомъ скачетъ полѣ,
Но конь его стремитъ на копья по неволѣ;
Отъ рыщущихъ во слѣдъ стараясь убѣжать,
Ордынцы начали Ордынцовъ поражать:
Братъ смертью братнею дорогу отверзаетъ;
Въ бѣгущаго предъ нимъ другъ въ друга мечь вонзаетъ.
Вопль слышанъ далеко, звукъ бьющихся желѣзъ,
И сила Крымская валится яко лѣсъ;
Погибли всѣ враги, коль быстро ни бѣжали,
На многи поприщи тѣла ихъ вкругъ лежали.

Гдѣ

Гдѣ славою блисталъ вчера надменный Ханъ,
Князь Курбскій получилъ добычей Крымскій станъ.
Но Ханомъ бывыя до брани удаленны,
Шатрами Крымскими и щастьемъ ослѣпленны,
Ордынцы валъ прешли; зовутъ своихъ: и вдругъ
Россійски воины объемлютъ ихъ вокругъ;
Имъ руки, ни сердца къ отпору не служили,
Они оружія къ стопамъ ихъ положили.
Прощаетъ Курбскій сихъ. Тогда скрывался день,
И ночь готовила землѣ прохладну тѣнь;
На блѣдныя тѣла съ печалью онъ взираетъ,
Стонъ внемля раненыхъ, слезъ токи отираетъ:
Се слѣдствія войны! стоящимъ говоритъ;
И вдругъ сквозь тонкій мракъ жену бѣгущу зритъ,
Которая власы имѣла разпущенны,
Ланиты блѣдныя и взоры возмущенны;
Остановлялася, и вдругъ поспѣшно шла,
Рыдала, мертвыя подъемлюща тѣла;
Смотрѣла имъ въ лице, и прочь отъ нихъ бѣжала;
Отрубленну главу въ рукахъ она держала,
Еще имѣющу отверстыя глаза.
У сей главы въ лицѣ являлася гроза,
И кровь текла, во знакъ недавнаго удара.
Бѣгуща, тѣло зритъ лежаща Исканара;
По шлему, по чертамъ, по чувствамъ познаетъ;
Се ты, дражайшій Князь! нещастна вопіетъ;
И въ Россовъ вдругъ главу отрубленну пустила,
Вскричавъ: О! естьлибъ вамъ я также отомстила,
Какъ мстила Ханску смерть предателю сему,
Ябъ жертву принесла пріятную ему!
Остатокъ варвара, который вамъ подобенъ,
Примите; зло творить и мертвый онъ удобенъ.
Летящая глава, творя чрезъ воздухъ путь,
Изъ Россовъ одному ударилась во грудь;

Хоть смертной блѣдностью была она покрыта,
Познали плѣнники тогда главу Сеита.
Отъ тѣла Курбскій влечь нещастну повелѣлъ.
Летятъ къ ней воины, летятъ скоряе стрѣлъ;
Но тщетно помощь къ сей отчаянной спѣшила;
Она, увидя ихъ, кинжаломъ грудь пронзила;
На Исканара кровь изъ сердца полилась,
Упала. . . . и съ Царемъ, кончаясь, обнялась.
Тогда предъ Курбскаго невольникъ приведенный,
Военачальникомъ и войскомъ ободренный,
Печальной повѣстью геройскій духъ смущалъ,
То Рема жизнь свою пресѣкла, онъ вѣщалъ;
Я не былъ отлученъ отъ Ремы на минуту;
Когда познали мы свою судьбину люту,
Что Исканара нѣтъ, Сеитъ въ шатеръ притекъ,
И Рему на коня безпамятну повлекъ;
Бѣжалъ я въ слѣдъ за нимъ. Держа ее руками,
Между Ордынскими скакалъ Сеитъ полками;
Но Рема наконецъ, сама въ себя пришедъ,
Тоской оживлена и тысящію бѣдъ,
Обманы старцевы и хитрость вобразила,
Сѣдяща вмѣстѣ съ нимъ, кинжалъ въ него вонзила.
Я Рему зрѣлъ тогда подобну страшну льву,
Отсѣкшую мечемъ Сеитову главу.
Ни слезы, ни боязнь ее не удержала,
Обратно со главой сюда она бѣжала.
Царицу удержать, сюда склонилъ я путь,
Сюда, дабы на смерть толь горестну взглянуть!
Но Курбскій, утоливъ на Исканара злобу,
Велѣлъ единому предать два тѣла гробу;
Слезами ихъ любовь нещастну оросилъ,
И горесть нѣкую подъ лаврами вкусилъ.
Симъ кончилась война, возженная отъ Крыма,
Которая была опасной прежде зрима;

И Князь, усердіемъ къ отечеству разженъ,
Вѣнчанный щастіемъ и славой окруженъ,
Какъ быстрая стрѣла Россіянъ достигаетъ;
Онъ лавры ко стопамъ Царевымъ полагаетъ,
Вѣщая: Іоаннъ! прими вѣнцы сіи;
Не мнѣ принадлежатъ, но суть они твои;
Твоими пріобрѣлъ побѣду я полками,
И Крымцовъ истребилъ подъ Тулой ихъ руками!
Велика слава то, но слава не моя;
Ихъ въ брани мужества свидѣтель только я.
Яви щедроты имъ въ досаду побѣжденнымъ,
И я почту себя за трудъ мой награжденнымъ.
Объемлетъ Курбскаго какъ друга Іоаннъ;
Воскликнулъ похвалы ему Россійскій станъ;
На храбрыхъ ратниковъ Монаршею рукою,
Щедроты полились обильною рѣкою.
Усердіе въ сердцахъ Россійскихъ возрасло,
И бодрыхъ воиновъ умножилось число;
Простерся по сердцамъ и духъ, и пламень брани,
И тако двигнулась Россія вся къ Казани.
Молва на крыліяхъ предъ ней въ Казань паритъ,
Несутъ оковы къ вамъ! Ордынцамъ говоритъ;
Россійскихъ войскъ число числомъ языковъ множитъ;
За Волгой сѣетъ страхъ, Казань томитъ, тревожитъ;
Едина во своей Сумбека слѣпотѣ,
Всѣ чувства жертвуетъ любовной суетѣ;
Но то, чѣмъ духъ ея питается и льстится,
То скоро въ пагубу Сумбекѣ обратится.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Какимъ превратностямъ подверженъ здѣшній свѣтъ!
Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣтъ;
Великія моря, высоки горы скрылись,
И царства многія въ пустыни претворились;
Гремѣлъ побѣдами, владѣлъ вселенной Римъ,
Но слава Римская изчезла яко дымъ;
И небо никому блаженства не вручало,
Котораго бъ лучей ничто не помрачало.
Не можетъ щастія не меркнуть красота;
И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста!
 Кругомъ сѣдящія на олтарѣ Фортуны,
Являются цвѣты и страшныя перуны.
Ко славѣ Іоаннъ цвѣтами прежде шелъ,
Но терномъ встрѣченъ былъ, и зло преодолѣлъ;
Попралъ влекущее его во адъ коварство,
И спасъ терпѣніемъ отъ бѣдства государство.
 Вѣнчалась класами Цererина глава,
И солнце въ небесахъ горѣло въ знакѣ Льва;
Сей знакъ, щастливый знакъ, предзнаменуетъ войску;
И храбрость пламенну, вѣнецъ и вѣтьвь геройску.

Уже

Уже кипящая подъ веслами вода
Являетъ на Окѣ Россiйскiя суда;
Надеждѣ, ревности и щастiю врученны,
Плывутъ снарядами и пищей отягченны;
Прiемлютъ Волжскiя шумящiя струи
На влажныя свои хребты суда сiи;
И гласы трубныя далеко раздаются;
Въ рѣкахъ брони звучатъ, въ Коломнѣ слезы льются.
Другую войска часть со стѣнъ сей городъ зритъ,
Которая на брань, какъ стадо птицъ, паритъ.
Стонаетъ тучный брегъ подъ ратными полками,
И пыль густыми ихъ объемлетъ облаками,
Скрываются они за крутизною горъ;
Слухъ внемлетъ пѣсни ихъ, но войскъ не видимъ взоръ;
И будто на своихъ дѣтей еще взираютъ,
Отъ стѣнъ родители къ нимъ руки простираютъ,
И теплыя мольбы возносятъ къ небесамъ:
Да слава слѣдуетъ повсюду ихъ стопамъ!
Какъ туча молнiи въ груди своей несуща,
Перунамъ пламеннымъ свободы не дающа,
Высокимъ зданiямъ и хижинамъ грозитъ,
Но въ нѣдрахъ кроя смерть, идетъ и не разитъ:
Толикiй гнѣвъ несетъ и молнiи такiя,
Къ Казани съ пламенемъ грядущая Россiя;
Отмщенье кроюся среди ея полковъ,
Ведетъ къ сраженью ихъ внизъ Волжскихъ береговъ.
Царь будто двѣ руки простеръ на брань съ Ордою,
Одну хребтами горъ, другую надъ водою;
Сквозь мрачныя лѣса, чрезъ горы полетѣлъ;
Въ судахъ рѣками плыть Морозову велѣлъ.
Довольство по струямъ водя своей рукою,
Влекло сiи суда, идущихъ для покою;
Единой храбростью сердца обременивъ,
Тамъ шествуютъ полки среди обильныхъ нивъ;

Отъ

ОтЪ зноя кроются прохладными лѣсами,
И горы громкими пронзаютЪ голосами.
ТамЪ звѣри дикія кЪ идущимЪ пристаютЪ,
И кажется, себя имЪ вЪ пищу отдаютЪ;
Пріятныя поля, вертепы, рощей тѣни,
Стада поющихЪ птицЪ, и серны, и елени,
Совокупилось все РоссіянЪ услаждать,
Всѣ вещи двигнулись КазанцовЪ побѣждать.
ТамЪ паству тучную луга являютЪ злачны;
ТамЪ жажду утолять, біютЪ ключи прозрачны;
ПриносятЪ Нимфы имЪ Помонины дары;
То зрится не походЪ, но вѣчныя пиры.
Израилю вЪ пути столпЪ огненный предходитЪ,
РоссіянЪ пламенна кЪ побѣдамЪ храбрость водитЪ.
КакЪ будто изЪ бреговЪ поднявЪ хребетЪ рѣка,
И паствамЪ и лугамЪ грозитЪ издалека,
Долины и поля объемлюща вЪ началѣ,
Суровѣе течетЪ, чѣмЪ валЪ кидаетЪ далѣ;
НаполнивЪ шумомЪ водЪ пещеры и лѣса,
И зданія влечетЪ и горды древеса:
ТакЪ воинство на брань Россійское дерзало.
Но щастіе свою невѣрность оказало;
Уже отчаянье тревожило ТатарЪ,
Мечтался имЪ СеитЪ, мечтался ИсканарЪ.
Уже РоссійскихЪ войскЪ великая громада,
Касалась древняго Владимирскаго града.
ТамЪ видятЪ озеро извѣстныхЪ мутныхЪ водЪ,
Которыя зоветЪ бездонными народЪ,
И градЪ обрушенный мечтаетЪ быть во ономЪ,
Вѣщающій свою погибель частымЪ звономЪ.
Минуя воинство плачевныя брега,
ПреходитЪ градскія зеленыя луга;
Извѣстной вЪ древности нещастьями столицы,
Являются вдали Владимирски бойницы.

ТамЪ

Тамъ видимы еще среди крутыхъ бреговъ,
Остатки жалкія пловучихъ острововъ;
Всечасной казнію они изображаютъ,
Коль строго Небеса убійцевъ поражаютъ;
И предка Іоаннъ напомнивъ своего,
Сіе прочелъ въ слезахъ, въ надгробіи его:
Боголюбиваго разторгли, яко звѣри,
Свирѣпы братія Кучковой злобной дщери;
Георгій симъ врагамъ за брата отомстилъ,
Во гробы заключивъ, живыхъ на дно пустилъ.
Земля не емлетъ ихъ, вода въ себя не проситъ,
Подъ видомъ острововъ до днесь убійцевъноситъ;
Покрыты терніемъ поверхъ воды живутъ,
И кажется, еще въ своей крови плывутъ.
Царь въ сердцѣ впечатлѣвъ Ордынски разоренья,
Направилъ быстрый ходъ Казани для смиренья.
Уже онъ Муромски предѣлы пролеталъ,
И Нижній-градъ идущъ къ Велетмѣ миновалъ;
Оставивъ Суздальскихъ владѣтелей столицу,
Вступалъ Россійскія державы на границу.
Тамъ видитъ ярости своихъ враговъ слѣды,
Разлившіяся вкругъ, какъ быстрый токъ воды;
Взведетъ ли Іоаннъ слезами полны взоры,
На долы томныя, на возвышенны горы,
На храмы Божіи, на селы, на пески,
Все ризой черныя одѣянно тоски;
Въ крови, является, сожженны домы тонутъ,
Дымятся вкругъ поля, лѣса и рѣки стонутъ.
Пролей со мной, пролей, о Муза! токи слезъ,
Внимая плачь вдовицъ и тяжкихъ звукъ желѣзъ.
Печальны матери воителей встрѣчаютъ,
У коихъ скорби взоръ и лица помрачаютъ,
Терзая грудь свою, едина вопіетъ:
Мой сынъ, любезный сынъ! тебя во свѣтѣ нѣтъ!

Я видѣла его кинжаломъ въ грудь пронзенна,
Моя надѣжда съ нимъ и пища погребенна;
Отмстите за него! . . Упала ницъ она,
И вышла изъ нее душа тоски полна.
Безчеловѣчную Ордынску помня ярость,
Подъемлется съ одра трепещущая старость;
На домъ свой указавъ дрожащею рукой:
Отсюду похищенъ, вѣщаетъ, мой покой!
Не давно набѣжавъ грабители суровы,
Взложили на моихъ дѣтей при мнѣ оковы.
Къ отмщенью видящій удобныя часы,
Подъ шлемомъ бѣлыя скрываетъ онъ власы;
И старцы многія, мечей внимая звуки,
Берутъ оружіе въ трепещущія руки;
Едва біющуся щитомъ покрыли грудь;
Казалось лебеди летятъ съ орлами въ путь.
Полуумершій духъ надѣжда оживила,
И будто вѣтьвія отъ корени явила:
Такъ бодрость на челахъ у старцовъ процвѣла,
Котора скрытою, какъ въ пеплѣ огнь, была.
Безсильны отроки, примѣромъ ободренны,
Явились въ ратниковъ Россійскихъ претворенны.
Въ долинѣ древній дубъ простерши тѣнь стоялъ,
Тамъ корень у него токъ водный напоялъ;
Единъ изъ жителей Царя къ нему приводитъ,
Онъ гордое на немъ писаніе находитъ:
Народамъ симъ велитъ свирѣпая Казань
Въ залогъ дѣтей привесть, свое имѣнье въ дань;
И естьли въ лунный кругъ та жертва не приспѣетъ,
То вся сія страна мгновенно запустѣетъ;
Россійской кровію омоются поля,
И будетъ пламенемъ пожерта ихъ земля.
Что дѣлать намъ теперь? нещастный вопрошаетъ
Царя, въ которомъ гнѣвъ и гласы потушаетъ;

Но скрывъ волненье, рекъ: Дадимъ Казанцамъ дань;
Однако не сыновъ, дадимъ кроваву брань,
Пускай отъ здѣшнихъ странъ сіи сыны любезны
Не злато понесутъ; но огнь, мечи желѣзны!
　　Воздвигли жители какъ море общій гласъ:
Веди, о Государь! скоряй къ Казани насъ!
　　Тогда предсталъ Царю, кипящему войною,
Почтенный нѣкій мужъ, украшенъ сѣдиною;
И тако рекъ ему: Гряди противъ Татаръ!
Однако укроти на время ратный жаръ;
Ихъ пламень, Государь, въ ихъ сердцѣ не простынетъ,
А слава и тебя конечно не покинетъ;
Свое стремленіе, свой подвигъ удержи,
На лунный оборотъ походъ свой отложи;
Не мерзостный подлогъ въ мои слова вмѣщаю:
Для блага общаго сіе тебѣ вѣщаю.
Когда ты поспѣшишь желанною войной,
Войною на тебя возстанутъ жаръ и зной;
И долженъ братися не съ робкою Ордою,
Но съ воздухомъ, съ огнемъ, съ землею и водою.
О Царь! движенія военны потуши;
Бѣдою общею для славы не спѣши.
　　Глаголы старика, сѣдиной умащенна,
Какъ будто слышались изъ храма освященна;
И напояли всѣхъ какъ сладкая роса.
Но Царь, сказалъ, глаза возведъ на небеса:
О Боже! Ты то зришь, что я не ради славы,
Но для спасенія сражаюся державы;
А естьли истребить желаетъ Небо насъ,
Россія вкупѣ вся, да гибнемъ въ сей мы часъ!
Но ты, премудростью исполненный небесной,
О старче! о дѣлахъ предбудущихъ извѣстной,
Взведи глаза кругомъ, и слухъ твой приклони,
Услышишь вопли здѣсь, увидишь вкругъ огни;

Младенцы видимы, о камень пораженны,
Текуща кровь въ поляхъ и домы въ прахъ сожженны,
Повелѣваютъ намъ отмщеньемъ поспѣшать;
Зря слезы, можно ли отмщеньемъ не дышать?
Когда Царева рѣчь сей страхъ изображала,
Вдругъ дѣва, блѣдный видъ имѣюща, вбѣжала;
Скрывающи ея пріятство и красы,
Прилипли ко лицу заплаканну власы;
Потокомъ слезъ она стенящу грудь кропила,
И руки вознося, къ Монарху возопила:
Неси, о Государь! къ Казани огнь и мечь,
Вели ты воды вкругъ, вели ихъ землю жечь;
Да воздухъ пламенемъ Ордынцамъ обратится;
Но что? ужъ мой супругъ ко мнѣ не возвратится!
Я смертью многихъ Ордъ не оживлю его,
И жертва лучшая конецъ мой для него;
Вонзите, кто ни есть, мнѣ мечь во грудь стенящу!
Пустите душу вонъ къ любезному хотящу;
Скончайте съ жизнію и муку вдругъ мою!
Стыда я моего предъ вами не таю:
Любовной страстію къ любезному возженна,
Уже была я съ нимъ закономъ сопряженна;
Уже насъ брачныя украсили вѣнцы;
Какъ въ самый оный часъ, всеобщихъ бѣдъ творцы,
Казанцы лютыя въ Господній храмъ вломились,
И брачныя свѣщи въ надгробны претворились;
Оковы нѣжныя, связующія насъ,
Кровавыя мечи разторгли въ оный часъ;
Влекомый мой супругъ отъ глазъ безчеловѣчно,
На мѣсто: я люблю! сказалъ, прости мнѣ, вѣчно!
Рвалася я изъ рукъ, произносила стонъ,
Но далѣ что вѣщать? . . . поруганъ и законъ!
Скитаюся въ лѣсахъ, я странствую въ пустынѣ,
То завтра льщусь найти, чего не вижу нынѣ;

По

По камнямъ бѣгаю при солнцѣ, при лунѣ,
Нигдѣ не встрѣтится супругъ любезный мнѣ.
О небо! о земля! хоть тѣнь его явите;
Но что вы медлите? грудь вскройте, сердце рвите!
При семъ во всѣ страны кидаяся она,
Повергласъ на копье, разсудка лишена,
И воина въ рукахъ копье сіе держаща,
Омыла кровію лицемъ къ лицу лежаща.
Въ сіи печальныя и страшныя часы,
Подъемлются у всѣхъ отъ ужаса власы;
Царь въ сердцѣ горести носящій остро жало,
Ко старцу обратясь, вѣщалъ: Еще ли мало!
Еще ли мало намъ причинъ спѣшить на брань?
И тартару сія была страшна бы дань;
Простительно ли намъ, судьбину видя люту,
Отсрочивать войну хотя одну минуту?
Орды свирѣпыя мгновенно притекутъ,
Народъ, и съ нимъ тебя въ неволю повлекутъ;
Иное быть Царемъ, иное жить въ пустынѣ;
Не дѣлай намъ препятствъ, и не кажись отнынѣ.
Но старецъ Царскою грозой не укрощенъ,
Отвѣтствовалъ Царю, какъ Богомъ восхищенъ:
Живуща храбрость въ васъ, хоть день, хоть годъ продлится,
Отъ пламенныхъ сердецъ, о Царь! не отдалится;
Но ежели врагамъ отмщая и грозя,
Тебѣ противъ судьбы не воевать не льзя,
Гряди въ опасный путь! желанье ты исполнишь,
Однако нѣкогда о старцѣ ты напомнишь;
Обременяй себя и воинство трудомъ:
Ты все бы побѣдилъ, но съ меньшимъ бы вредомъ;
Успѣлъ бы самъ себя во подвигѣ прославить;
Но бѣдствъ хочу твоихъ едину часть убавить.
Нещастну меньше быть принужу я тебя:
Возьми сей щитъ, носи на рамѣ у себя,

И знай, когда его поверхность потемнѣетъ,
Что тяжкій грѣхъ въ тебѣ по сердцу плевы сѣетъ;
И что премудрости сіянье потуша,
Унизилась твоя великая душа.

Сей щитъ изображалъ смѣшенныя стихіи,
Которы вкругъ главы носились у Россіи;
Но страшну оныхъ брань Владимиръ укротилъ,
Когда страны свои крещеньемъ просвѣтилъ;
Очиствивъ мрачный духъ черезъ священну воду,
Какъ солнце, подалъ свѣтъ подвластному народу;
Благочестивою онъ вѣрой окруженъ,
Ни плачу не внималъ, ни воплю милыхъ женъ;
Молитвы жречески и лесть пренебрегаетъ;
Во Днепръ гремящаго Перуна низвергаетъ;
Кумира страшнаго пріявшая волна,
Нахмурясь у бреговъ являлася черна;
На брегѣ, благодать гдѣ тартаръ побѣдила,
Видна съ Денницей брань небесна Михаила;
Ни Позвиздъ, вихрей царь, ни грозный Чернобогъ,
Владимира смягчить ни укротить не могъ;
Ни сынъ роскошныя и сладострастной Лады,
Сооружающій житейскія прохлады,
Котораго во тмѣ Владимиръ обожалъ,
Полель отъ молніевъ его не убѣжалъ;
Усладъ, питающій обманчивыя страсти,
Всѣ боги зрѣлися разрушены на части.
Тамъ спяща зрѣлась смерть, братъ смерти грѣхъ, уснулъ,
Отверзтыя уста стенящій адъ сомкнулъ.
Когда всей мыслію Царь въ тайну углубился,
Въ то время старецъ, щитъ вручивый, удалился.
Скорбя, что имяни его не вопросилъ,
О старче! въ духѣ Царь геройскомъ возгласилъ:
Колико ты ни правъ въ пророчествѣ гремящемъ,
Коснѣти не могу мнѣ въ дѣлѣ предлежащемъ;

Од-

Одно исполню то, что щитъ беру съ собой;
Велите знакъ подать къ движенію трубой!
Вельможи сходну мысль съ начальникомъ имѣли;
Какъ многихъ птицъ стада, такъ войски возшумѣли;
Отъ праха скрылося сіяніе небесъ!
Царь шествовалъ къ лугамъ, гдѣ есть Саканскій лѣсъ;
Въ предѣлахъ, скипетру Россійскому подвластныхъ,
Вездѣ встрѣчается и стонъ, и плачь нещастныхъ;
Стрѣлами ужаса гонимы изъ домовъ,
Сокрылись жители во глубину лѣсовъ;
Надежднѣе для нихъ среди звѣрей жилище:
О чадахъ не радятъ, о паствѣ, ни о пищѣ;
Волы, забывъ яремъ, безъ пастыря ревутъ,
И странствуя въ лугахъ, траву поблеклу рвутъ;
Стада, призрѣнія и прежнихъ нѣгъ лишенны;
Тамъ селы кажутся въ пустыни превращенны;
Повсюду бѣдности и смертной грусти видъ,
Слѣды мучительства, насилія, обидъ.
Примѣтивъ Царскій взоръ, печалью омраченный,
Адашевъ, другъ его, взаимно огорченный,
Не покидающій сей мужъ нигдѣ Царя,
Вѣщалъ ему, насквозь Монарше сердце зря:
Почтенна скорбь твоя! о дѣтяхъ ты жалѣешь;
Но щастливъ ты, что имъ отцемъ ты быть успѣешь;
Смотри, о Государь! на подданныхъ твоихъ:
Ты, можетъ быть, считалъ и щастливыми ихъ;
Льстецы, которые престолъ твой окружали,
Ихъ въ райскомъ житіи тебѣ изображали.
Когда бы ты, чужимъ повѣривъ очесамъ,
На скорби не взглянулъ, на ихъ печали самъ,
Ты, ставъ бы уловленъ сѣтьми совѣтовъ вредныхъ,
Льстецовъ бы наградилъ, а сихъ бы презрилъ бѣдныхъ;
А естьлибъ вопли ихъ къ престолу и дошли,
Самихъ бы ихъ виной злощастья ихъ почли;

За-

Закрылибъ слезы ихъ, гоненія, обиды,
Несправедливыя и вымышленны виды.
Бываетъ часто Царь лукавствомъ уловленъ;
Съ народомъ онъ стѣной всечасно раздѣленъ,
И естьли взоръ когда на подданныхъ возводитъ,
Онъ радость на челахъ написанну находитъ;
Но тщательнаго имъ въ себѣ явить отца,
Ты долженъ разбирать не лица, но сердца;
Вниманья каждый гласъ на тронѣ удостоитъ,
Тогда познаешь, какъ народно благо строитъ;
Нещастны жители примѣры въ томъ даютъ;
Ты видишь, тщетноль здѣсь на небо вопіютъ?
Когда бы Государь вельможамъ ты повѣрилъ,
И самъ бы скорби ихъ пучины не измѣрилъ:
Чрезъ годъ бы здѣшній край на вѣки запустѣлъ,
И позднобъ ихъ спасать, хотя бы ты хотѣлъ;
Стоналибъ камни здѣсь, земля бы трепетала,
А лесть бы и тогда хвалы тебѣ сплетала!
Когдабъ ты въ праздности былъ общихъ золъ творцемъ,
Тебя бы нарекли ласкатели отцемъ.
Теперь преубѣжденъ печали ихъ виною,
Блаженство хочешь имъ доставити войною;
Гряди! и доставляй. То правда, что война
Для мудраго Царя быть цѣлью не должна;
Но естьли общее спокойство кто отъемлетъ,
Тогда отечество и мощь его не дремлетъ;
Стремится молніи и громы отвращать:
Спасенья собственна не можно запрещать.
Ты правъ во подвигахъ, но ты имѣешь средство,
Безъ брани отвратить отъ странъ полночныхъ бѣдство;
Яви Божественной величество души,
Отправь посла въ Казань, и къ симъ врагамъ пиши:
Когда свирѣпость ихъ и наглость усмирится,
Мятежъ отринется, гордыня покорится;

Ког-

Когда грабежъ назадъ и плѣнныхъ отдадутъ,
Твои на дерзскій градъ перуны не падутъ;
Великодушіемъ ты больше славенъ будешь,
И старцовыхъ угрозъ межь тѣмъ, о Царь! избудешь.
Не страшны мнѣ они, вѣщаетъ Іоаннъ,
Мнѣ мечь людей моихъ для защищенья данъ;
Ко утѣшенію гонимыхъ и стенящихъ,
Противъ перуновъ грудь поставлю я гремящихъ;
Я былъ бы слабый Царь, когда бы, внемля стонъ,
Народъ мой позабывъ, одинъ любилъ бы тронъ!
Однако твоему совѣту внемля благу,
Пошлю въ Казань пословъ, лишь придемъ на Свіягу;
Но, другъ мой! можно ли когда повѣрить намъ,
Злодѣйствомъ дышущимъ и бунтами странамъ?
Колико кратъ они покорствомъ миръ купили,
И клятву данную Россіи преступили?
Затмилъ сердца у нихъ пророкъ ихъ Махометъ;
И правда есть ли тамъ, гдѣ чистой вѣры нѣтъ?
Мнѣ слезы, стонъ, бѣда, и горести народны,
Ужаснѣе внимать, чѣмъ громъ и бури водны;
А естьли и животъ во брани положу,
Я кончилъ жизнь какъ Царь, кончаяся скажу.
Влекомымъ въ люту брань движеніемъ сердечнымъ,
Героямъ зрѣлся путь къ Казани безконечнымъ,
Ахъ! для чего рекутъ, кидая смутный взоръ
На круги времяни, на цѣпь сліянныхъ горъ,
Ахъ! солнце для чего толь медленно катится,
И вдругъ пространство горъ въ пути не сократится?
Почто не здвинется великій Волжскій брегъ,
И не умножится нашъ въ полѣ быстрый бѣгъ?
Въ сію минуту бы съ кичливою Казанью,
Мы ради разрѣшить судьбину нашу бранью.
Грядетъ предъ войскомъ Царь, какъ страшный брани богъ,
И слава передъ нимъ въ гремящій трубитъ рогъ;

Орда предчувствуетъ въ груди кровавы раны!
Приходитъ Царь къ брегамъ излучистыя Пьяны,
Гдѣ роскошь въ древности побѣды лавръ сняла,
И побѣжденному народу отдала;
Природа вѣчный знакъ на сихъ брегахъ явила,
Сей быстрыя рѣки теченье изкривила,
И тамо кажется струямъ велитъ взывать:
Коль мало надлежитъ на щастье уповать!
Тамъ въ прежни времяна, какъ солнце закатилось,
Побѣды торжество во гробъ преобратилось.
Уже преходитъ Царь струи Медянскихъ водъ,
Нагорный рабствуетъ Россіянамъ народъ;
Какъ будто нѣкими волшебными руками,
Мосты устроились предъ нашими полками;
Усердія огонь въ Ордынцахъ возгорѣлъ,
Когда Россійскій къ нимъ приближился Орелъ.
И Царь вѣщалъ: не зримъ сей казни мы небесной,
Которою грозилъ намъ старецъ неизвѣстной;
О други! естьли бы претилъ войну намъ Богъ,
Я съ вами бы достичь до сихъ бреговъ не могъ;
Пріятно и страдать за толь вину законну;
Сумнительноль Казань разрушить непреклонну?
Тамъ Божіи враги, грабители живутъ;
Насъ вѣра противъ ней и правда въ брань зовутъ;
Колико святы суть движенья таковыя!
Не грабить, за себя отмщать идетъ Россія.
А ежели, друзья! нашъ жребій и таковъ,
Что мы, искавъ побѣдъ, спѣшимъ во смертный ровъ;
Окончимъ жизнь! но смерть безстрашіемъ уловимъ;
Цвѣты своимъ гробамъ заранье приготовимъ,
Которыми почтить потомки должны насъ;
Кто страшенъ Россы вамъ? когда самъ Богъ по васъ!
Слова сіи, какъ медъ, воители вкушали,
Они сердца у всѣхъ и мысли возвышали;

Носился нѣкій свѣтъ надъ шлемами у нихъ,
И храбрость множилась отъ предвѣщаній сихъ.
Одинъ Адашевъ былъ невеселъ, смущенъ, мраченъ;
Ему казался путь успѣхомъ не означенъ;
И старцовы слова, и видъ, и взглядъ его,
По сердцу сѣяли сомнѣнье у него;
Онъ въ тайнѣ воинство за пылкость порицаетъ.
Духъ чистый завседа далеко проницаетъ!
Молчалъ, стыдящійся движеньямъ Царскимъ льстить;
Плачь, Муза! . . . Время войскъ злощастье возвѣстить.
Такой уставъ Небесъ, иль то судьбины тайность,
Что къ пагубѣ близка земнаго щастья крайность.

Есть бездна темная, куда не входитъ свѣтъ,
Тамъ всѣхъ источникъ золъ, Безбожіе живетъ;
Оно Стигійскими окружено струями,
Піетъ кипящій ядъ, питается зміями;
Простерли по его нахмуренну челу,
Геенски помыслы, печали, горесть, мглу;
Отъ вѣчной зависти лице его желтѣетъ;
Съ отравою сосудъ въ рукѣ оно имѣетъ:
Устами алчными коснется кто сему,
Противно въ мірѣ все является тому;
Безбожіе войны въ семъ мірѣ производитъ;
Рукой писателей лишенныхъ свѣта водитъ,
И ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца,
Велитъ имъ отрыгать хулы противъ Творца;
Имѣя пламенникъ, съ привѣтствіемъ строптивымъ,
За щастьемъ въ слѣдъ летитъ, предъидетъ нечестивымъ;
Со знаменемъ предъ нимъ кровавый ходитъ бой:
Его изчадія гоненье, страхъ, разбой;
Свирѣпство мечь остритъ кругомъ его престола;
Ни рода не щадитъ, ни разума, ни пола;
Колеблетъ день и нощь ограду общихъ благъ;
Оно безчинства другъ, народной пользы врагъ;

Среди нечестія, между развратовъ скрыто;
Но сѣя зло вездѣ, злодѣйствомъ въ вѣкъ не сыто!
Увидя, что среди горящихъ въ небѣ звѣздъ,
Сіяніе простеръ побѣдоносный Крестъ;
И что Россіяне во слѣдъ за громкой славой,
Несутъ въ сердцахъ войну и мечь въ рукахъ кровавой;
Зря въ трепетѣ ему подверженну страну,
И тмы владычицу блѣднѣющу луну;
Безбожіе смутясь, въ отчаяньѣ завыло,
Широку грудь свою когтями уязвило:
Увы! преходитъ власть моя, гласитъ оно,
Низверженна съ небесъ вселенныя на дно;
Послѣднее мое убѣжище теряю,
Завидно небесамъ, что вредъ я сотворяю;
Но Богомъ будучи добра отчуждено,
Я имъ, конечно имъ, на вредъ и рождено,
И бытіе мое во связи міра нужно;
Со Благочестіемъ не льзя мнѣ жити дружно;
Кто смѣетъ мой престолъ, кто смѣетъ разрушать?
Иль хощетъ Богъ меня послѣднихъ жертвъ лишать?
О тартаръ! на тебя оковы возлагаютъ!
Внимая гласъ его, злодѣйства прибѣгаютъ:
Огнями дышуща явилась черна Месть;
Имѣя видъ зміи, ползетъ за нею Лесть;
Гордыня предъ него со скипетромъ приходитъ,
Съ презрѣньемъ мрачный взоръ на небеса возводитъ;
Лукавство, яростный потупя въ землю видъ,
Передъ Безбожіемъ задумавшись стоитъ;
Вражда, исполненна всегда кипящимъ ядомъ,
Во трепетъ тартаръ весь приводитъ грознымъ взглядомъ;
Изъ глазъ Отчаянья слезъ токи полились;
И всѣ пороки въ домъ къ Безбожію сошлись.
Тогда оно главу потупленну имѣя,
Но горести своей вины сказать не смѣя,

О чада! воздохнувъ, о други! говоритъ:
Или изъ васъ никто погибели не зритъ?
Познайте съ воинствомъ грядуща Іоанна;
Россія хощетъ быть, и вѣра ихъ вѣнчанна.
Взглянули. . . . и вдали зря Крестъ съ мечемъ въ лучахъ,
Почувствовали мракъ на сердцѣ и очахъ!
Уста ихъ пагубы всеобщей не сказали,
Но бѣдство близкое ихъ лица доказали;
Погибель зря свою, и робость видя въ нихъ,
Скрываетъ ужасы въ душѣ родитель ихъ,
И тако вопіетъ, кидая мрачны взгляды:
Колико слабы вы, мои нещастны чады!
Или забыли вы, что царство нашей тмы
Простерли по всему земному шару мы?
Любимцамъ Божіимъ законы подавали;
Забыли, что съ самимъ мы Богомъ воевали,
И въ трепетъ иногда ввергали небеса?
Вся та же мочь у насъ, хотя не та краса. . . .
Хоть ликъ Безбожія спокойствомъ прикрывался,
Но стонъ въ груди его, какъ въ сводахъ отзывался.
Простерши у сыновъ суровость на челахъ,
Подъемлется оно изъ мрака на крилахъ;
До облакъ вознеслось, на воинство взглянуло,
И видя Россіянъ во славѣ, воздохнуло.
Въ душѣ смятеніе, въ очахъ имѣя жаръ,
Какъ нѣкій огненный катилось къ Волгѣ шаръ.
Изчадія за нимъ стремиться возхотѣли,
Изъ бездны адскія какъ искры излетѣли;
Горящими они струями разлились,
Во слѣдъ Безбожію по воздуху неслись.
Подземнымъ воинствомъ и мракомъ окруженно,
Досадой, мщеніемъ и гнѣвомъ разозженно,
Направило оно, какъ буря шумный ходъ,
Въ страну, гдѣ ослѣпленъ невѣжествомъ народъ.

О Муза, вѣдуща и доброе и злое!
Изобрази ты мнѣ кумировъ царство тое.
Тамъ дебри видимы, пещеры, лѣсъ густой (*),
Ни пашни тучныя, ни жатвы нѣтъ златой;
Питается звѣрьми, народъ звѣрямъ подобный,
Свирѣпыя сердца и видъ имѣетъ злобный;
Лежащій вѣчный мракъ у нихъ на очесахъ,
Имъ кажетъ божество и въ самыхъ древесахъ;
Вселились въ сей народъ, какъ въ темныя чертоги,
Отъ многобожія и суевѣрства многи;
Жрецы и жрицы ихъ обманами живутъ,
Тѣ мрачныя Орды за-Волжскими слывутъ.
Безбожіе въ страну возлюбленну приходитъ,
На олтари свои печальный взоръ возводитъ,
И видя, что кругомъ померкнуть хощетъ свѣтъ,
Разсѣянныхъ духовъ въ собраніе зоветъ.
Являясь взору ихъ, какъ страшная комета,
Встрѣчаетъ во слезахъ пришедшихъ для совѣта;
Почто вамъ, говоритъ, коснѣти въ сей странѣ?
Теките, кройтеся въ кромечну тму ко мнѣ!
Намъ дикая страна престоломъ оставалась,
Гдѣ наша прежня власть божественной казалась;
Но рокъ приходитъ нашъ, и близокъ грозный часъ,
Перуны Божіи вездѣ находятъ насъ;
Лишаетесь вы жертвъ, лишаетесь и славы:
Вамъ адъ прибѣжище, во свѣтѣ нѣтъ державы;
Бѣгите бѣдныя отъ сихъ печальныхъ странъ!
Сюда преноситъ Крестъ и громы Іоаннъ;
И прежде чтущія народы васъ мольбами,
Россійскими теперь являются рабами....

Но

(*) Сіе языческое идолослуженіе подробно описано въ путешествіяхъ Г. Профессора Лепехина.

Но смутныя слова, произнесенны имъ,
Единый страхъ вселя, изчезли яко дымъ.
Тогда Безбожіе, какъ левъ заскрежетало,
Но въ первый разъ оно отъ страха трепетало;
Однако пламенный кидая всюду взглядъ,
Пустило изо устъ геенскій черный ядъ.
Какъ молнія, когда и въ камень ударяетъ,
Свободный путь себѣ повсюду отворяетъ:
Такъ ядъ Безбожія простерся на духовъ,
И слышны отъ него такія громы словъ:
Предъупредимъ, друзья! погибель нашу близку,
Пойдемъ и сокрушимъ противну рать Россійску!
Взбунтуемъ тартаръ весь! . . . пойдемъ, докажемъ имъ,
Что сильны мы вредить, когда вредить хотимъ.
Богинѣ, чтимой тамъ въ лицѣ небесна Феба,
Речетъ: О правяща горящимъ кругомъ неба!
Разлей геенскій зной, разлей по всей земли
О воздухъ! возкипи и камни разпали,
Луга и древеса растѣніевъ лишайте!
Сгустите рѣки вкругъ, потоки изсушайте!
А ты, который здѣсь изъ самыхъ древнихъ лѣтъ,
Перуномъ нареченъ, о грозный Кереметъ!
Который устрашалъ полночныя народы,
И нынѣ устраши! взбунтуй огонь и воды. . . .
Свирѣпостью дыша, и ядъ мой растворя,
Я въ сѣти уловлю Россійскаго Царя;
И возвращу страны, гдѣ троны вы имѣли,
Подъ лестнымъ имянемъ Триглава и Полели;
Стремитеся, друзья! свирѣпость насыщать,
Губить, карать, мертвить, тиранить, обольщать! . . .
Какъ волки гладныя, злодѣйствомъ возалкали,
Кумиры, дружбы въ знакъ, руками возплескали.
Се! мракъ является на свѣтлыхъ небесахъ,
И слышенъ шомный стонъ во жертвенныхъ лѣсахъ;

Кокшай-

Кокшайцы робкія къ молитвамъ прибѣгаютъ,
Костры дрожащими руками возжигаютъ;
Но тщетно грудь свою въ слезахъ біютъ они,
Ущедрить ихъ боговъ не могутъ ихъ кони;
Томятся, хладною омытыя водою;
Все кажетъ гнѣвъ боговъ, имъ все грозитъ бѣдою;
Бездушны будучи ихъ боги страшны имъ,
Возженный огнь погасъ, и видѣнъ только дымъ.
Въ то время старцы ихъ по внутренней гадаютъ,
Блѣднѣютъ, рвутъ власы, и съ воплемъ упадаютъ;
Возникнувъ, отъ земли противныхъ жертвъ не жгутъ,
Но прочь отъ олтарей со трепетомъ бѣгутъ.
Какъ будто древнія свирѣпыя Друиды,
Имѣя страшныя движенія и виды,
Повсюду странствуя, жрецы тревогу бьютъ,
Россійскій Царь идетъ! по селамъ вопіютъ;
Когда мы защищать своихъ боговъ не станемъ,
Погибнемъ! . . . Но теперь проснемся, мщеньемъ грянемъ.
И виды страшныя, и смутный старцевъ гласъ,
Зажгли мятежъ въ сердцахъ, и вспыхнулъ бунтъ тотчасъ;
За страхомъ страхъ течетъ, какъ въ бурномъ морѣ волны;
Жилища ужасомъ, сердца боязнью полны.
Тамъ жены, обуявъ, свои убранства жгутъ,
И къ Волжскимъ берегамъ супругамъ въ слѣдъ бѣгутъ;
Кипитъ смятеніе въ улусахъ Черемисскихъ;
Вооружаются противу силъ Россійскихъ;
Велитъ Безбожіе бунтующимъ Ордамъ
На волгѣ путь пресѣчь плывущимъ внизъ судамъ.
Свирѣпый Кереметъ рукой тревоги водитъ,
И Волгу дремлющу въ крутыхъ брегахъ находитъ;
Грудь пѣнится у ней, вода течетъ изъ устъ,
Глава склонилася на тополовый кустъ;
Власы являются зелеными струями,
Лежащи по плечамъ извитыми зміями;

На-

Накривленный сосудъ изъ рукъ ея падетъ.
Расторгни узы сна, ей злоба вопіетъ:
Доколѣ сладкій сонъ твои покоитъ члены?
Валятся вкругъ тебя Ордынски горды стѣны;
Казань, котору ты привыкла напаять,
Смотрясь въ струи твои, не можетъ устоять.
Сія бреговъ твоихъ ликующа Царица,
Такъ сѣтуетъ теперь, какъ сирая вдовица;
Оставили ее земля и небеса,
Но съ нею и твоя погаснетъ вдругъ краса;
Соединенныя взаимною любовью,
Вы скоро будете гражданской полны кровью;
Дерзай! или съ моимъ перуномъ поспѣшу,
И нѣдры влажныя мгновенно изсушу;
Законы премѣню строительной природы;
Тамъ будетъ вѣчный зной, гдѣ нынѣ плещутъ воды;
Гдѣ плавала твоя среди валовъ глава,
Тамъ будетъ рость тростникъ и дикая трава.
Онъ рекъ. . . и Волжскія струи остановились;
Глубокими онѣ морщинами явились;
Вели мнѣ, грозный богъ! вели, речетъ она;
Желаніе твое исполнить я должна.
Взбунтуй! твои валы, мятежный духъ вѣщаетъ,
Да гордыхъ Россіянъ пучина поглощаетъ!
Какъ камень сильною поверженный рукой,
Кидалась Волга внизъ съ поспѣшностью такой;
Раскинувъ рамена на влажныя дороги,
Изъ рукъ составила великія пороги;
Пресѣчь Россіянамъ въ струяхъ свободный путь,
Устроила она имъ въ стрѣчу тверду грудь:
Сгустилися валы власовъ ея сѣдиной;
Кремнемъ ея чело являлось надъ пучиной;
Журчащій вихрь въ струяхъ повѣяли уста,
И заперли судамъ во влажности врата;

Глава подъемлется и чресла онѣмѣли,
Составились изъ нихъ препоны, камни, мѣли.
Летающій кругомъ имѣющи покой,
Россіяне плывутъ съ веселіемъ рѣкой;
Прохладну плаванью предѣлы близко числятъ;
Въ бесѣдѣ радостной о славѣ только мыслятъ.
Но вдругъ перемѣнивъ теченіе вода,
Помчала въ быстрину, какъ легку трость, суда.
Подъемля смерть главу изъ влажныя утробы,
Составила изъ волнъ колеблющися гробы;
Со свистомъ шумный вихрь во слѣдъ судамъ гнался,
И съ бурей страшный вопль отвсюду поднялся;
Казался каждый валъ чудовищемъ шумящимъ,
Пловущихъ поглотить съ ладьями вдругъ хотящимъ;
Ревущія струи поднявъ верхи свои,
Возносятъ къ облакамъ великія ладьи,
И вдругъ разсыпавшись во рвы ихъ низвергаютъ,
Гдѣ кажется они геенны досягаютъ;
На крыльяхъ вихрь летитъ имъ встрѣчу по водѣ:
Что дѣлать въ таковой Россіянамъ бѣдѣ?
На небо взоръ взведутъ; покрыто небо мракомъ;
Въ различномъ страхѣ всѣ, въ смятеньѣ одинакомъ;
Куда отъ волнъ, куда отъ камней убѣгать?
Смерть видятъ; знаютъ смерть они пренебрегать;
Кипящи пѣною уста она отверзла,
Взревѣла, и въ пловцахъ кипяща кровь замерзла.
Уже свирѣпствуя сердитая рѣка,
Отторгла у судовъ кормила и бока;
И будто воины втѣснившися въ проломы,
По улицамъ текутъ, и сокрушаютъ домы:
Такъ бурная вода въ ущелины течетъ,
И Волга разъярясь, ко дну суда влечетъ.
Какъ острый мечь, ˣМорозова пронзаетъ,
Что двухъ надежда войскъ мгновенно изчезаетъ;

ˣпечаль

Стра-

Страшась не собственной, но общія бѣды,
Свирѣпство презрилъ онъ и вихря и воды,
И бурямъ и волнамъ противяся ревущимъ,
Велѣлъ ко берегамъ склонятися пловущимъ;
Но суша и вода во брань вступили съ нимъ,
Раждаютъ смерть валы, брега огонь и дымъ;
Съ мечами, съ пламенемъ на нихъ Ордынцы злобны
Вкругъ стадницы волкамъ являются подобны,
Которы челюсти разверзли на овецъ:
Такъ Россовъ истребить Орда спѣшитъ въ конецъ;
Бросаетъ копья въ нихъ, стрѣлами уязвляетъ,
Пристанища къ брегамъ имѣть не дозволяетъ.
Стонъ слышанъ на водѣ, вопль слышанъ на земли,
Струи ко дну влекли, огни Россіянъ жгли,
Свирѣпствующій адъ разитъ безчеловѣчно,
Другое воинство погиблобъ тамъ конечно;
Но кто бы ихъ спасти отъ сей напасти могъ,
Когда бы не простеръ съ небесъ къ нимъ перста Богъ?
О Муза! обрати отъ Волги взоры въ поле,
Тамъ страждетъ Іоаннъ, и зрится смертныхъ болѣ;
Воззрѣвъ на чистое сіяніе небесъ,
Едва знамена онъ къ Алатырю понесъ,
Казалось, звѣзды съ нимъ желанье соглашали,
Поля кругомъ цвѣли, зефиры вкругъ дышали;
Бореевыхъ вдали не слышно было крилъ,
И воздухъ ароматъ повсюду растворилъ.
Уже колеблются полки въ горахъ идущи,
Какъ класы желтыя, серпа на нивахъ ждущи,
Которы тихій вѣтръ въ движеніе привелъ,
Казалось то Орфей передъ лѣсами шелъ;
Згущенныхъ копій лѣсъ былъ зримъ за Іоанномъ,
И войско, какъ рѣка, текло въ пути желанномъ.
Но сокровенная опредѣлила власть,
Во искушеніе послати имъ напасть;

Для быстрой славы ихъ поставивъ имъ препоны,
Натура собственны нарушила законы;
Тогда Безбожіе имѣюще успѣхъ,
Идущимъ тысящи устроило помѣхъ.
Вдругъ начали кипѣть ключи въ долинахъ злачныхъ,
И будто трубный гласъ возсталъ въ пещерахъ мрачныхъ;
На холмахъ вѣтвія склонили древеса,
И синей ризою одѣлись небеса;
Лучи не въ облака, но въ нѣкій тускъ скрывались,
Стада пернатыхъ птицъ по воздуху взвивались;
Возсталъ згущенный прахъ, какъ туча отъ земли,
И будто возгремѣлъ безъ молній громъ вдали;
То вихри пламенны средь горъ вооружались,
На вѣтренныхъ коняхъ ко войску приближались;
Сіи незримые и сильные враги,
Напрягшись въ воздухѣ подобіемъ дуги,
Простерли крилія, знамены развѣваютъ,
И съ шумомъ ихъ изъ рукъ дхновеньемъ вырываютъ;
Сражаясь межъ собой, згущаютъ пыль вокругъ;
День ясный въ мрачну ночь переложился вдругъ:
Когда громада войскъ въ пригоркахъ изгибалась,
Казалося, земля подъ ними колебалась;
Срываетъ шлемы вихрь, извившись копья рветъ,
И растилаясь вдаль, все давитъ и реветъ;
Какъ риза разпустясь въ стремленіи суровомъ,
Все войско прахомъ вкругъ, объемлетъ какъ покровомъ,
И воинамъ пресѣчь желанный путь велитъ;
То воетъ на горѣ, то съ трескомъ лѣсъ валитъ;
Людей лишаетъ силъ, коней лишаетъ мочи,
Дыханіе мертвитъ, и ослѣпляетъ очи.
Великій духомъ Царь, познал гнѣвъ Небесъ,
И руки и глаза ко высотѣ вознесъ;
Колеблемъ вихрями въ слезахъ вѣщалъ: о Боже!
Или враги Тебѣ Твоихъ рабовъ дороже?

Ты ужасъ положилъ въ ограду ихъ странамъ,
Но все преодолѣть оставь Ты бодрость намъ! . . .
Умолкъ, и небесамъ противнымъ не явится,
Велѣлъ межъ горъ крутыхъ полкамъ остановиться.
Тамъ взору предлежалъ весьма широкій долъ,
Гдѣ мнилось тишина устроитъ свой престолъ;
Военныя трубы повсюду возгремѣли,
Но съ вихремъ различить ихъ звука не умѣли;
Казалось напередъ, что вѣтры трубятъ то;
Склонясь на копіе, не шествуетъ никто,
Между стенящими отъ грозныхъ бурь горами,
Укрыться хощетъ Царь со войскомъ подъ шатрами;
Но будто бурная свирѣпствуя вода,
Гдѣ кущи ставятся, бѣжитъ и вихрь туда,
Изъ рукъ орудія и верви исторгаетъ,
Великіе шатры на землю повергаетъ.

Такой стихій мятежъ Монарха не смущалъ,
На рамо опершись, Адашеву вѣщалъ:
Я зрю, что Небеса моимъ слезамъ не внемлютъ,
Колеблютъ все они, меня не поколеблютъ! . . .
Онъ бодрый видъ являлъ, сію вѣщая рѣчь,
И войскамъ повелѣлъ на ихъ мѣстахъ возлечь.

Едва походами и вихремъ удрученны,
Склонилися полки, какъ класы посѣченны,
И на лицѣ земномъ, въ густой травѣ легли,
Бурливыхъ вдругъ коней и вихри отпрягли,
И въ воздухѣ свои оставивъ колесницы,
Свернули крилія, какъ утомленны птицы;
И будто бѣдствами насытился ихъ взоръ,
Дыханье укротивъ, унали между горъ.

Свѣтило дневное тогда въ моря скрывалось,
И небо ризою златою одѣвалось;
Возвысила чело дрожащая луна,
Серебрянымъ щитомъ являлася она;

Подъемлетъ къ небесамъ рога свои высоки,
Вмѣщаютъ глубоко луну рѣчныя токи,
И чистымъ хрусталемъ между бреговъ текутъ;
Казалось, томный сонъ они въ струяхъ влекутъ.
Царица звѣздъ лучемъ блистательнымъ сіяла,
Но хладною росой земли не напояла,
И сладкой влажности на древеса не льетъ,
Котора жизни имъ и силы придаетъ.
Вершины уклонивъ стоятъ зелены рощи,
Не можетъ оживлять луговъ прохлада нощи;
Казалось, воздухъ спитъ, Зефиръ уснулъ въ кустахъ,
И слезъ Аврориныхъ не видно на цвѣтахъ;
Благоуханіе повсюду разпускаютъ,
Но тщетно питія небеснаго алкаютъ;
Прозрачность воздуха приходитъ въ густоту,
И съ мракомъ томную раждаетъ духоту.
Земля для воиновъ всегдашній одръ спокойной
Теперь является въ долинѣ ложей знойной;
Жестка трава на ней, лице ея горитъ,
Возлегшимъ сладкаго покоя не даритъ;
Томленіе главы ко сну на землю клонитъ,
Но жаръ съ естественныхъ одровъ далеко гонитъ;
Тускъ зрится на цвѣтахъ, не хладная роса,
И сводомъ огненнымъ казались небеса;
Въ полночные часы растѣнья увядаютъ,
И звѣзды, кажется, на землю упадаютъ;
Летаютъ дивные по воздуху огни,
Предзнаменующи и зной и жарки дни.

Томленный Царь небесъ подъ раскаленнымъ сводомъ
Хотѣлъ предупредить свѣтъ солнечный походомъ;
При утренней зарѣ гласъ трубный возгремѣлъ,
Возстали воины, и съ ними зной пошелъ.
Не вѣтры свѣжія въ долинахъ повѣваютъ,
Которы тихихъ дней предтечами бываютъ,

Но

Но только первый лучь на землю проглянулЪ,
КакЪ пещь разженная, палящимЪ зноемЪ дхнулЪ;
Цвѣты и древеса росой неорошенны,
Являлись нѣжности и живости лишенны;
Небесные кони спѣшащи солнце влечь,
Казалося, хотятЪ вселенную зажечь;
И воздухЪ вкругЪ земли недвижимо стоящей,
Едва не равенЪ былЪ водѣ, вЪ котлѣ кипящей.
Разжегся тамЪ песокЪ, и травы стали тлѣть,
Герои начали о буряхЪ сожалѣть,
Которы прежде ихЪ толико утруждали,
Но удручаемыхЪ походомЪ, прохлаждали;
ОтЪ солнечныхЪ лучей, какЪ будто отЪ огня,
ИхЪ шлемы разпеклись и тяжкая броня;
КакЪ нѣкая рѣка, кругомЪ развился пламень,
Извлекши влажность вонЪ, приводитЪ землю вЪ камень;
Палима воздухомЪ, разсѣлася она,
И оживилися вЪ ней злыя сѣмена;
Тлетворныя пары главы кЪ звѣздамЪ подЪемлютЪ,
И поднебесный кругЪ какЪ ризою обьемлютЪ;
ВЪ пучинѣ воздуха туманы око зритЪ,
И мнится надЪ главой небесный сводЪ горитЪ.
Змiи глотая ядЪ, изЪ мрачныхЪ норЪ выходятЪ,
Болѣзни, раны, страхЪ и язвы производятЪ,
Извившись вкругЪ онѣ, вЪ густой травѣ шипятЪ,
Бросаются стрѣлой и грудь насквозь разятЪ;
Не страхЪ отЪ сихЪ змiевЪ Монарха сокрушаетЪ,
Но то, что воинство рокЪ лютый уменьшаетЪ.
КакЪ будто острiя сверкающихЪ ножей,
ТамЪ жалы видимы извившихся ужей;
Слѣды алкающей повсюду смерти видны,
ТамЪ гады страшныя, тамЪ черныя ехидны;
Вода, огонь, земля РоссiянамЪ грозитЪ,
И воздухЪ кажется, стрѣлами ихЪ язвитЪ.

Томлен-

Томленны жаждою къ потокамъ прибѣгаютъ,
Пiютъ, но воды ихъ утробу разжигаютъ,
И паче къ питiю алкающихъ зовутъ;
Мутясь въ рѣчныхъ струяхъ пески съ травой плывутъ;
Журчащiе ключи казались задушенны,
Въ зеленистый коверъ озера превращенны.
Казалося съ небесъ, какъ дождь падутъ огни,
Остановляются въ разпутiяхъ кони;
Главы упали внизъ, колѣна ихъ трепещутъ,
И пѣну красную уста на землю мещутъ;
Какъ мѣхи ребра ихъ разширяся дрожатъ,
Падутъ, и подъ ярмомъ безчувственны лежатъ.
На войско обративъ Монархъ печальны взоры,
Велѣлъ ему возлечь, гдѣ тѣнь наводятъ горы;
Тамъ сѣнолиственный стоялъ у брега лѣсъ,
И зрѣнью обѣщалъ убавить зной небесъ;
Вдругъ городъ изъ шатровъ составился высокихъ,
Но тотъ же зной лежалъ въ обширностяхъ глубокихъ;
Подъ тѣнью хлада нѣтъ, прохлады нѣтъ въ струяхъ,
Долины зной палитъ, изъ рощей гонитъ страхъ.
Дрiяды, кажется, лѣса пренебрегаютъ,
И сами въ мрачныя пещеры убѣгаютъ;
Вселяютъ ихъ туда жары, какъ страшный громъ,
Тамъ голый камень имъ прiятнымъ сталъ одромъ;
Прозрачны ризы снявъ онѣ отъ жара скрылись,
Но пламени врата и тамо отворились.
Не слышитъ болѣе ключей журчащихъ лугъ,
Потоки быстрыя въ горахъ изсякли вдругъ;
Не чувствуя уже въ рѣчныхъ струяхъ прохлады,
Скрываются въ тростникъ печальныя Наяды;
Но тщетно тамъ дождей и свѣжихъ вѣтровъ ждутъ,
Зеленые власы отъ ихъ чела падутъ.
Вѣщаютъ, будто бы главы имѣя въ зноѣ,
И Кама и Сура на дно ушли рѣчное,

И тамъ на тинистыхъ одрахъ они легли;
Но солнечны лучи сквозь воду грудь ихъ жгли.
Отъ солнца воздухъ весь, отъ воздуха потоки,
Отъ нихъ земля несла мученія жестоки;
Другъ друга думаютъ стихіи истребить,
Иль входятъ въ заговоръ Россіянъ погубить.
Какъ съ нѣкимъ стадомъ птицъ, Царь съ войскомъ подни-
Но трижды двигнувшись, онъ трижды опускался. (мался,
На высочайшую восходитъ зло степень;
Мракъ вечеромъ томитъ, томитъ поутру тѣнь;
Натура съ воздуха сняла свои покровы;
Ни тонки облака, ни вѣтвисты дубровы,
Ни вѣтры тихія, ни горы, ни лѣса,
Не могутъ заслонять палящи небеса;
И смерти ратники тоскливой ожидаютъ;
Непобѣдимыхъ гладъ и жажда побѣждаютъ;
Гортань изсякла ихъ, языкъ твердѣлъ въ устахъ,
Дыханье огненно во рту сгущало прахъ,
Имъ скорби блѣдныя съ отравой предстояли,
И яды тонкія въ утробы ихъ вліяли;
Тамъ смерть является въ свирѣпости своей,
И тысящу она раждаетъ вдругъ смертей!
Не утоляется небесный гнѣвъ мольбами;
Се пищу язва рветъ тлетворными зубами!
И горечь вредная по яствамъ разлилась,
У хлѣба вкусъ изчезъ, и сладость отнялась;
Ликнія влажная и тополы широки,
Теряютъ жидкія свои природны соки;
Напрасно воины ту влагу достаютъ,
Сорвавъ кору съ древесъ, кроваву пѣну пьютъ;
И былія въ устахъ песками остаются;
Въ вертепахъ ищутъ водъ, имъ воды не даются.
Два воина пошли съ свѣтильникомъ въ ночи;
Въ ракитовомъ кусту имъ слышатся ключи,

Которы будто бы внутри земли журчали;
Се! кладъ, безцѣнный кладъ! идущія вскричали;
И съ корнемъ въ мигъ они ракитникъ извлекли,
Потоки чистыя мгновенно потекли.
Насытились они, но ключь, что имъ явился,
Какъ тонкая змія, между травой извился,
Бѣжалъ, и внутрь земли себѣ находитъ путь.
Но ратники воды успѣли почерпнуть;
Ушелъ потокъ отъ нихъ; водой наполнивъ шлемы,
Несли ее къ Царю, усердны, тихи, нѣмы;
Дабы, гдѣ равная снѣдаетъ жажда всѣхъ,
Отъ нужды, ревности не сдѣлалъ кто помѣхъ;
Печальнаго Царя отъ сѣни отторгаютъ,
И воду свѣжую во шлемахъ предлагаютъ.
Сей подвигъ тяжкій вздохъ у ихъ Царя извлекъ,
О други! ихъ обнявъ, Монархъ заплакавъ рекъ:
Или вы чаете, что въ семъ пространномъ полѣ,
Вашъ Царь слабѣе всѣхъ, и всѣхъ томится болѣ?
Томлюся больше всѣхъ въ нещастливой судьбѣ,
О страждущихъ со мной, томлюсь не о себѣ;
Пойдемъ и отнесемъ напитокъ сей скорбящимъ,
Нещастнымъ ратникамъ, почти въ гробахъ лежащимъ;
Подарокъ сей для нихъ, не для меня мнѣ милъ. . . .
Пошелъ, и воиновъ скорбящихъ напоилъ.
Умножить бѣдствія, и зла умножить болѣ,
Ордынцы лютыя зажгли сухое поле;
Клубяся по горамъ огнь бросился въ лѣса,
И горькій дымъ закрылъ отъ взора небеса;
Россіянъ страждущихъ стремится адъ озлобить!
Коль можно малу вещь великой уподобить:
Такое бѣдствіе народы будутъ зрѣть,
Когда земля начнетъ въ исходъ вѣковъ горѣть;
Тутъ пламень съ небеси, какъ море разліется,
Онъ поясомъ вокругъ вселенной обвіется;

И цѣпь, держащая въ порядкѣ здѣшній свѣтъ,
Со звукомъ рушится и въ бездну упадетъ;
Тамъ будетъ прахъ горѣть, пылати будутъ рѣки;
Спасенья на земли не сыщутъ человѣки.
Сїе позорище Царь въ духѣ смутномъ зрѣлъ,
Но войскамъ попирать ногами огнь велѣлъ;
И море пламенно подъ ними укротилось;
Но кое зрѣлище страдающимъ открылось?
Въ долины огнь ушелъ, къ горамъ склонился дымъ,
И смерть въ лицѣ своемъ изобразилась имъ;
Земля являлася суха и обнаженна,
Дымящися холмы, дуброва обозженна,
Токъ водный, какъ смола кипящая бѣжалъ,
Отчаянье въ сердца вонзаетъ имъ кинжалъ.
Монархъ нещастнѣй всѣхъ, но тверже всѣхъ являлся,
Лишился онъ всего; примѣръ ему остался!
И душу онъ сынамъ отеческу являлъ;
Послѣдню яствы часть съ рабами раздѣлялъ.
Адашевъ, другъ его, трапезы не вкушаетъ,
Отъ имяни его болящихъ посѣщаетъ;
Остатки Царскихъ имъ напитковъ отдаетъ,
И воду мутную съ Монархомъ въ тайнѣ пьетъ.
Не крылся Іоаннъ подъ черну тѣнь древесну,
Пренебрегая зной, и люту казнь небесну,
Томленный жаждою, и въ потѣ, и въ пыли,
Въ срединѣ ратниковъ ложился на земли;
Послѣдній пищу бралъ, но первый передъ войскомъ,
Являлся духомъ твердъ во подвигѣ геройскомъ.
Но воздухъ день отъ дня надъ ними вкругъ густѣлъ;
Соединиться Царь съ Морозовымъ хотѣлъ,
И вѣсть ему подать велѣлъ о бѣдствахъ скору,
Да пищу воинству пришлетъ съ рѣки въ подпору.
Но тамо настоялъ пловцамъ не меньшій трудъ;
Тѣ помощи съ земли, тѣ съ рѣкъ подмоги ждутъ;

Тѣхъ бѣдства во степи, тѣхъ волны погребаютъ;
Другъ друга ждутъ къ себѣ, и купно погибаютъ.
Вонзаетъ въ грудь Царю такое бѣдство мечь;
Скрѣпился, и простеръ сiю ко войскамъ рѣчь:
О други! онъ вѣщалъ, когда мы шли къ Казани;
Иной мы не могли сулить Россiи дани,
Какъ только за нее животъ нашъ положить;
Возможно ли теперь намъ жизнью дорожить?
Умремъ! но храбростью позорну смерть прославимъ,
Противу жалъ ея не робку грудь поставимъ;
Пусть наши и враги, на нашъ взирая прахъ,
Рекутъ: что гибли мы, нося мечи въ рукахъ;
И разъярившейся не рабствуя природѣ,
Скончали нашу жизнь не въ лѣности, въ походѣ;
Толико славна смерть хоть насъ и поразитъ,
Но прочихъ Россiянъ къ побѣдамъ ободритъ;
Востанемъ! и пойдемъ! онъ рекъ. . . . Полки возстали,
Какъ томныя орлы къ знаменамъ прилетали;
Снимаются шатры, и трубный слышанъ звукъ;
Сiе согласiе мятежъ нарушилъ вдругъ.
Не уважая словъ, ни слезъ, ни мнѣнiй Царскихъ,
Единый изъ дѣтей отъ Новграда Боярскихъ;
Отъ зноялъ и трудовъ въ разсудкѣ поврежденъ,
Или отчаяньемъ и нѣгой убѣжденъ;
Сей ратникъ по полкамъ, и страхъ и горесть сѣя,
Помѣшанны глаза, разкрыту грудь имѣя,
Бѣгущiй возопилъ: Куда насъ Царь ведетъ?
Здѣсь голодъ насъ мертвитъ, а тамо язва ждетъ!
Оставили отцевъ, оставили мы домы,
Пришли сюда въ мѣста пустыя, незнакомы;
Лишило естество и пищи насъ и водъ;
Не явноль Богъ казнитъ за дерзскiй насъ походъ?
Пойдемъ! назадъ пойдемъ!... Онъ рекъ, и возшумѣли,
Развратны юноши съ нимъ сходну мысль имѣли,

Но взоры Царь на нихъ, какъ стрѣлы обратилъ,
И волны мятежа сей рѣчью укротилъ:
Не славы міра я, о воины! желаю,
Но мстить за Христіянъ усердіемъ пылаю;
Коль вы не ищете торжественныхъ вѣнцевъ,
Спасать не мыслите ни братій, ни отцевъ.
Нещастныя сыны! бѣгите, не трудитесь;
Оставьте копья намъ, и въ домы возвратитесь;
Я вѣрныхъ Россіянъ въ полкахъ моихъ найду;
Не слабыхъ женъ во брань, мужей съ собой веду....
Скончавъ слова, дабы стремленью не продлиться,
Велѣлъ ревнительнымъ отъ робкихъ отдѣлиться;
И возопили всѣ: Съ тобой мы всѣ идемъ!
За вѣру, за тебя съ охотою умремъ!
Спокоило Царя усердіе такое,
Но мысль его была и сердце не въ покоѣ;
Срѣтая нощь, велѣлъ движенье отложить.
Пошелъ, но сонъ его не можетъ окружить;
Мечтаются ему болѣзни, гладъ, печали,
Которыя до днесь въ пути его встрѣчали;
Онъ душу полную страданьями имѣлъ,
И въ грусти далеко отъ воинства отшелъ.
Покрылось мрачною тоской чело Царево,
И въ полѣ онъ нашелъ развѣсистое древо,
На коемъ листвія не давно огнь сожегъ;
Тяжелый скинувъ шлемъ, подъ онымъ Царь возлегъ.
Онъ въ землю мечь вонзилъ; невидимый полками,
Склоненную главу поддерживалъ руками;
Не бѣдствомъ собственнымъ, но общимъ пораженъ,
Какъ въ облако луна, былъ въ горесть погруженъ;
И пролилъ токи слезъ.... Тоска его мнѣ бремя;
О Муза! пресѣчемъ печальну пѣснь на время.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Имѣя въ сердцѣ мракъ, и тмою окруженъ,
Казался въ морѣ Царь печалей погруженъ;
Какъ бури, душу въ немъ сомнѣнья волновали,
Покоя сладкаго, ни сна не отдавали.
Звѣзда его судьбы на небѣ не горитъ,
Она, сокрывъ лучи, на Іоанна зритъ;
Ни воздухъ, ни земля, тоскѣ его не внемлетъ,
И щастье томное у ногъ Монаршихъ дремлетъ;
Какъ камень, горести его тягчили грудь;
Прерывистымъ словамъ потомъ открылся путь:
О Боже! онъ вѣщалъ, коль гнѣвомъ Ты пылаешь,
За что напрасну смерть безвиннымъ посылаешь?
Моимъ знаменамъ въ слѣдъ пришли сюда они;
Коль казнь Тебѣ нужна, за нихъ меня казни!
Я воиновъ моихъ привелъ въ сіи предѣлы;
Бросай Ты на меня молніеносны стрѣлы!
Я старца мудраго совѣты пренебрегъ,
Который въ дерзости меня предостерегъ.
Се грудь! которая тщеславіе вмѣстила,
И упованіемъ себя напраснымъ льстила;

Разж

Рази ее! рази! готовъ я казнь нести,
Когда чрезъ то могу моихъ людей спасти.
Вѣщая тѣ слова, повергся на колѣни;
И нощь кругомъ его простерла мрачны тѣни;
На перси томную склоняетъ Царь главу,
И зритъ во смутномъ снѣ какъ будто наяву.
Мечтается ему: „Что мракъ густый рѣдѣетъ,
И облакъ огненный, сходя на землю, рдѣетъ;
Сокрылись звѣзды вдругъ, затмилася луна,
Повсюду страшная простерлась тишина;
Багрово облако къ Герою приближалось,
Упало предъ Царемъ, и вскорѣ разбѣжалось,
Видѣнье чудное исходитъ изъ него:
Полмѣсяца горитъ среди чела его;
Въ десницѣ держитъ мечь, простертый къ оборонѣ,
Является сѣдящъ на пламенномъ драконѣ;
Великій свитокъ онъ въ другой рукѣ держалъ,
Пророкамъ и Царямъ во славѣ подражалъ.„
Строптивый Іоаннъ видѣніемъ плѣнился,
И естьлибъ робокъ былъ, предъ нимъ бы преклонился;
Но взоръ къ нему склонивъ, вниманіе и слухъ,
Имѣлъ тревожный видъ, но не тревожный духъ.
Явившійся Царю, являя свѣтлы взоры, ˣ вращая
Вступаетъ въ тайныя съ Монархомъ разговоры:
О Царь! вѣщаетъ онъ, имѣешь ты вину,
Токъ слезный проливать, пришедъ въ сію страну;
Печали вкругъ тебя сливаются, какъ море,
И ты въ чужой землѣ погибнешь съ войскомъ вскорѣ;
Погаснетъ щастіе, и слава здѣсь твоя;
Тебя забылъ твой Богъ: могу избавить я;
Могу, когда твой мракъ отъ сердца ты погонишь,
Забывъ отечество, ко мнѣ главу преклонишь;
Такимъ ли Іоаннъ предѣломъ дорожитъ?
Гдѣ мракъ шесть мѣсяцовъ, и снѣгъ вездѣ лежитъ;

Гдѣ

Гдѣ солнце косвенно лучами землю грѣетъ;
Гдѣ сладкихъ нѣтъ плодовъ, гдѣ тернъ единый зрѣетъ;
Гдѣ царствуетъ во всей свирѣпости Борей:
Страна твоя не тронъ, темница для Царей.
Отъ снѣжныхъ водъ и горъ, отъ сей всегдашней ночи,
На полдень обрати, къ зарѣ вечерней очи;
Къ востоку устреми вниманіе и взоръ:
Тамъ первый встрѣтится твоимъ очамъ Босфоръ;
Тамъ гордыя стоятъ моихъ любимцевъ троны,
Дающихъ Греческимъ невольникамъ законы;
Тобою славимы угасли олтари;
Познай и мочь мою, и власть, и силу зри!
Съ священнымъ трепетомъ тобой гробница чтима,
Подъ стражею моей лежитъ въ стѣнахъ Салима;
И Газа древняя, Азоръ и Аскалонъ,
Гефана, Виѳлеемъ, Іорданъ и Ахаронъ,
Передъ лицемъ моимъ колѣна преклонили;
Мои раби твой крестъ и святость всю плѣнили.
Не страхомъ волю ихъ, я миромъ побѣдилъ;
Ихъ мысли, ихъ сердца, ихъ чувства усладилъ;
Я отдалъ веси имъ, исполненны прохлады,
Гдѣ вкусныя плоды, гдѣ сладки винограды;
Гдѣ воздухъ и земля вмѣщаютъ ѳуміямъ;
Вода родитъ жемчугъ, пески златыя тамъ;
Тамъ чистое сребро, тамъ бисеры безцѣнны;
Поля цвѣтами тамъ и жатвой покровенны,
Полсвѣта я моимъ любимцамъ отдѣлилъ;
Богатый отдалъ Ормъ и многоводный Нилъ,
И поднебесную вершину Арбарима,
Отколѣ Ханаанъ и Палестина зрима;
Божественный Сіонъ, святый Давидовъ градъ,
И млекоточный Тигръ, и сладостный Ефратъ;
Тѣ воды, что Едемъ цвѣтущій напаяли,
Гдѣ солнечны лучи впервые возсіяли.

Въ вечерней жители и въ западной странѣ,
Меня пророкомъ чтутъ, приносятъ жертвы мнѣ;
Склонись и ты! склонись! дѣла твои прославлю,
Печали отжену, и миръ съ тобой поставлю;
Я вѣтры тихія на полночь обращу,
Стихіи на тебя возставши укрощу;
Прославлю твой вѣнецъ, вручу тебѣ державы,
Достойны твоего вниманія и славы;
Послѣдуй Царь за мной, дай руку мнѣ твою. . . .
Недвижимъ Царь взиралъ, внимая рѣчь сію.
Какъ вѣтрами вода, въ немъ духъ поколебался;
Молчать и рѣчь простерть къ видѣнью опасался;
Хотѣлъ главу склонить, но вдругъ на щитъ взглянулъ:
Померкнулъ щитъ! и Царь о старцѣ вспомянулъ.
Такое зрѣлище въ немъ ярость возжигаетъ,
Воспрянулъ, и мечь рукой дрожащей изторгаетъ,
Разитъ. . . . Въ единый мигъ померкнулъ воздухъ чистъ;
Ударилъ страшный громъ, возсталъ и шумъ и свистъ;
Блеснули молніи, видѣнье премѣнилось,
И страшное Царю чудовище явилось,
Во мрачномъ облакѣ на воздухъ поднялось;
Какъ страшный змій, оно въ три круга извилось;
Зіяло пламенемъ! Безбожіе то было,
И таковы слова Монарху возтрубило:
Напрасно отъ меня ты чаешь избѣжать;
Стени! я знаю чѣмъ Монарховъ поражать;
Хоть нынѣ казнь твою свирѣпый рокъ отложитъ,
Но душу онъ твою и мысли встревожитъ;
Спокойства сладкаго не будешь ты вкушать,
Ни брачною себя любовью утѣшать;
Владѣніе твое во ужасъ превратится,
И будешь ближнихъ ты и подданныхъ страшиться;
Ты искреннихъ рабовъ безвинно умертвишь,
Своимъ ты имянемъ вселенну устрашишь;

У Вель-

Вельможи и народъ тебя возненавидятъ,
Тираномъ нарекутъ, въ тебѣ врага увидятъ;
Ты сына умертвишь! . . . Ударилъ паки громъ,
Сокрылось возстенавъ чудовище потомъ;
Оно въ подземныя пещеры отлетало,
И сердце храбраго Царя возтрепетало;
Но мракъ сомнѣнія разсѣясь нынѣ въ немъ,
Жестокимъ наконецъ явилъ его Царемъ.
Целена ввергнула въ подобный страхъ Енея.
Вздохнулъ, и предъ собой увидѣлъ Царь Алея;
Вторичною мечтой приходъ его почелъ,
Онъ окомъ на него отчаяннымъ воззрѣлъ.
Алей задумчивъ былъ и рубищемъ одѣянъ,
По всѣмъ его чертамъ печаль и мракъ разсѣянъ;
Онъ слезы лилъ предъ нимъ, и Царь къ нему вѣщалъ:
Еще ли мало ты покой мой возмущалъ?
Предатель! трепещи! теперь одни мы въ полѣ;
Бѣги! не умножай моей печали болѣ. . . .
Ко Царскимъ въ трепетѣ Алей упалъ ногамъ,
И рекъ: не причисляй меня къ твоимъ врагамъ;
Благочестивыхъ я не удалялся правилъ,
Былъ виненъ, и вину теперь мою исправилъ;
Однако нужнаго, о Царь! не трать часа,
Который щедрыя даруютъ Небеса;
Отважность лютую судьбину побѣждаетъ:
Тебя въ густомъ лѣсу пустынникъ ожидаетъ.
Тоскою удрученъ, когда я къ войску шелъ,
Онъ мнѣ тебя искать подъ древомъ симъ велѣлъ,
И мнѣ сіе вѣщалъ: Скажи ты Іоанну,
Коль хощетъ онъ достичь ко благу имъ желанну,
Да придетъ онъ ко мнѣ! . . . Во мракѣ и въ ночи,
Сіяли вкругъ его чела, о Царь! лучи.
Въ молчаньи Іоаннъ словамъ пришельца внемлетъ,
И тяжкій стонъ пустивъ, Алея онъ подъемлетъ.

По-

Потомъ вскричалъ: Хощу для войска щастливъ быть;
И болѣе хощу вину твою забыть:
Я жизнь мою тебѣ, Россіи жизнь вручаю;
А естьли вѣренъ ты, я друга получаю;
Довольно мнѣ сего! къ пустыннику пойдемъ.
Но повѣсть мнѣ твою повѣдай между тѣмъ;
Скажи, почто ты стѣнъ Свіяжскихъ удалился?
За чемъ ходилъ къ врагамъ, за чемъ въ Казанѣ скрылся?
И какъ обратно ты явился въ сей странѣ?
Будь искрененъ во всемъ, коль вѣрный другъ ты мнѣ.
Идущій за Царемъ къ пустыннику лѣсами,
Отвѣтствовалъ Алей такими словесами:
О Царь! повѣдаю тебѣ мою вину;
Но стыдъ почувствую, отколѣ ни начну.
Когда не буду я вѣщать чистосердечно,
Да темна нощь сія меня покроетъ вѣчно!
Да горы на меня кремнистыя падутъ,
И въ сей странѣ меня живаго погребутъ!
Сомнѣнья Царскаго Алей въ опроверженье,
Повѣдалъ о своемъ къ Казани приближенъѣ;
Представилъ прелести, Сумбекинъ льстивый взглядъ,
Обманы, хитрости и шествіе во градъ;
Оно клонилося, вѣщалъ, къ единой цѣли,
Дабы оружія напрасно не гремѣли,
И мира вѣчный храмъ желалъ я отворить,
Ордынцовъ безъ меча Россіи покорить.
Уже вражду мои совѣты потушали,
Но, рекъ онъ, хитрости успѣхамъ помѣшали:
Увы! которую сердечно я любилъ,
Я тою жизнь и честь едва не погубилъ.
Въ едину нощь, Алей стоная продолжаетъ;
Меня и мысль о томъ, какъ громомъ поражаетъ;
Въ едину нощь, когда къ спокойству я прибѣгъ,
Когда на одръ я свой уединенъ возлегъ,

Увидѣлъ я къ себѣ невольника входяща,
Одежду бѣлую въ рукахъ своихъ держаща,
Котору будто бы трудясь наединѣ,
Сумбека, въ знакъ любви, отправила ко мнѣ.
Питая на ея усердiе надежду,
Дерзаю облещись во свѣтлую одежду;
Изъ рукъ невольничьихъ спѣшу ее извлечь;
Но внемлю страшную невольникову рѣчь:
О Царь! вѣщаетъ онъ, отринь сiе убранство;
Я помню и въ моихъ оковахъ Христiянство;
Я нѣкогда твоимъ рабомъ въ Россiи былъ,
Я вѣренъ былъ тебѣ, и ты меня любилъ.
О естьли, Государь! подаркомъ симъ польстишься,
И облечешься имъ, то жизни ты лишишься.
Раба я познаю, и вѣрить не хощу.
Злословiю его свирѣпымъ взоромъ мщу;
Сей рабъ изъ рукъ моихъ одежду вырываетъ,
Онъ ею и главу и тѣло обвиваетъ.
Какой тогда я страхъ и ужасъ ощутилъ!
Невольникъ палъ, взревѣлъ, и духъ свой изпустилъ!
Велико для меня такое увѣренье;
Но могъ ли я питать къ Сумбекѣ подозрѣнье?
Весь дворъ позналъ о злой опасности моей;
И се! вбѣжалъ ко мнѣ мой вѣрный другъ Гирей:
Спѣши отсель! спѣши! со трепетомъ вѣщаетъ,
Сагрунъ противъ тебя Казанцовъ возмущаетъ;
Сумбека ищетъ средствъ Алея отравить;
Османъ тебя грозитъ злодѣйски умертвить;
Бѣги отсель! уже Казанска чернь мутится;
Моею помощью тебѣ не можно льститься;
Я слабъ противу ихъ, и только то могу,
Что тайнымъ способомъ я друга собрегу,
Потомъ погибну самъ!... То слово грудь пронзило,
Оно стрѣлой меня отчаянья разило;

Ока-

Окаменен̂ смотрю на друга моего,
Потом̂ в̂ объятія кидаюся его;
И вопію к̂ нему: Не йду, мой друг̂! отсюду;
Пускай я жертвою моих̂ злодѣев̂ буду!
За что тебѣ страдать? живи! мой друг̂, живи!
Да злобу утушит̂ Казань в̂ моей крови.
Но вдруг̂ мы слышим̂ вопль, волненіе народно;
Погибнуть я хотѣл̂ из̂ храмин̂ неизходно;
Спасай себя! спасай! Гирей мнѣ с̂ плачем̂ рек̂,
И силою меня под̂ темный свод̂ повлек̂.
Когда наполнился Сумбекин̂ двор̂ народом̂,
Провел̂ меня Гирей из̂ града тайным̂ ходом̂,
И скрылся от̂ меня. . . . Уныл̂, окаменен̂,
Я шел̂, бія себя во грудь, от̂ градских̂ стѣн̂;
Вручил̂ я жизнь свою на произвол̂ судьбинѣ,
И долго странствовал̂ по дебрям̂ и в̂ пустынѣ;
Зри рубища сіи, и бѣдность зри мою!
Пустынник̂ нѣкій дал̂ одежду мнѣ сію.
Коль поздно хитрость я Сумбекину примѣтил̂!
Страх̂ гнал̂ меня от̂ ней, я страх̂ на Волгѣ встрѣтил̂.
Пловущих̂ войск̂ твоих̂ я бѣдство тамо зрѣл̂,
Топила их̂ вода, над̂ ними гром̂ гремѣл̂;
От̂ волн̂ и от̂ небес̂ гонимыя страдали,
В̂ них̂ пламень с̂ берегов̂ враги твои кидали;
Твоим̂ воителям̂ спасенья нѣт̂ нигдѣ:
Смерть видят̂ на земли, смерть видят̂ на водѣ!
Теку на помощь к̂ ним̂, спѣшу порядок̂ строить,
Ордынцов̂ поразить, Россіян̂ успокоить;
Врагов̂ твоих̂ отгнать мнѣ не было труда;
Потом̂ склонил̂ мое стремленіе сюда.
Я знал̂, что воинство от̂ глада изтлѣвало,
И воздух̂ вас̂ мертвил̂, и солнце убивало;
Врачебную траву и пищу к̂ вам̂ принес̂.
Но только я вступил̂ во мрачный близкій лѣс̂,

Тамъ старецъ нѣкакій предсталъ передо мною,
И былъ свиданія съ моимъ Царемъ виною. . . .
Полстадіи прешли, бесѣдуя они,
И видятъ межъ древесъ блистающи огни,
Къ которымъ спутники чѣмъ ближе подвигались,
Тѣмъ далѣе огни отъ оныхъ уклонялись;
И вдругъ склубившись, ихъ къ пещерѣ привели:
Лежаща старца тамъ на камнѣ обрѣли;
На персяхъ у него какъ ленъ брада лежала,
И мудрость во его чертахъ изображала;
Священну книгу онъ чело склоня, читалъ;
Увидя предъ собой пришельцевъ, бодръ возсталъ.
Пріятнымъ воздухъ весь наполнился зефиромъ,
И старецъ рекъ къ Царю: Гряди въ пустыню съ миромъ!
Какъ въ солнечныхъ лучахъ играюще стекло,
Покрылось Царское веселіемъ чело;
Но стыдъ при радости въ лицѣ изобразился:
Сіяньемъ озаренъ, рукою онъ закрылся;
Познал во старцѣ онъ пустынника того,
Который въ путь не йти увѣщавалъ его,
И щитъ ему вручивъ, онъ рекъ: взирать не смѣю,
Я сердца чистаго, о старче! не имѣю;
Сумнѣньемъ и тоской терзается оно;
Твое свѣтло какъ день, мое какъ нощь темно;
Могу ль бесѣдовать? . . . Душевну видя муку,
Пустынникъ простиралъ ко Іоанну руку,
И возвѣстилъ сіе: печаль твою забудь,
Примѣромъ мужества главамъ вѣнчаннымъ будь;
Ты крѣпостью своей, терпѣніемъ, бѣдами,
Какъ злато чрезъ огонь, очистилъ духъ трудами;
Но паче тѣмъ себя во славѣ утвердилъ,
Что льстящую тебѣ фортуну побѣдилъ;
Безбожіе ты зрѣлъ подъ видомъ Махомета:
И естьли бы его не отженилъ совѣта,

Тебя бы страшный громъ мгновенно поразилъ,
И въ бездну вѣчныхъ слезъ на вѣки погрузилъ.
Теперь противъ страстей являясь храбрый воинъ,
Небесъ вниманія и славы ты достоинъ;
Они велѣли мнѣ гремящею трубой,
Твой разумъ испытать, бесѣдуя съ тобой:
Се каменна гора, се поле передъ нами!
Тамъ видишь ты стези усыпанны цвѣтами;
Зефиры царствуютъ, утѣхи видны тутъ;
Подъ тѣнью миртовыхъ древесъ они живутъ;
Безцѣнны бисеры идущимъ предлагаютъ,
Вѣнцы на нихъ кладутъ, въ нихъ страсти возжигаютъ;
Которы наконецъ преобращаясь въ ядъ,
Изъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ влекутъ идущихъ въ адъ.
Гора является ужасною въ началѣ,
Но страховъ меньше тамъ, чѣмъ ты восходишь далѣ:
Тамъ встрѣтишь пламенемъ зіяющихъ зміевъ;
Висящія холмы, услышишь звѣрскій ревъ;
Стези препутанны, какъ верви, кривизнами,
И камни сходныя движеньемъ со волнами.
Когда вниманіемъ не будешь подкрѣпленъ,
Падешь въ развалины разбитъ и ослѣпленъ.
Но естьли твердости душевной не погубишь,
По долгомъ странствіи труды сіи возлюбишь;
Увидишь вскорѣ ты небесный чистый свѣтъ!
Во храмъ безсмертія твой Богъ тебя зоветъ.
О Царь мой! избирай изъ двухъ стезю едину,
И знай, что я тебя на трудной не покину.
Какъ нектаръ Іоаннъ въ бесѣдѣ сей вкушалъ;
Взявъ руку старцеву, къ горѣ онъ поспѣшалъ,
И рекъ: Иду съ тобой на подвигъ мой въ надеждѣ;
Но сей хотѣлъ склонить ко сну Алея прежде,
Дабы единый Царь позналъ судьбу небесъ:
Напитокъ нѣкакій сопутнику поднесъ,

Кото-

Который силы въ насъ тѣлесны ослабляетъ;
И вдругъ у дна горы Алея усыпляетъ.
Царю пустынникъ рекъ: Иди, и буди смѣлъ!
Потомъ на крутизну сопутника повелъ;
По дебрямъ провождалъ, держа его рукою,
Въ немъ силы ободривъ бесѣдою такою:
О Царь! вѣщаетъ онъ, себя ты ввѣрилъ мнѣ,
Во мрачной сей нощи, въ незнаемой странѣ;
Сумнѣньемъ твоея души не возтревожилъ,
И тѣмъ вниманiе мое къ тебѣ умножилъ;
Я дружество тебѣ взаимно докажу,
О имени моемъ, о званiи скажу:
Познай во мнѣ того, которому гонитель,
И ближнiй сродникъ былъ, усопшiй твой родитель;
Я тотъ, котораго онъ презрилъ родъ и санъ:
Я есмь нещастливый пустынникъ Вассiянъ (*).
Но горести мои и слезы я прощаю,
И сыну за отца любовью отомщаю;
Не онъ мнѣ былъ врагомъ, враги мои льстецы,
Преобращающи въ колючiй тернъ вѣнцы;
Я былъ гонимъ отъ нихъ. За слезы и терпѣнье,
Душевное теперь вкушаю утѣшенье;
И естьли слушаетъ Господь молитвъ моихъ,
Враговъ моихъ проститъ; молюся я за нихъ.
Мнѣ рай, душевный рай, въ вертепахъ отворился;
Я тридесяти лѣтъ въ пустыню водворился;
Здѣсь плачу о грѣхахъ мiрскихъ наединѣ;
Нѣтъ злата у меня, чего бояться мнѣ?
Тѣ, кои приключить мнѣ бѣдства уповали,
Тѣ злобствуя, мнѣ жизнь прiятну даровали . . .
Гряди! мужайся Царь! . . . Смотри на сихъ змiевъ;
Они, срѣтая насъ, обуздываютъ гнѣвъ;

(*) Сей Вассiянъ, или Савастiянъ, сосланъ былъ въ заточенiе Царемъ Василiемъ Iоанновичемъ.

Здѣсь камни дикія устроились вратами,
Широкій путь отверзтъ идущимъ тѣснотами;
Кремни являются зеленою травой;
Се награждается, о Царь! мой трудъ и твой;
Пойдемъ! . . . Идущія всѣ силы вновь подвигли,
И горныя они вершины вдругъ достигли.
Уже по розовымъ они грядутъ цвѣтамъ;
На самой вышинѣ явилось зданье тамъ:
Не марморомъ оно, не кровлею златою,
Оно гордилося пріятной простотою;
Развѣсисты древа стояли близь его,
Зеленый зрѣлся холмъ подпорой у него;
Тамъ нѣжилась кругомъ роскошная природа;
Во зданіе сіе не видно было входа.
Водимый тако Царь пустынникомъ, молчалъ;
Но удивляемый, смутился и вскричалъ:
Я чувствую пщеты со трономъ сопряженны;
Колико предъ Царемъ пустынники блаженны!
Какъ тихая вода, ихъ сладкій вѣкъ течетъ;
Хощу въ пустынѣ жить! стоная Царь речетъ;
Или, о старче! вынь изъ сердца смертно жало,
Меня видѣніе которымъ поражало;
Оно напастію грозило мнѣ такой,
Которая уже отъемлетъ мой покой;
Открой судьбину мнѣ! . . . Взглянувый кроткимъ взоромъ,
Пустынникъ ободрялъ Монарха разговоромъ:
Уединенія желаешь ты вотще,
Ты долженъ царствовать до старости еще;
Судьба, которую ничто не умоляетъ,
Короны бремя несть тебя опредѣляетъ; . .
Угрозъ сердитаго видѣнья не забудь;
Коль хощешь щастливъ быть, Царемъ правдивымъ будь.
Но трудно достигать намъ тайности небесной,
Доколь мы плотію одѣяны тѣлесной;

Божественну судьбу отъ смертнаго очей
Сокрылъ на вѣки Богъ во глубинѣ ночей.
Сіяньемъ окруживъ Царя, сіе вѣщаетъ,
И духомъ онъ его на небо возхищаетъ,
Гдѣ животворный огнь, какъ свѣтлый токъ течетъ;
Градъ Божій указавъ, Вассьянъ Царю речетъ:
Здѣсь пламенны стоятъ во мракѣ Херувимы,
Стрегущи дверь судебъ, и имъ судьбы не зримы;
Превыше сихъ, гдѣ звонъ небесныхъ слышанъ лиръ,
Неосязаемый, но чувственный есть міръ;
Сей міръ блистательный, пріятный и нетлѣнной,
Есть въ Духѣ Божіемъ чертежъ всея вселенной;
Тамъ солнца нѣтъ во дни, и нѣтъ луны въ ночи,
Но вѣчно тамъ горятъ Господнія лучи.
Се! зришь обители, которыя Содѣтель
Устроилъ, гдѣ вмѣщать священну добродѣтель;
Селеньемъ Ангельскимъ сіи мѣста зовутъ,
Нетлѣнны въ храминахъ нетлѣнныхъ здѣсь живутъ;
Которы Бога чтутъ, пороки отметаютъ,
Тѣ быстро въ сей предѣлъ по смерти возлетаютъ.
Здѣсь предка твоего Всевышній помѣстилъ,
Который полночь всю крещеньемъ просвѣтилъ.
На третьемъ небеси Владимиръ обитаетъ,
И Божій видя ликъ, восторгомъ духъ питаетъ.
Се! Ольга мудрая, пріемля Божій свѣтъ;
Въ безсмертныхъ радостяхъ съ безплотными живетъ;
Превыше всѣхъ планетъ и движимаго неба,
Къ веселіямъ вознесъ Господь съ Борисомъ Глѣба;
Се! храбрый Александръ, включенъ въ верховный санъ;
Се! общій сродникъ нашъ, се! дѣдъ твой Іоаннъ.
Являются очамъ всѣ души тѣ святыя,
Которыми по днесь спасается Россія;
На небѣ Іоаннъ живущу мать узрѣлъ,
Вокругъ ея главы изъ звѣздъ вѣнецъ горѣлъ;

Увы!

Увы! вскричалъ въ слезахъ, назначеноль судьбою,
Мнѣ въ небѣ обитать, любезна мать! съ тобою?
Въ восторгахъ онъ желалъ ее облобызать;
Но тѣла не возмогъ устами осязать;
То былъ прозрачный духъ и Вассіянъ вѣщаетъ:
Пойдемъ отсель! тебя сей нѣжный видъ смущаетъ.
Имѣющъ радости сіяніе въ лицѣ,
Царю отецъ его встрѣчается въ вѣнцѣ;
И Царь сіи слова отъ Вассіяна внемлетъ:
Воззри, какую мзду душа благихъ пріемлетъ!
И наша въ Божествѣ почерпнута душа,
Оковы плотскія и узы разрѣша,
Достигнуть райскаго святилища удобна,
Когда на сей земли была чиста, незлобна,
Изчезнетъ передъ ней сгущенный звѣздный мракъ;
Познаетъ все она; увидитъ Божій зракъ.
Уже я познаю, въ восторгѣ Царь вѣщаетъ,
Что Богъ и въ жизни сей твой разумъ просвѣщаетъ;
И то, что намъ явятъ по смерти небеса,
То видятъ на земли премудрыхъ очеса;
Твои уста мнѣ гладъ и бури предсказали:
И бѣдствія меня предвидѣнны терзали;
Прости ты, отче мой! сумнѣнью моему,
Твой свѣтъ не могъ прогнать мою душевну тму.
Коль мрачны Царскія безъ мудрости престолы!...
Вѣщалъ, и старцевы сіи внималъ глаголы:
О! естьли Іоаннъ, позналъ я что нибудь,
Смиренна жизнь моя мнѣ сей отверзла путь;
Душѣ отъ сей земли на небо есть дорога;
Она есть точное изображенье Бога,
Живетъ и движится въ объятіяхъ Его;
Душа есть лучь живый, Богъ солнце у него!
Отъ мысли сей въ моихъ трудахъ не удаляюсь,
И духомъ къ Божеству всечасно возкриляюсь.

Что могъ проразумѣть о будущей судьбѣ,
О Царь! открою то во храмѣ и тебѣ;
Оставимъ небеса, но тайны сей во вѣки
Да слышать отъ тебя не будутъ человѣки!
Отверзу взоръ тебѣ на будущія дни;
Гряди! . . . И шествуютъ ко зданію они.
Врата, которыя между стѣнами крылись,
Врата нетронуты входящимъ отворились;
Съ священнымъ трепетомъ грядетъ за старцемъ Царь,
И видитъ посредѣ созижденный олтарь;
Подъ нимъ живой воды являяся ключь біющій;
Пустынникъ, къ олтарю рукой Царя ведущій,
На персты взявъ воды, къ Монарху приступилъ,
И очи и чело Царево окропилъ.
Какъ нѣкая кора съ очей его низпала,
Очистился олтарь, мгновенно тма пропала,
И будто усыпилъ Царя пріятный сонъ,
Что вижу предъ собой? вѣщаетъ старцу онъ;
Иль духъ мой прелетѣлъ въ небесную вершину? . . .
Ты видишь, старецъ рекъ, божественну судьбину;
Колѣна преклони! се книга предлежитъ;
Зри таинства черты. И Царь во книгу зритъ:
Крестообразно вкругъ ее лучи спирались,
Въ ней сами отъ себя листы перебирались.
Какъ чистою брега наполненны водой,
Являютъ небеса текущи надъ рѣкой:
Во книгѣ ясно такъ изображенно зрится,
Чему назначено въ грядуще время сбыться.
Недвижимъ зритель былъ, пустынникъ самолчалъ.
Се! вижу я себя, въ восторгѣ Царь вскричалъ;
Безъ долговремянной и многотрудной брани,
Врата отверзлися мнѣ гордыя Казани;
Ордынскій сильный Царь у ногъ моихъ лежитъ,
И Волга и Кавказъ отъ стрѣлъ моихъ дрожитъ;

Сму-

Смущенна Астрахань упала на колѣни;
Уже моихъ знаменъ въ Сибирь простерлись тѣни;
На Шведовъ громъ падетъ изъ храбрыхъ Росскихъ рукъ;
Вкругъ Белта внемлю я Московской славы звукъ;
Мятежная Литва, какъ агнецъ, усмирилась,
И Нарва съ трепетомъ Россіи покорилась;
Тревожный Новгородъ на вѣки укрощенъ:
Побѣдами покой народамъ возвращенъ;
Поляковъ усмиривъ, я царствую во славѣ;
Сосѣдямъ миръ дарю, и миръ моей державѣ. . . .
Престань тщеславиться! смиренный старецъ рекъ,
И знай, что ты не Богъ, но смертный человѣкъ;
Блаженства самъ себѣ не можешь ты устроить,
Коль онымъ Богъ тебя не хощетъ удостоить.
На оживленныя видѣнья взоръ простри;
Будь твердъ, и суету земнаго щастья зри:
Се! виды страшныя Монарха поражаютъ:
Тамъ отрока въ крови черты изображаютъ;
Обвившись змій кругомъ, гортань его грызетъ.
Кто отрокъ сей? Монархъ ко старцу вопіетъ.
Я зрю жену надъ нимъ рыдающу, стенящу,
Терзающу власы, и жизнь пресѣчь хотящу. . .
Ты видишь мать его, вѣщаетъ Вассіянъ,
Се сынъ твой! се твоя супруга, Іоаннъ!
О славолюбія неслыханное дѣйство!
Корысти поострятъ убійцевъ на злодѣйство;
Димитрій въ юности увянетъ, яко цвѣтъ.
Царь стонетъ, и едва на землю не падетъ;
Но силы вдругъ его пустынникъ подкрѣпляетъ;
Во свѣтлыхъ небесахъ Димитрія являетъ.
Скрѣпися, рекъ Царю, во славѣ сына зри,
Какой не многія причастны суть Цари;
Неувядаему корону онъ получитъ,
Во адѣ вѣчный огнь его убійцевъ мучитъ.

Спокоило Царя видѣніе сіе;
Но гдѣ, онъ вопросилъ, потомство гдѣ мое?
Какъ вихремъ нѣкакимъ мгновенно раздѣлились,
Вдругъ многія листы во книгѣ преложились.
Не все изпытывай, пустынникъ рекъ Царю;
Я вѣтьви твоего потомства отворю:
Се твой на тронѣ сынъ! не буди безотраденъ;
Но въ немъ изсякнетъ кровь, онъ кончитъ жизнь безчаденъ.
Со стономъ Іоаннъ, потупя взоръ, молчалъ;
Потомъ на небеса взирающій вскричалъ:
Ты Боже! строишь все, Твоя да будетъ воля!
Тобой предписана моя мнѣ въ жизни доля;
Но мучится мой духъ, и слезный токъ течетъ,
Что корень Рюриковъ судьбина пресѣчетъ.
Не сѣтуй! старецъ рекъ: твой плодъ не изтребится,
Но долженъ въ нѣдра онъ на время углубиться;
Въ благословенной онъ утробѣ прозябетъ,
И выступитъ потомъ торжественно на свѣтъ;
Отъ вѣтви, Царскому колѣну пріобщенной,
Изыдутъ отрасли въ Россіи возмущенной;
Какъ сильный кедръ, они до облакъ возрастутъ,
Народы ликовать подъ сѣнь его придутъ;
Россія возгремитъ, и славу узритъ нову;
Но нынѣ обрати твой взоръ ко Годунову,
И другъ и родственникъ онъ сына твоего;
По немъ пріемлюща ты зришь вѣнецъ его;
Ты видишь вкругъ его рѣкою кровь текущу,
Стенящу истинну, невинность вопіющу.
Царь въ черныхъ мракахъ зритъ преемника сего.
Какъ облакъ носится печаль кругомъ его;
Не веселитъ души ни трономъ онъ, ни славой:
Рукою держитъ мечь, другой сосудъ съ отравой;
Крѣпитъ на тронѣ власть кровавымъ онъ перомъ;
Но видитъ молніи, вдали внимаетъ громъ;

Сму-

Смущенныя глаза на тучу взводитъ черну,
И Годунова тронъ подобенъ зрится терну.
Кто дни спокойствія Царева погасилъ,
У Вассіяна Царь со стономъ вопросилъ?
Раскаянье и грѣхъ, пустынникъ отвѣчаетъ.
Убійца Дмитріевъ отравой жизнь скончаетъ.
Смотри, какъ дѣйствуетъ въ его утробѣ ядъ;
Отрепьева на тронъ Поляки протѣснятъ,
Димитрій убіенъ, но имянемъ возстанетъ;
Отмщенье въ образѣ чернца перуномъ грянетъ,
И сына Царскаго на тронѣ умертвитъ.
Но горести въ Москвѣ Отрепьевъ оживитъ;
Не есть и не было толикихъ золъ примѣра:
Благочестивая тѣснима зрится вѣра;
Въ Россіи тишина изчезла, яко дымъ,
Тамъ страждетъ Патріархъ въ темницѣ Іакимъ;
Латынской вѣрою и лестью упоенный,
Игнатій жезлъ беретъ и санъ первосвященный;
Ко благочинію утратилась любовь;
Сыновъ отечества рѣкой ліется кровь.
Изъ рукъ Отрепьева перунъ въ столицѣ грянулъ;
Но Шуйскій на него съ мечемъ отъ сна возпрянулъ:
Онъ пламенникъ нося, отъ Россовъ гонитъ страхъ,
Предавъ огню чернца, его развѣялъ прахъ.
Ты видишь Шуйскаго, носящаго корону;
Но зло къ Россійскому прильнетъ, какъ язва, трону.
Междоусобіе въ Россіянахъ горитъ;
Се жало на него Боярска злость остритъ.
Забвенна древняя твоимъ народомъ слава;
На царство Польскаго онъ призвалъ Владислава;

И въ ризу черную Василій облеченъ,
Постриженъ, и врагамъ отечества врученъ.
Все царство мракъ покрылъ; ищи въ темницѣ свѣта!
Являетъ онъ Царю въ оковахъ Филарета;
Въ темницу вверженный, но въ ней неустрашимъ,
Изъ Польши вопіетъ къ собратіямъ своимъ,
Дабы въ любви сердца къ отечеству крѣпили,
Вѣнца Россійскаго Литвѣ не уступили;
Нещастный старецъ зритъ оковы, пламень, мечь;
Безсильна смерть его къ предательству привлечь;
Онъ славу соблюсти отечество заставитъ,
И пастырствомъ свой санъ въ Москвѣ потомъ прославитъ.
Но мракъ скрывается; зри! солнечный возходъ;
Романовыхъ грядетъ отъ Филарета родъ;
Явится въ полномъ онъ сіяньи при началѣ,
И больше свѣта дастъ, чѣмъ въ вѣчность пройдетъ далѣ.
Увы! доколь заря въ Россіи не взойдетъ,
На всю твою страну глубокій мракъ падетъ!
Се тронъ колеблется хранимый многи вѣки;
Москву наполнили Поляки, будто рѣки;
Забвенны древнія природныя Князья;
Ты стонешь, Іоаннъ! стеню и плачу я!
Иноплеменники Москвою овладѣли . . .
При семъ видѣніи небесны своды рдѣли;
Опустошенныя являются поля;
Кровавыя кусты, багровая земля;
Разтерзанны тѣла гробовъ не обрѣтаютъ,
И птицы хищныя надъ ними вкругъ летаютъ.
Отрынула Москва отъ персей томныхъ чадъ.
Къ Россійскимъ ратникамъ приходитъ блѣдный гладъ,
Мечи изъ рукъ падутъ, душевны слабнутъ силы;
Преобращаются вкругъ стѣнъ шатры въ могилы;
И гладъ бы пламенно геройство погасилъ,
Когда бы Мининъ ихъ сердецъ не воскресилъ.

Сей

Сей другъ отечества на бурю взоръ возводитъ;
Беретъ сокровища, къ Пожарскому приходитъ;
Богатство тлѣнъ и прахъ, но славно есть оно,
Коль будетъ общему добру посвящено.
Позналъ имѣнія такую Мининъ цѣну;
Онъ злато изострилъ, дабы попрать измѣну;
Россійской храбрости удерживаетъ вѣсъ,
И се разитъ Орла Россійскій Геркулесъ!
Какъ бурный вихрь Москву Пожарскій окружаетъ,
Кидаетъ молніи, Поляковъ поражаетъ;
Съ другой страны даритъ отечеству покой,
Бросая громъ на нихъ Димитрій Трубецкой.

Сей родъ со времянемъ съ тѣмъ родомъ съединится,
Отъ коего пѣвецъ Казанскихъ дѣлъ родится;
Родиться въ свѣтъ ему судьбина повелитъ,
Гдѣ Польшу бурный Днепръ съ Россіею дѣлитъ.
Прости, коль онъ тебя достойно не прославитъ,
Любовь къ отечеству писать его заставитъ.

Но взоры Іоаннъ къ Героямъ устреми,
И черную печаль отъ сердца отъими;
Пожарскій съ Трубецкимъ побѣду возвѣщаютъ;
Женутъ враговъ, разятъ, и въ бѣгство обращаютъ.
Очистились теперь отъ мрака небеса,
Москвѣ возвращена и слава и краса;
Пожарскому вѣнецъ народомъ поднесется,
Но сей великій мужъ отъ царства отречется,
И сею кротостью Монарховъ превзойдетъ;
Избрать Романова на царство дастъ совѣтъ!
Въ уединеніе потомъ возхощетъ скрыться;
И Филаретовъ сынъ со славой воцарится.

Смотри, какъ мать ему принять вѣнецъ претитъ;
Колеблемый престолъ душѣ ея не льститъ,
И сына образу въ слезахъ она вручаетъ;
Сигклитъ его беретъ, и бармами вѣнчаетъ:

На царство отрокъ сей торжественно вступилъ,
И жало страшнаго дракона притупилъ;
Склоненную главу при немъ подъемлетъ царство,
И оградилося спокойствомъ государство.
Прiемлетъ сынъ его корону Алексѣй;
Законодателемъ владѣтель будетъ сей,
Благоустройство онъ даетъ своей державѣ.
Уготовляется Россiя къ новой славѣ.
Преемникомъ своимъ онъ сына наречетъ;
Но смерть Ѳеодора въ цвѣтущи дни сѣчетъ.
Горька отечеству такая будетъ трата,
Оставитъ по себѣ юнѣйшаго онъ брата.

Что вижу? Царь вскричалъ: Что вижу я? Скажи!
Родятся новыя въ Россiи мятежи:
Зрю вкупѣ двухъ Царей, я вижу двѣ короны;
Трепещетъ стольный градъ, трепещутъ Царски троны!
Расторглось дружество и братская любовь;
Въ Москвѣ грабежъ и вопль, течетъ по стогнамъ кровь.
Кто сей нещастный мужъ на крестъ въ слезахъ взираетъ,
И за власы влекомъ, на копьяхъ умираетъ?
Кто хитрая сiя и гордая жена,
Мнѣ видится въ вѣнцѣ мечемъ воружена?
Вiющися змiи свои разверзли зѣвы,
Хотящи жалами язвить уста Царевы.
Но вдругъ печальная простерлась тишина,
Междоусобная укрощена война;
Кто отрокъ сей, скажи, что громы взявъ рукою,
Разитъ мятежниковъ для общаго покою?
Коварство плачуще у ногъ его лежитъ,
Злоумышленiе отъ стрѣлъ его бѣжитъ.
Но что? не новыяль раждаются народы;
Иль въ годъ вмѣстилися безчисленныя годы?
Столицу вижу я, но вижу не мою!
Съ Москвѣ Россiянъ зрю, но ихъ не узнаю!

Се Царь, оставивъ тронъ, простеръ къ работѣ руки;
Цвѣтутъ кругомъ его художества, науки,
Или я вижу сонъ, или мутится взглядъ?
Се вдругъ раждается у Белта пышный градъ!
Скажи, коликими созижденъ онъ Царями?
Единымъ! . . . Сей единъ да чтится олтарями! . . .
Державу осѣнитъ сей мужъ, какъ нѣкій кедръ. . . .
Се Богъ, иль человѣкъ? . . . Се твой потомокъ, Петръ!
Онъ людямъ дастъ умы, дастъ чувства нравамъ дикимъ,
Россіи нову жизнь, и будетъ слыть Великимъ.
Свѣтило оное въ началѣ мракъ затмитъ.
Сестра противъ него коварства устремитъ;
Ты видишь, какъ она владѣть престоломъ жаждетъ!
Москва отъ хитрости Софіи гордой страждетъ:
Стрѣльцы Матвѣева безвинну кровь ліютъ,
Се! чашу смертную Нарышкины піютъ.
Но зри Петра своимъ народомъ окруженна;
Его перуномъ злость и гордость пораженна:
Се гонитъ онъ за Днепръ съ полей Полтавскихъ Льва;
И видитъ новый градъ во дни его Нева.
Парящимъ онъ орломъ въ чужихъ странахъ явился,
И свѣтъ его трудамъ и свойствамъ удивился;
Превыше смертныхъ силъ подъемлетъ онъ труды;
Се флотъ, се воинство, науки, и суды!
Его перунъ въ моряхъ, и громъ на сушѣ грянулъ;
Но въ самыхъ торжествахъ сей мудрый Царь увянулъ! . .
Смущенъ пріятною и жалостной мечтой,
Воскрикнулъ Іоаннъ: О грозна смерть! постой!
Оставь потомка мнѣ! Но свѣтъ Петра объемлетъ,
И Царь сіи слова отъ Вассіяна внемлетъ:
Сей мужъ великими дѣлами долго жилъ,
И жизнямъ Богъ предѣлъ и славѣ положилъ;
Пресвѣтлый духъ Петровъ на небо преселится;
Но онъ въ другомъ лицѣ на землю возвратится.

Познаетъ свѣтъ, когда его прервется вѣкъ,
Лишь только по тому, что былъ онъ человѣкъ;
Во всей подсолнечной сей мужъ себя прославитъ,
И въ плачѣ по себѣ Россію всю оставитъ.
Образованіе душѣ и славѣ сей,
Въ крови Нарышкиныхъ устроитъ Алексѣй;
Примѣромъ нашего онъ будетъ полукруга.
Взойдетъ на Царскій тронъ по немъ его супруга;
И славы странъ твоихъ пріумножая звукъ,
Оставитъ Аннѣ тронъ его безчадный внукъ. . .
И се Россійскаго къ усугубленью свѣта,
Петрова Дщерь грядетъ на тронъ Елисавета;
Ознаменуется правленіе сіе,
Щедротой, щастіемъ и кротостью ее;
При ней разторгнутся наукъ словесныхъ узы,
Россію посѣтятъ возлюбленныя Музы;
Сѣдящи миртовыхъ древесъ въ густой тѣни,
Уже поютъ онѣ свои златыя дни;
Подъ скипетромъ ея шумятъ обильны нивы,
Вокругъ ея цвѣтутъ и лавры и оливы;
Науки видимы какъ новый виноградъ;
Шуваловъ ихъ раститъ, Россійскій Меценатъ.
Но кое зрѣлище въ восторгѣ мой духъ приводитъ?
Свѣтило новое въ странѣ полночной всходитъ,
Вѣщаетъ Іоаннъ. . . . Теряется мой взоръ;
Колики радости, какой торжествъ соборъ! . . .
Се! лучшая временъ, пустынникъ рекъ, судьбина,
Пріемлетъ царствія вожди ЕКАТЕРИНА;
Премудрость съ небеси въ полночный край грядетъ,
Блаженство на престолъ въ лицѣ ея взведетъ.
Какъ огнь предъ Ней любовь отечества пылаетъ;
Любовь цвѣтами путь Ей къ трону устилаетъ;
Тѣсна Ея лучамъ обширная страна,
Должна бы озарять вселенну всю Она;

Боже-

Божественны Она народамъ дастъ уставы,
Гласящи подданныхъ и Государей правы;
Содѣйствуетъ Ея намѣреніямъ Богъ;
Устроитъ совѣсти и милостямъ чертогъ.
Она стенанію вдовицъ и сирыхъ внемлетъ,
Нещастливыхъ дѣтей на рамена пріемлетъ,
Питаетъ, грѣетъ ихъ, имъ нову жизнь даетъ;
Судя преступниковъ, какъ Метерь слезы льетъ;
Дать подданнымъ покой, лишается покою,
И щедрости ліетъ на всѣхъ людей рѣкою.
Учися царствовать, учися ты у Ней;
Будь подданнымъ отцемъ и жизни ихъ жалѣй!
Какъ крины процвѣтутъ въ Ея державѣ грады,
Упьются тишиной, насытятся отрады;
Училища при ней какъ маслины цвѣтутъ;
Куда свой взоръ прострётъ, сіяетъ благо тутъ.
Въ великой сей душѣ вмѣщенная Россія,
Преобразивъ свой видъ, увидитъ дни златыя.
ЕКАТЕРИНА всѣмъ духъ кротости внушитъ.
Что въ мысляхъ Петръ имѣлъ, то дѣломъ совершитъ;
Отъ гордыхъ пирамидъ и титловъ отречется,
Но Матерью Она сердцами наречется;
Прибѣжищемъ Она народамъ будетъ всѣмъ:
Пріидутъ къ ней Цари, какъ въ древній Виѳліемъ,
Не злато расточать, не зданіямъ дивиться
Пріидутъ къ ней Цари; но царствовать учиться.
Блаженствомъ озаритъ отечество Она,
Въ трудахъ Ея найдутъ Аврора и Луна.
Но буря бранная правленіе тревожитъ,
Шумитъ, и тѣмъ лучи вѣнца и трона множитъ;
Кротка въ отечествѣ, премудра въ тишинѣ,
Явилась грозною и страшной на войнѣ;
Чрезъ дальныя моря восточнымъ движитъ краемъ,
Вѣнцы и славный миръ пріемлетъ за Дунаемъ.

Зри новый на челѣ ЕКАТЕРИНЫ лавръ,
Составятъ сей вѣнецъ Херсонъ и древній Тавръ.
Восточну трепетать Луну она заставитъ,
И миролюбіемъ вездѣ себя прославитъ.
Безплоднымъ цвѣсть полямъ въ отечествѣ велитъ;
Расширивъ свой предѣлъ, народы въ немъ селитъ;
Въ пространствѣ черныя восточныя пучины,
Шумитъ названіе Второй ЕКАТЕРИНЫ,
Россійски корабли черезъ Босфоръ летятъ,
Югъ, западъ и востокъ, весь сѣверъ богатятъ.
Увеселятъ Ее не лавры, не оливы,
То сердце усладитъ, что подданны щастливы;
Утѣшитъ страждущихъ, нещастныхъ оживитъ;
Побѣдой возгремѣвъ, щедротой удивитъ;
Возвыситъ разумы, Она исправитъ нравы,
Достигнетъ мудростью до высочайшей славы!
Се Павелъ! старецъ рекъ, душа ея и кровь;
Зри! коль сильна къ нему народная любовь;
Се смерть въ цвѣтущій вѣкъ идетъ къ нему съ косою,
Народъ потокомъ слезъ, омылся какъ росою;
Проникнулъ небеса ЕКАТЕРИНИНЪ стонъ,
И паки возвращенъ и Ей и Россамъ Онъ,
И вскорѣ томная утѣшилась Россія.
Се! входитъ съ Павломъ въ бракъ прекрасная Марія.
Ликуй со мною Царь и веселися ты,
Се вѣтви возрасли отъ корня сей четы;
О коль возлюбленны! о коль они прекрасны!
И вѣки потекутъ въ Россіи безопасны.
Цвѣтами въ честь для нихъ украсились поля,
И въ даръ приноситъ имъ богатый плодъ земля;

Отъ-

Отверзлась полная сокровищей пучина;
Вѣнчанна славою, цвѣтетъ ЕКАТЕРИНА. . . .

Благополучіе познать полночныхъ странъ,
Желалъ еще взглянуть во книгу Іоаннъ;
Но вдругъ огонь блеснулъ! Царь къ старцу обратился;
Олтарь затрепеталъ, и мракъ надъ нимъ сгустился.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Отверзъ небесну дверь Денницы перстъ златой,
Румяная заря встрѣчалась съ темнотой;
Гдѣ кисть густую тѣнь отъ свѣта отличаетъ,
Тамъ зрѣніе черты межъ ими не встрѣчаетъ;
Смѣшенье сходное при утренних часахъ,
Въ сліянномъ съ нощью дни являлось въ небесахъ;
Мракъ тонкій изчезалъ, сіяніе раждалось,
И каждо бытіе со свѣтомъ пробуждалось.
Тму гонитъ съ небеси пріятная заря;
Видѣнье гнало прочь печали отъ Царя:
Изъ храма Іоаннъ съ пустынникомъ выходитъ,
И зрѣніе кругомъ съ вершины горъ обводитъ;
Сквозь чистый воздухъ зритъ пріятныя поля.
Тамъ нѣжной зеленью одѣлася земля,
И представлялася цвѣты производяща,
Какъ въ первый разъ изъ рукъ Господнихъ изходяща;
Зефиры тихія играютъ по лѣсамъ,
И свѣжесть отдаютъ землѣ и небесамъ;
Поля жемчужною росою орошенны,
Со мрачностью ночной бѣгутъ пары сгущенны.

Ког-

Когда бесѣдовалъ съ Монархомъ Вассіянъ,
Сокрылись ужасы отъ сихъ угрюмыхъ странъ,
И дождь, небесный дождь, лѣсовъ и горъ питатель,
Прохлады алчущимъ, и жизни былъ податель:
Какъ будто старцевыхъ внимая силѣ словъ,
Рѣкою зашумѣлъ изъ хладныхъ облаковъ;
Долины томныя и рощи оживились,
Былинки напились, цвѣты въ лугахъ явились;
Лазоревый покровъ одѣлъ поверхность горъ.
Взводя на все сіе Монархъ веселый взоръ,
Вѣщалъ: Великій Богъ! о коль Тебѣ не трудно
Во свѣтѣ то творить, что дивно намъ и чудно!
Но трудно намъ Твои щедроты заслужить;
Ты Богъ! и Бога мы умѣемъ раздражить:
　　Глубоку мысль сію питай всегда о Богѣ.
Но, старецъ рекъ, иди, твой станъ теперь въ тревогѣ;
Иди! друзей твоихъ, и войски успокой,
Неизреченною страдающи тоской;
При семъ не забывай ужаснаго видѣнья:
Твой Богъ тебѣ Отецъ; ты будь отцемъ владѣнья!
Премудрый Царь почтенъ, хотя нещастенъ онъ;
Не злоключенія, пороки зыблютъ тронъ.
　　Пріосѣнивъ Царя, съ горы его низводитъ,
Гдѣ спящаго въ травѣ Алея Царь находитъ;
Се вѣрный рабъ тебѣ! Монарху старецъ рекъ,
Не въ дружбѣ, но въ любви онъ слабый человѣкъ;
Люби и чти его! . . . Алей свой сонъ оставилъ.
Сокрылся Вассіянъ.... Царь къ войску путь направилъ;
И слезы радостны лія рѣкой изъ глазъ,
По бѣдствахъ видъ являлъ спокойный въ первый разъ.
　　Во станѣ между тѣмъ, лишь Царь въ нощи сокрылся,
Неизреченный страхъ, и ужасъ воцарился;
Адашевъ по шатрамъ ходилъ какъ внѣ ума,
Ему казалася мрачняе нощи тма,

Колеблема земля, по коей онъ ступаетъ;
Молчитъ, языкъ его къ гортани прилипаетъ;
Трепещетъ какъ тростникъ, во всѣ страны смотря,
Не смѣетъ вымолвить, что нѣтъ нигдѣ Царя;
Онъ рыщетъ по лѣсамъ, на холмы онъ взбѣгаетъ,
Услышать ходъ Царевъ, къ землѣ онъ прилегаетъ;
Не внемлетъ и не зритъ! . . . Толико грозный рокъ
Надолго скрытися отъ воинства не могъ:
Царево тайное отсутствіе познали;
Винить бѣдой своей другъ друга начинали;
Претерпѣвающи злощастье многи дни,
Въ сей часъ нещастными почли себя они;
Печали, гладъ, тоска, гоненья, скорби люты,
Явились страшны имъ, лишь только съ сей минуты.
Гдѣ Царь нашъ? Гдѣ нашъ другъ? повсюду вопіютъ;
Умолкнутъ вдругъ, и токи слезъ ліютъ! . . .
Но ратниковъ въ сей часъ внимая сокрушенью,
Послали Небеса прохладу къ утѣшенью:
Древами зашумѣлъ зефиръ издалека,
И многоводныя надвинулъ облака,
Которы въ воздухѣ, какъ горы вкругъ ходили,
Сперлись, и вдругъ поля и рощи одождили.
Владѣющій до днесь Ордынскою страной,
Отъ вѣтровъ прячется подъ жаркій поясъ зной;
Цвѣты и былія въ долинахъ оживали;
А ратники Царя лишенны унывали;
Омытые дождемъ среди своихъ прохладъ,
Вѣщали: Зной пошли, о Небо! намъ назадъ;
Да голодъ насъ мертвитъ, и жажда несказанна,
Лишь только намъ отдай обратно Іоанна!
Разсыпались они по дебрямъ и лѣсамъ,
И возсылали гласъ плачевный къ Небесамъ:
Отдайте горы намъ! Царя, они взываютъ;
Изъ рощей, изъ пещеръ Монарха призываютъ;

Но

Но разносящійся повсюду звучный гласЪ,
ИмЪ будто отвѣчалЪ: Монарха нѣтЪ у насЪ.
СЪ вечернія зари до утренней ходили;
БезстрашнымЪ, тропки имЪ сумнѣнье наводили.
Уже отЪ свѣтлыя зари скрывалась тѣнь,
Луна подЪ землю шла, и воцарялся день;
АдашевЪ, слѣдуя склоненію Цареву,
Рыдая шелЪ кЪ тому развѣсистому древу,
ПодЪ коимЪ ІоаннЪ вЪ нощи видѣнье зрѣлЪ.
ОнЪ шлемЪ и мечь его подЪ древомЪ усмотрѣлЪ,
Которыя МонархЪ вЪ забвеніи оставилЪ,
Когда кЪ пустыннику сЪ АлеемЪ путь направилЪ.
Какое смутное видѣнье для его!
Кипяща кровь сперлась вкругЪ сердца у него;
Воскрикнуть хощетЪ онЪ, но не имѣетЪ мочи;
Остановилися стопы его и очи.
Такое зрѣлище, какЪ острая стрѣла,
Пронзило грудь его и сердце сквозь прошла;
ОнЪ руки кЪ небесамЪ трепещущи возноситЪ,
Истолкованія вЪ семЪ дѣлѣ темномЪ проситЪ;
ВзрыдалЪ, и предЪ собой воителей узрѣлЪ!
КакЪ хладный истуканЪ, на нихЪ Герой смотрѣлЪ;
Воители его болѣнью сострадаютЪ,
Бія во грудь себя, на землю упадаютЪ.
Волнующійся духЪ вЪ Адашевѣ утихЪ,
И вопрошающу о Іоаннѣ ихЪ,
ОбЪемлющи его колѣни повторяли:
Увы! и мы Царя Алея потеряли!
Тогда повѣдаютЪ гонимы рокомЪ злымЪ,
Свое свиданіе и разлученье сЪ нимЪ;
Адашева вЪ тоскѣ ихЪ повѣсть утѣшаетЪ,
ОнЪ кЪ рощѣ, гдѣ Алей сокрылся, поспѣшаетЪ;
ЛетитЪ чрезЪ холмы онЪ, желаніемЪ горя,
И зритЪ вдали, онЪ зритЪ идущаго Царя!

Какъ огнь влечетъ къ себѣ свѣтильникъ обозженный,
Такъ былъ къ Царю влекомъ Адашевъ восхищенный;
Онъ будто Ангела сходяща зрѣлъ съ небесъ,
Въ объятія къ Царю повергся съ токомъ слезъ.
Ты вѣрнымъ другомъ быть, вѣщаетъ Царь, умѣешь;
Единаго искавъ, ты двухъ друзей имѣешь:
Объ отлученіи моемъ не сожалѣй,
Не плачь; я здравъ, и вѣренъ намъ Алей.
Тѣ рѣчи общее спокойство увѣнчали.
Зефиры къ воинству слова на крыльяхъ мчали;
Пріятнѣй вѣсть была зари лучей злашыхъ,
И сладостнѣй дождя по многихъ дняхъ сухихъ;
Свѣтлѣе небеса и солнце появилось;
Вѣщаньемъ о Царѣ все войско оживилось.
Пришелъ нашъ Царь! пришелъ! повсюду вопіютъ;
Имъ взгляды Царскія пріятну жизнь даютъ;
Касаясь ризъ его, стопы его лобзаютъ,
И воплемъ радостнымъ небесный сводъ пронзаютъ.
Какъ токомъ водъ Мойсей пустыню усладилъ,
Которы онъ жезломъ изъ камня изцѣдилъ:
Подобно Царскій взоръ, едино къ войскамъ слово,
Прохладу имъ даютъ, покой и щастье ново;
Его присутствіе блаженство принесло;
Воскресли радости и спало мертво зло.
Внимая грому трубъ Россійскихъ смутны Орды,
Престали дерзки быть, престали быти горды.
Какъ юница падетъ къ стопамъ идуща льва,
Простерлись предъ Царемъ Кокшайцы и Мордва;
Приходятъ, въ дань ему корысть и жизнь приносятъ,
За наглости свои они прощенья просятъ,
Вѣщая искренно, что двигли ихъ на брань,
И суевѣріе, и гордая Казань;
Два мрака души ихъ и очи ослѣпили,
Что въ буйности они къ измѣнѣ приступили;

Но

Но совѣсть изгнала вражду изъ ихъ сердецъ,
И быть они хотятъ рабами наконецъ.
Со умиленіемъ Монархъ просящимъ внемлетъ,
И въ подданныхъ число своихъ враговъ пріемлетъ.
Тогда наполнился ущербъ его полковъ,
Донынѣ множимый отъ скорби и враговъ;
На мѣсто страждущихъ, на мѣсто умерщвленныхъ,
Онъ видитъ храбростью людей одушевленныхъ.
Такое диво зрѣлъ въ Калхидіи Язонъ,
Когда, разсѣя тамъ зміины зубы онъ,
Увидѣлъ шлемы вдругъ, щиты, мечи блестящи,
И войски изъ земли, какъ класы изходящи.
Кочующи Мурзы, внимая славы шумъ,
Потупили глаза, унизивъ гордый умъ;
Изъ подъ Казанскаго разторженна покрова,
Отъ молніи, что ихъ разить была готова,
Подъ сѣнь оружія Царева притекли,
И тамъ пристанище отъ бурей обрѣли.
Склонилися къ нему Висей со Еникеемъ,
И Царь отнынѣ сталъ ихъ другомъ, не злодѣемъ.
Какъ бурная рѣка со воинствомъ своимъ,
Къ Свіяжску двигнулся, и страхъ пошелъ предъ нимъ;
И се составились, о дивная премѣна!
Махометанскія съ Россійскими знамена.
Уже какъ два крыла раскинувый орелъ,
По воздуху съ дѣтьми, такъ Царь на брань летѣлъ;
Подобны тучамъ двумъ двѣ зрѣлись войска части,
Предохраняющи Россію отъ напасти.
Когда вступилъ Герой въ Свіяжскія поля,
Ликующей ему представилась земля;
Которыхъ жители Россіи покорились,
Тѣ селы въ тишинѣ какъ садъ изобразились;
Щедротой ихъ привлекъ въ покорство Іоаннъ:
Изчезла злоба ихъ противу Христіянъ;

Не изнуренныя ни данью, ни трудами,
Между великими покоятся скирдами;
ТамЪ нивы тучныя, тамЪ сладкiя плоды,
Являли роскоши и щастiя слѣды;
Среди прозрачныхЪ водЪ, вЪ лугахЪ, вЪ долинахЪ мирныхЪ,
Являются стада воловЪ и агнцевЪ жирныхЪ;
ПодЪ тѣнiю древесЪ вѣнки пастушки вьютЪ,
Прiятну жизнь онѣ и нѣжности поютЪ.
ТамЪ ризу пеструю раскинула природа;
Написанна вЪ очахЪ у всѣхЪ цвѣла свобода;
Встрѣчаютъ воинство, за войскомЪ идутЪ вЪ слѣдЪ,
Усердны жители нося млеко и медЪ.
Какое двухЪ державЪ несходство предлежало!
Увеселивъ глаза, оно сердца сжимало,
И горесть во слезахЪ на воиновЪ воззрѣвЪ,
Умножила вЪ Царѣ стремленiе и гнѣвЪ;
Не смѣлЪ ни зной, ни вихрь вЪ пути его тревожить,
Но радость общую и Царскую умножить,
Едва полки вЪ СвiяжскЪ оружiя внесли,
И войски водныя ко брегу притекли,
Се вопль, веселый вопль, небесный сводЪ пронзаетЪ!
ОтЪ волнЪ спасеннаго какЪ сына мать лобзаетЪ:
СЪ такимЪ восторгомЪ Царь пловущихЪ цѣловалЪ,
КоторыхЪ потерять на вѣки уповалЪ.
　　УмысливЪ дать примѣрЪ Казани горделивой,
Едва вступилЪ вЪ СвiяжскЪ сей Царь миролюбивой,
Со увѣщанiемЪ и кротостiю словЪ,
Оливну вѣтвь вручивЪ, послалЪ туда пословЪ;
ВелѣлЪ мятежникамЪ кичливыя Казани
МирЪ вѣчный предложить, или кровавы брани.
　　Ведущая меня донынѣ на ПарнасЪ,
О Муза! укроти на время звучный гласЪ.
Послы грядутЪ вЪ Казань со миромЪ, не сЪ войною;
ВЪ сей градЪ, мятежный градЪ, прейди и ты со мною;

Пе-

Повѣдай прежнихъ бѣдствъ Алеевыхъ вину;
Развратъ представь очамъ; дай лиру, пѣть начну!
Подъ лунною чертой духъ темный обитаетъ,
Который день и нощь по всѣмъ странамъ летаетъ;
Раждаетъ онъ вражды между земныхъ Князей,
Раждаетъ мятежи, разрывы межъ друзей;
Онъ вноситъ огнь и мечь въ священные законы,
Гражданску точитъ кровь, колеблетъ Царски троны;
Сердца тревожитъ онъ, супружни узы рветъ;
Всѣхъ мучитъ, всѣхъ крушитъ: Развратомъ онъ слыветъ. безбожіемъ
Сей духъ существовалъ при сотвореньи неба,
Единородный сынъ и Нощи и Ереба;
Во мракѣ утаясь, сіянье похищалъ,
Молчащу тишину, ставъ бурей, возмущалъ;
Во мразѣ кроюся, сражался съ теплотою;
Онъ воздухъ устремлялъ на брань съ водой густою.
Когда въ Едемѣ жилъ безбѣдно человѣкъ,
Во древѣ знанія сокрылъ желѣзный вѣкъ;
Надъ нашимъ праотцемъ, праматерью прельщеннымъ,
Плодомъ возликовалъ вкушенью запрещеннымъ;
На шарѣ здѣшнемъ онъ отъ тѣхъ времянъ живетъ;
Гнѣздилище его и царство цѣлый свѣтъ.
Онъ сѣетъ тамо зло, гдѣ только есть народы;
Пустыни гдѣ найдетъ, мутитъ съ песками воды;
Дыхаетъ пламенемъ изъ чрева онъ земли;
Бросаетъ въ ярости о камень корабли;
Въ пучинѣ воздуха онъ яды разтравляетъ;
Онъ движитъ бурями, и громы составляетъ;
Болѣзни, горести, земное каждо зло,
Отъ мрачныхъ чреслъ его въ сей міръ произтекло.
Безбожіе во тму бездонну погруженно,
Лежало будто бы перуномъ пораженно;
Кометѣ пламенной его подобенъ видъ;
Терзали грудь его досада, гнѣвъ и стыдъ.

От-

Отчаянны глаза на небеса возводитъ,
И паки въ новыя злоумышленья входитъ,
Вѣщая: Нѣтъ! Москвѣ не дамъ торжествовать!
Смущу Казань! смущу! адъ будетъ ликовать!
И страшный пламенникъ рукой дрожащей емлетъ;
Изъ вѣчной тмы ползетъ, главу свою подъемлетъ;
Шипящи у него ехидны вкругъ чела,
Являли ярость всю разтравленнаго зла;
Куда ни ступитъ, все мертвитъ и пожигаетъ;
Въ свирѣпствѣ таковомъ къ Разврату прибѣгаетъ:
Чего ты мѣшкаешь? со стономъ вопіетъ;
Въ пріятной тишинѣ покоится весь свѣтъ;
Казань безпечною любовью услажденна,
Иль скоро быть должна Россіей побѣжденна,
Или не устыдясь невольническихъ узъ,
Съ Москвою рабственный содѣлаетъ союзъ;
Настанетъ вѣчный миръ! Почто, почто коснѣешь?
Стыдись, что званіе Разврата ты имѣешь;
Смутилъ бы я весь міръ, но дѣло то твое:
Для сихъ похвальныхъ дѣлъ имѣешь бытіе.
Безбожіе Развратъ къ злодѣйству ополчаетъ,
И пламенникъ ему изъ рукъ своихъ вручаетъ,
Со скрежетомъ сказавъ: Гряди! гряди въ Казань,
И тамо сѣй раздоръ, мятежъ, измѣну, брань! . . .
Ко поднебесности восточной уклонился,
И огненной змѣей Развратъ въ Казань спустился:
Спокойствомъ упоенъ узрѣлъ Сумбекинъ взоръ;
Но въ грудь ея взглянувъ, прочелъ на ней притворъ,
Примѣтилъ скрытую у ней на сердцѣ рану,
Къ Алею хладъ одинъ, но всю любовь къ Осману.
Тогда объемля градъ своихъ пространствомъ крилъ,
Съ Сумбекой на вражду Османа онъ смирилъ.
Любовной страстію Царица ослѣпленна,
Не зрѣла бездны той, въ котору углубленна;

И

И терна межъ цвѣтовъ не чувствуя она,
Склонила злобнаго къ совѣтамъ Сагруна;
Нескромностью болѣзнь сердечну облегчала;
Нещастная! она злодѣю мечь вручала;
Призналась во своей мучительной любви,
Возобновленный жаръ явила во крови;
Но миръ уставленный, пріятный миръ съ Османомъ,
Желала прикрывать лукавствомъ и обманомъ;
Повѣдала притомъ предвозвѣщанья тѣ,
Которы ей изрекъ супругъ ея въ мечтѣ,
Что грома страшнаго не будетъ слышно брани,
Доколѣ Царь Алей не выдетъ изъ Казани,
Коль мнѣ изгнать его, возкрикнула она,
Мгновенно закипитъ кровавая война;
Когда съ нимъ купно жить, и здѣсь Царя оставить,
Спокойства сладкаго не можно мнѣ уставить;
Что дѣлать, и къ чему нещастной прибѣжать?
Того люблю, того не смѣю раздражать.

Сагрунъ, который ихъ какъ тартаръ ненавидѣлъ,
Внимая тѣ слова, вблизи надежду видѣлъ;
Надежду лестную, котора наконецъ,
Казанской для него готовила вѣнецъ;
Густыми мраками онъ хитрости увился,
Недоумѣющимъ, задумчивымъ явился;
Непоказующій премѣны никакой,
Нахмуренно чело дрожащей теръ рукой;
Потомъ какъ будто бы смущаясь и робѣя,
Вѣщалъ: Усилила Царица ты Алея;
Мы бременемъ его руки угнѣтены;
Кѣмъ сѣти для него быть могутъ сплетены?
Я только то скажу, что жалость я имѣю;
Но далѣ вѣщать не стану и не смѣю.

Вѣщай, и не страшись, Сумбека вопіетъ;
Ахъ! Естьли грѣхъ любить, такъ цѣлый грѣшенъ свѣтъ;

Увы, нещастная! но я вѣнца лишуся,
Когда отсель изгнать Алея соглашуся;
Слова пророчески могу ль пренебрегать?
Могу ли бѣдная Османа убѣгать?
Сумбека мучилась, Сумбека тосковала,
И полу у раба рыдая цѣловала.
Къ толикимъ низостямъ приводитъ нѣжна страсть!
Влекущій по цвѣтамъ Сумбеку въ злу напасть
Сагрунъ, потупясь, рекъ: Нещастная! тобою,
Твоей любовію, и лютою судьбою,
Разтрогалась душа; подамъ тебѣ совѣтъ;
Но можетъ быть его почтетъ жестокимъ свѣтъ;
Однако гдѣ волна ладью на мѣль бросаетъ,
Тамъ каждый плаватель себя отъ волнъ спасаетъ.
Ты вѣдаешь, что два столѣтія назадъ,
На мертвомъ черепѣ воздвигнутъ здѣшній градъ;
Но вмѣсто должныя главы Махометанской,
Обманомъ въ землю скрытъ невольникъ Христіянской;
И здѣсь погребена нещастнаго глава,
А тѣмъ пророчески нарушены слова,
Которыхъ никогда Сагрунъ не позабудетъ;
Чья будетъ здѣсь глава, того и царство будетъ!
И такъ прейдетъ во власть Россіянъ городъ сей,
Коль мы не отвратимъ погибели своей;
Когда пророчества народу не напомнимъ,
И ясныхъ словъ его къ спасенью не исполнимъ.
Въ намѣреньяхъ всегда безпластный справедливъ:
Алей во градѣ семъ не долженъ быти живъ.
Не мысли, чтобы сей совѣтъ внушала злоба;
Но чаю, твой супругъ не съ тѣмъ возсталъ изъ гроба
Чтобъ главный нашего отечества злодѣй,
Супругу получилъ и тронъ его, Алей;
Не можно склонну быть ему на мысль такую,
Я инако слова пророчески толкую,

И тако думаю, что въ тайнѣ думалъ онъ,
Для точной пагубы Алея звать на тронъ;
Алей уйдетъ отсель, я то вѣщаю смѣло;
Но не уйдетъ его изъ стѣнъ Казанскихъ тѣло;
Махометаниномъ развратникъ сей рожденъ,
И долженъ быть на немъ сей городъ утвержденъ;
Невольничью главу его главой замѣнимъ,
Себя чрезъ то спасемъ, и жребїй нашъ премѣнимъ;
Кончиною его себя мы оживимъ,
Пророчеству свое вниманїе явимъ;
Но впрочемъ, на моихъ словахъ не утверждайся,
Страдай, крушись, терпи, и плѣна дожидайся!
Сїе вѣщалъ Сагрунъ, имѣвый мрачный взглядъ;
Свирѣпство отрыгалъ его устами адъ;
Тѣ злости у него, что въ сердцѣ обитали,
Невидимую сѣть Сумбекѣ сплетали;
Хотя ослѣплена, хотя была страстна,
Но заразилася свирѣпствомъ и она,
И грознымъ кажду рѣчь сопровождая взоромъ,
Ко злобѣ стала вдругъ подвигнута Раздоромъ;
Онъ крылья разпростеръ, отъ радости взревѣлъ,
Подъ сѣнїю своей въ чертогъ Османа ввелъ,
И тамъ разсудки ихъ лишивъ послѣдня свѣта,
Составилъ точный видъ геенскаго совѣта:
Тамъ Злоба извлекла окровавленный мечь,
И души ихъ клялась на варварство разжечь;
Коварство прелестью порокъ изобразило;
Злодѣйство жало имъ, какъ мечь, въ сердца вонзило;
Заставила Вражда убїйство имъ любить,
И всѣ условились Алея погубить.
Сагрунъ съ веселїемъ неистовости внемлетъ,
И возмутить народъ на свой отвѣтъ прїемлетъ;
Но чая умыслъ свой съ успѣхомъ окончать,
Довѣренности въ знакъ взялъ царскую печать.

Вѣщай Сумбекинъ гнѣвъ печальнымъ звономъ лира:
Въ любви являяся вторая Деянира,
Притворно пламенна, притворно сшавъ нѣжна,
Прислала съ ризою раба къ Царю она;
Но твердую щитомъ имѣя добродѣтель,
Отъ смерти близкія избавился владѣтель;
Въ сіи часы Османъ къ нему съ мечемъ летѣлъ,
Узнавшаго обманъ пронзити имъ хотѣлъ;
И въ самы тѣ часы раздоръ въ народѣ сѣя,
Сагрунъ изображалъ измѣнникомъ Алея;
Отъ Царскаго двора отгнать сумнѣнья прочь,
Для возмущенія глубоку избралъ ночь.

Внутри Казанскихъ стѣнъ надъ тинистымъ Булакомъ,
Висящій холмъ сѣдый есть многихъ лѣтъ признакомъ;
Тамъ дубы гордыя размѣтисто расли,
Они верхи свои до облакъ вознесли,
И вѣтви по струямъ далеко простирали,
Отрубленну главу подъ корнями скрывали;
На сей-то дикій холмъ, ко брегу мутныхъ водъ,
Въ полночный часъ прійти Сагрунъ склонилъ народъ.
Всегда бываетъ чернь къ премѣнамъ ненасытна,
И легкомысленна она и любопытна.
Едва свѣтило дня спустилося въ моря,
Погасла въ небесахъ вечерняя заря,
И звѣзды отъ страны полночной возблистали;
Казанцы подъ стѣной соединятся стали.
Немолчный шумъ древесъ, блистающа луна,
И царствующа вкругъ глухая тишина,
Непостижимый страхъ въ сердцахъ производила;
Казалося, вкругъ нихъ стѣняща тѣнь ходила;
Вдругъ нѣкій бурный вѣтръ по рощѣ зашумѣлъ,
Сагрунъ держащъ кинжалъ, толпы въ средину вшелъ;
Являетъ видъ его лишенный духъ покою;
Онъ хартію держалъ дрожащею рукою;

Крова-

Кровавыми народъ глазами озиралъ;
Безмолвствуя, и страхъ и ужасъ онъ вперялъ;
Вздохнулъ, и тако рекъ со стономъ лицемѣрнымъ:
Скажите! точно ли пришелъ я къ правовѣрнымъ?
Не знаю, говорить, или мнѣ умолчать?
Но какъ я утаю Царицыну печать!
Она вамъ истинну плачевную докажетъ,
И то, что думаетъ Царица, вамъ разскажетъ;
Я токмо есмь ея истолкователь словъ:
Казанцы! громъ упасть на всѣхъ на насъ готовъ!
Вы льститесь, увѣнчавъ Алея, быть въ покоѣ,
О! коль обманчиво спокойствіе такое!
Подъ видомъ дружества сей врагъ пришелъ въ Казань,
Дабы въ корысть собравъ неуплатиму дань,
Ордынцовъ разорить и давъ уставы новы,
Казанцевъ заманить въ Московскія оковы;
Сей извергъ естества! [злокозненный вѣщалъ]
На васъ кресты взложить Россіи обѣщалъ.
Изображаетъ онъ ужаснымъ Христіянство,
Народъ въ страданіи, въ стыдѣ Махометанство,
Вельможей въ нищетѣ, Сумбеку во плѣну,
И въ рабствѣ горестномъ восточную страну;
О други! говоритъ, прощайтесь со женами,
И дщерей горькими оплачте вы слезами!
Какъ стрѣлы, тѣ слова вѣщая, онъ кидалъ,
Сумбекою свои доводы подтверждалъ. . . .
Вдругъ ропотъ возстаетъ, народъ поколебался;
Какъ будто бы вода при бурѣ волновался.
Движенія придать волненію сему,
Сагрунъ стеная рекъ собранію всему:
Хотите ль, братія! отечеству радѣя,
Хотите ль истребить всеобщаго злодѣя?
Хотимъ! вскричалъ народъ. . . Клянитеся мнѣ въ томъ;
Зло должно истреблять равнообразнымъ зломъ;

Но естьли къ вѣрѣ вы привязаны любовью,
Запечатлѣйте вашъ союзъ злодѣйской кровью;
Здѣсь Христiянская глава въ землѣ лежитъ,
Надъ ней присягу намъ устроить надлежитъ,
Дабы вѣнчаннаго злодѣя въ градѣ вами
Привыкнуть поражать неробкими руками;
То дѣлайте, что я' . . . Онъ въ руку взявъ кинжалъ,
Который у него отъ варварства дрожалъ,
Разрылъ онъ землю вкругъ: въ ней кости осязаетъ,
Влечетъ главу, и мечь въ чело ея вонзаетъ;
Но пламень издала, разрушася она,
И въ ужасъ привела народъ и Сагруна. . .
Казанцы, варварскiй примѣръ въ очахъ имѣя,
Разятъ главу, разить готовяся Алея;
Поднявъ кинжалы вверьхъ, клянутся Сагруну,
Призвавъ въ свидѣтельство злочестiя луну.
Луна подвиглась вспять, когда на нихъ воззрѣла,
И темной тучею лице свое одѣла;
Но въ ярости народъ толико дерзокъ сталъ,
Что онъ небесну тму за добрый знакъ считалъ.
Свирѣпства, буйности, смятенiя народны,
Производили шумъ, какъ рѣки многоводны.
Убiйствомъ жаждущiй Сагрунъ исторгнувъ мечь,
Ведетъ Казанску чернь всеобщiй бунтъ возжечь;
Ругаются они вѣнцемъ, и Царскимъ саномъ.
Но вдругъ встрѣчаются внутри двора съ Османомъ,
Который шествуя, стеналъ, блѣднѣлъ, дрожалъ,
И вшедшимъ возвѣстилъ, что Царь Алей бѣжалъ.
Земля подъ Сагруномъ тогда поколебалась;
Толико страшною та вѣсть ему казалась!
По сердцу у него разпростирался мразъ,
И слезы потекли у варвара изъ глазъ.
Но свѣдавъ, кто сокрылъ отъ звѣрства ихъ Алея,
Всю ярость устремилъ и злобу на Гирея;

Свой

Свой мечь изторженный въ ково ни есть вонзить,
Вздохнулъ, и клятву далъ Гирея поразить. . . .
Лѣнивою ногой къ намъ щастіе приходитъ;
На крыльяхъ зло летитъ, и горести наводитъ;
Святыя олтари разитъ не рѣдко громъ.
Спокоенъ шелъ Гирей, избавивъ друга, въ домъ;
Благополучнымъ быть своей услугой чаетъ,
Грядетъ, и Сагруна съ народомъ онъ встрѣчаетъ.
Какъ хищный вранъ летящъ по воздуху шумитъ:
Сагрунъ, изсунувъ мечь, такъ шествіе стремитъ;
И громко возопилъ: Отдай ты намъ Алея!
Или въ тебѣ почту отечеству злодѣя.
Но будто страшную увидивый змію,
Гирей подвигся вспять, внимая рѣчь сію;
Но угрожаемый, и видя мечь блестящій,
Мгновенной смертію за дружество грозящій;
Алея ищете, отвѣтствуетъ стеня:
Алей не далеко; онъ въ сердцѣ у меня!
И естьли вы узнать, гдѣ скрылся онъ, хотите,
Такъ сердце у меня вы прежде извлеките:
Онъ былъ, и нынѣ тутъ! . . . Сія святая рѣчь,
Котораябъ должна потоки слезъ извлечь,
Подвигла къ лютости сердца у нихъ суровы;
Гирея повлекли, и ввергнули въ оковы.
Влекомый Сагруномъ сей мужъ на смертну казнь,
Спокойный видъ имѣлъ; а тотъ въ очахъ боязнь;
Порокъ всегда унылъ, спокойна добродѣтель!
Сагрунъ повелѣвалъ народомъ, какъ владѣтель,
И самовластенъ ставъ по злобѣ при дворѣ,
Назначилъ смертну казнь при утренней зарѣ.

Межъ тѣмъ крушенія и безпокойства многи,
Какъ адъ, наполнили Сумбекины чертоги:
Тамъ черная печаль простершися кругомъ,
Своею ризою покрыла Царскій домъ;

Ее раскаянье и совѣсть угрызаетъ,
Надежда веселитъ, отчаянье терзаетъ,
Любовь утѣхи ей, невѣрность страхъ сулитъ;
Алея въ миртовыхъ садахъ искать велитъ.
Сѣтьми еленица какъ будто устрашенна,
Бѣжитъ по комнатамъ спокойствія лишенна.
Алея въ комнатахъ, въ садахъ Алея нѣтъ;
Стеняща, Сагруна коварнаго клянетъ.
Не нѣжность клятвы тѣ, не жалость извлекала,
Пророчества страшась, утекшаго искала;
И токи слезъ ея единый былъ обманъ;
Ей нуженъ не Алей, но нуженъ ей Османъ:
Казалось ей, въ одномъ другова погубила,
И паче, нежель честь, порокъ она любила;
Гирея плѣннаго истязывать велитъ,
Ему сокровища за таинство сулитъ.
Но сей примѣрный другъ, какъ нѣкій твердый камень,
Пренебрегающій валы, и молній пламень,
Въ обширной глубинѣ недвижимо стоитъ,
Взнося чело свое, на громъ спокойно зритъ.
Безсильна искусить честнаго человѣка,
Съ Гирея снять главу дозволила Сумбека.
Притворство, хитрости, лукавство и боязнь,
Гирею скорую уготовляли казнь.
Уже небесное горящее свѣтило,
Ордынскія поля и горы озлатило;
Но будто бы Казань гнусна была ему,
Взирая на нее скрываетъ лучь во тму;
Нещастье ли оно Казанцамъ предвѣщало,
Или свое лице отъ злобныхъ отвращало;
Но солнце чрезъ Казань подобно такъ текло,
Какъ будто зрѣлося сквозь темное стекло.
Погасъ небесный огнь, но не угасла злоба;
Невинность повлекла она ко дверямъ гроба;

Подобенъ многому слїянью шумныхъ водъ,
Тѣснится стекшїйся по улицамъ народъ.
За добродѣтели на смерть безчеловѣчну,
Изъ времянной идетъ Гирей въ темницу вѣчну:
У ногъ трепещущихъ сѣкиру смертну зритъ;
Се жребїй твой! Сагрунъ Гирею говоритъ,
Въ услугахъ ты своихъ Алею сталъ безплоденъ,
Яви ты намъ его, и будешь ты свободенъ.
Похвально дружество; но ежели мы имъ
Наносимъ общїй вредъ, мы дружбою грѣшимъ! . . .
Тебѣ ли чувствовать, рекъ узникъ, дружбы благо?
Не оскорбляй, злодѣй! ты имяни святаго;
Небесна дружества извѣстна тѣмъ степень,
Кто совѣстїю чистъ, какъ солнце въ ясный день;
А ты, носящїй ядъ и хитрость во утробѣ,
Какъ ноющую кость, и тму во хладномъ гробѣ,
Учися твердости, злодѣй! у чувствъ моихъ,
И знай, что дружество мнѣ даровало ихъ;
Оно безцѣннѣй всѣхъ богатствъ земнаго круга;
Прїятна съ другомъ жизнь, и смерть сладка за друга;
О мой любезный Царь! о часть моей души!
Спокоенъ будь Алей, отъ сихъ убїйцъ спѣши;
Гдѣ ты ни странствуешь, въ лѣсахъ, въ вертепахъ, въ морѣ,
Мой духъ, безплотный духъ, тебя обрящетъ вскорѣ;
Заставитъ онъ узнать по нѣжностямъ себя,
И успокоится онъ въ сердцѣ у тебя.
А вы, нещастныя вельможи и граждане!
Рыдаю, видящїй васъ въ пагубномъ обманѣ;
Прощаетъ васъ моя ко ближнему любовь;
Но ахъ! невинная отмстится вскорѣ кровь:
Сагрунъ! . . . се смерть тебя крилами осѣняетъ! . . .
Вѣщавый то, главу подъ острый мечь склоняетъ.
 Сагрунъ умножить зло, и страхи уменьшить,
Уже повелѣвалъ скорѣе казнь свершить.

Се мечь подъемлется! но вдругъ какъ вихрь шумящій,
Народъ возопіялъ отъ казни прочь бѣжащій;
Тамъ лица блѣдныя, тамъ трепетъ, тамо стонъ,
И се! является ужасный Асталонъ!
Какъ будто зданіе грозящее паденьемъ,
Иль нѣкимъ темна нощь грозяща привидѣньемъ:
Такъ рыцарь сей народъ по стогнамъ разсыпалъ;
Гремящъ оружіемъ, въ среду толпы вступалъ.
Подобно какъ главу увидящій Медузы,
Или почувствуя на членахъ тяжки узы,
Свершитель казни мечь еще въ рукахъ имѣлъ;
Недвижимъ онъ стоялъ, отъ страха онѣмѣлъ.
Спокойно Асталонъ безвинной казни внемлетъ,
Онъ узы тяжки рветъ, Гирея онъ объемлетъ,
Вскричавъ: О дружеской сокровище любви!
Не бойся никого; живи Гирей! живи!
Гонителямъ твоимъ во градѣ смерть готова!
Почто не я имѣлъ наперсника такова?
Межъ тѣмъ Сагрунъ уже во Царскій дворъ вбѣжалъ
Народнымъ рыцаря врагомъ изображалъ.
Лукавство никогда во злыхъ не умираетъ;
Изгнать сего врага Османа поощряетъ.
Увѣренъ дерзости о слѣдствіяхъ худыхъ,
Скрываетъ горькій ядъ сей змій въ рѣчахъ своихъ:
Теперь, онъ говоритъ, коль храбрымъ ты явишся,
Казанцовъ устрашишь, на тронѣ укрѣпишься,
Народную молву и наглость усмиришь;
Единымъ словомъ ты Ордынцовъ покоришь,
И непрепятствено облекшися въ порфиру,
Царицу прочь отгнавъ, на тронъ возведешь Эмиру.
Сжимая руки то Османовы речетъ,
И силою его на торжище влечетъ.
Сумбека на сіе изъ терема взираетъ,
Дрожащи руки въ слѣдъ Осману простираетъ;

По-

Постой, Османъ! постой! рыдая вопіетъ...
Любовь его къ себѣ, а рокъ отъ ней влечетъ.
Сей Князь, развратный Князь, любовникъ малодушный,
Не свѣту разума, но слабостямъ послушный,
И нѣжности однѣ имѣющъ во умѣ,
Идетъ за Сагрунομъ, какъ блѣдна тѣнь во тмѣ;
Къ Эмирѣ обратилъ всѣ мысли и ко трону,
Дрожащею стопой приходитъ къ Асталону.
Онъ трижды блѣдныя уста отверзть хотѣлъ,
Но трижды во устахъ языкъ его хладѣлъ,
И будто на змію ступивый странникъ въ полѣ,
Сказалъ, не храбростью, но страхомъ двигнутъ болѣ:
Кто звалъ тебя сюда? вражда, или пріязнь?
Коль другъ ты намъ, такъ дай свершить намъ смертну казнь;
Мы общаго врага въ Гиреѣ наказуемъ,
Но дружествомъ тебѣ весь городъ обязуемъ.
Какъ будто гордый кедръ вершиной съ высоты,
Являетея взирать на слабыя цвѣты:
Такъ взоры Асталонъ на юношу низводитъ,
Съ презрѣніемъ къ нему и скрежетомъ приходитъ;
Но ты кто? онъ вѣщалъ какъ трубъ гремящихъ звукъ.
Османъ отвѣтствовалъ: Царицынъ я супругъ!
Тогда вступила кровь ко Асталону въ очи;
Онъ вкупѣ всѣ свои соединяя мочи,
Османа сильною рукой за грудь схватилъ,
И трижды, какъ перо, вкругъ шлема обратилъ,
Тряхнулъ и возопилъ: Се мзда ея измѣны!
И на Казанскія Османа вергнулъ стѣны;
Разсѣлася глава, по камнямъ мозгъ потекъ.
Взирая, Асталонъ, на страждущаго, рекъ:
Се! твой вѣнецъ и тронъ! и въ злобѣ многоплодной
Онъ палицу свою повергъ къ толпѣ народной;
Окаменѣвшему онъ такъ ему вѣщалъ:
Я смертію казнить измѣну обѣщалъ!

Теперь исполнилъ то. Скажите вы Сумбекѣ,
Чтобы не плакала о робкомъ человѣкѣ;
Во градъ сей не принесъ прiятныхъ взоровъ я,
Но тронъ ея спасутъ рука и страсть моя;
Однако я себя предъ нею не унижу;
Я хитрости ея и всѣ коварства вижу;
За то, что пренебречь меня она могла,
Хощу, чтобы теперь ко мнѣ въ шатеръ пришла;
Я стану на лугахъ за градскими стѣнами,
И утромъ жду ея съ Ордынскими Чинами;
Я тамо сердце съ ней на вѣки обручу;
Исполните сiе. велю! и такъ хочу!
А ежели она еще не покорится,
Польется ваша кровь, сей городъ загорится;
Не нужно будетъ вамъ Россiянъ ожидать,
Одинъ дерзну огню и смерти васъ предать.
Безстрашенъ на коня, вѣщая то, садился,
Щитомъ хребетъ покрывъ, за стѣны удалился;
Не вѣдалъ въ тѣ часы нещастный Асталонъ,
Что съ палицей своей и жизнь теряетъ онъ.
Гирея заключивъ во мрачную темницу,
Сагрунъ спѣшилъ разить перунами Царицу. . . .
Въ какомъ отчаяньѣ находитъ онъ ее?
Уже плачевна вѣсть достигла до нее:
Вѣщаютъ, будто бы Царицѣ ослѣпленной,
Явился сквозь туманъ Османъ окровавленной;
Струей изъ ранъ его кровь черная лилась,
На грудяхъ, на челѣ, ручьями запеклась;
Трепещущiй онъ рекъ: Погибъ я Асталономъ;
Преобратился въ дымъ, и вдругъ изчезъ со стономъ.
Какъ вѣтьвь отторженна ударомъ громовымъ:
Сумбека зрѣлищемъ была сраженна симъ.
Сагрунъ блѣднѣющiй къ одру ея приходитъ,
И на безпамятну веселый взоръ возводитъ.

Тамъ

Такъ смотритъ радостно на горлицу стрѣлокъ,
Пронзенну въ облакахъ, трепещущу у ногъ.
Есть нѣкій звѣрскій духъ у злаго человѣка.
Когобъ не тронула нещастная Сумбека?
Какъ розы сорванной увядшія красы,
Полуумершій взоръ, разтрепанны власы;
Подъемлющася грудь, тяжелое вздыханье;
Являютъ страждущу при самомъ издыханьѣ;
Уже отъ глазъ ея небесный крылся свѣтъ;
Но ей Сагрунъ еще готовилъ злый совѣтъ;
Онъ рекъ: И такъ ты жизнь кончаешь безъ отмщенья,
Сего послѣдняго нещастнымъ утѣшенья?
Оставь тоску и стонъ, Царица! укрѣпись,
За смерть Османову къ возмездію склонись;
Се тѣнь его стоитъ въ крови передъ тобою!
Симъ словомъ злый Сагрунъ, какъ громкою трубою,
Лишенну памяти Царицу возбудилъ;
Совѣты ей свои, и страхи подтвердилъ...
Открывъ печальный взоръ, Сумбека замолчала;
Но силы вдругъ собравъ, терзая грудь вскричала:
Ахъ! нужно ли мнѣ то, что рушится Казань,
Когда свирѣпа смерть взяла Османа въ дань!
Мнѣ нѣтъ пристанища теперь въ пространномъ свѣтѣ;
Сагрунъ! ты ядъ скрывалъ въ неискренномъ совѣтѣ;
Да будутъ прокляты минуты и мѣста,
Гдѣ въ первый разъ твои отверзлися уста,
Отверзлися моей души ко погубленью;
Почто давалъ ты видъ пріятный преступленью?
Измѣнницей бы я Алею не была,
И въ мирной тишинѣ спокойны дни вела;
Теперь престолъ и честь, и славу я теряю;
Уже Османа нѣтъ!... Почто не умираю!
Вѣщая тѣ слова, исторгнула кинжалъ;
Но вдругъ Сумбекинъ сынъ въ чертогъ ея вбѣжалъ;

Сей отрокъ плачущій ея познавый муки,
Бросается къ ногамъ, ея цѣлуетъ руки;
Припалъ къ ея грудямъ! рѣкою слезы льетъ;
Увы! не умирай, рыдая вопіетъ;
Не оставляй меня нещастнымъ сиротою!
Сумбека тронулась невинностію тою;
Ей кажется въ лицѣ сыновнемъ Сафгирей;
Послѣдня зрится вѣтвь Казанскихъ въ немъ Царей;
И сердце у нее расторглося на части,
Возопіяла кровь, умолкли прежни страсти;
Кинжала удержать руками не могла,
Простерла ихъ стеня, и сына обняла;
Ланиты токомъ слезъ смоченны лобызала;
Живи, мой сынъ! живи! и мсти врагу! сказала;
Рѣчей не докончавъ, безмолвна и блѣдна,
Повергласъ на одрѣ безпамятна она. . . .
Младенецъ онѣмѣлъ; Сагрунъ свирѣпый льстится,
Что жизнь Сумбекѣ вновь уже не возвратится;
Онъ помыслы свои вѣнчанными считалъ,
И паче яростенъ, и дерзновененъ сталъ;
Ко предстоящимъ рекъ, которыхъ грусть терзала:
Вы слышали, что намъ Сумбека приказала;
Она велѣла мстить злодѣямъ и врагамъ;
Услугу я мою явлю и ей, и вамъ;
Погибнетъ Асталонъ! . . . Отторгся съ онымъ словомъ,
Смятеніе нося въ лицѣ своемъ суровомъ.
Гдѣ палицу свою оставилъ Асталонъ,
Пришелъ на торжище, къ толпѣ народа онъ.
Сіе оружіе имъ ужасъ наводило,
Почтеніе и страхъ въ сердцахъ производило;
Взирая на него, какъ будто на перунъ,
Умыслилъ дѣйствіе его отнять Сагрунъ;
О други! онъ вскричалъ, отъ бѣдства градъ избавимъ;
У Асталона силъ въ сей палицѣ убавимъ,

И намъ грозящую судьбину сокрушимъ;
Потомъ отмстить за плачь Сумбекинъ поспѣшимъ;
Она неволею грозима умираетъ.
Съ симъ словомъ палицу чеканомъ ударяетъ;
Народъ ее разитъ, взирая на сіе:
Незапно бурный огнь изходитъ изъ нее.
Увидя палицу во прахъ преобращенну,
Къ свирѣпству ободрилъ онъ душу развращенну....
Се! первый нашъ успѣхъ, Казанцамъ вопіялъ,
О естьлибъ Асталонъ такой конецъ пріялъ!
Коль видѣть плѣнницей Царицу не хотите,
Друзья! и за себя, и за нея отмстите;
Въ шатрѣ своемъ лежитъ свирѣпый Асталонъ,
И члены у него во узахъ держитъ сонъ;
Сумбекѣ, городу, отечеству радѣя,
Пойдемъ, и умертвимъ тщеславнаго злодѣя!
За стѣны градскія, вѣщая то, грядетъ,
И дватцать воиновъ съ собою въ путь ведетъ.
Тогда небесный сводъ звѣздами украшался,
Сагрунъ уже къ шатру съ дружиной приближался.
Ко стану гордому, гдѣ спалъ нещастный Ризъ,
Подобно шествовалъ во тмѣ нощной Улиссъ.
Казалося, Сагрунъ свой образъ покидаетъ,
Поникнувъ, во травѣ на чрево упадаетъ;
Какъ лютая змія, землею онъ ползетъ;
Но сердце у него и страхъ, и злость грызетъ.
Онъ входитъ, и грядетъ къ одру стопой дрожащей,
На коемъ возлежалъ безпечно рыцарь спящей.
Сагрунъ успѣхами злодѣйскій духъ маня,
Кинжаломъ поразить хотѣлъ сперва коня,
Дабы послѣднихъ средствъ герою не оставить,
Коль бѣгствомъ онъ себя подумаетъ избавить;
Но видя при лунѣ блистающій кинжалъ,
Броздами загремѣлъ строптивый конь, заржалъ.

Мгновенно Асталонъ, какъ аспидъ, пробудился;
Вскочилъ, заскрежеталъ, за острый мечь хватился;
Но мечь его Сагрунъ уже въ рукахъ имѣлъ;
Смутился Асталонъ, и на коня взлетѣлъ;
Бронями зашумѣлъ, какъ вѣтьвистое древо.
Сагрунъ разя его, коня ударилъ въ чрево,
Который бѣгъ къ брегамъ Казанскимъ обратилъ;
Но рыцарь Сагруна за выю ухватилъ,
И буйнаго коня сдержать не въ силахъ болѣ,
Летѣлъ, какъ молнія, на немъ къ рѣкѣ чрезъ поле.
Конь вихрю бурному подобенъ въ бѣгѣ былъ:
Крутился, возпрядалъ, ногами воздухъ билъ;
И се въ полночный часъ неумерщвленна злоба,
Въ лицѣ Османовомъ воставъ изъ хладна гроба,
Касаясь облаковъ, во слѣдъ врагамъ текла;
И пламеннымъ бичемъ въ струи коня гнала:
Пріявъ ихъ всѣхъ на дно Казанка зашумѣла.
Такой конецъ вражда и злоба возъимѣла!
Казанцы грознымъ то предвѣстіемъ почли.
Въ то время въ градъ Послы Россійскія пришли,
Нельстивыя слова вельможамъ предлагали;
Лукавствомъ въ оный вѣкъ еще пренебрегали!
Равняя съ бурными спокойства свѣтлы дни,
Казанцамъ вѣчный миръ представили они.
Отъ мира мы не прочь, Казанцы отвѣчали;
Виновны, что до днесь о мирѣ мы молчали;
Но просимъ у Царя для точной жертвы сей,
Не года, мѣсяца, но трехъ мы просимъ дней.
Узнавъ, что ихъ Князья Россіи покорились,
Тѣ волки агнцами на время притворились;
Но мира, иль войны понудимы желать,
Условились къ Царю Сумбеку въ плѣнъ послать;
Всю винность на нее, и злобу обратили:
Притворствомъ таковымъ ядъ черный позлатили;

Да-

Давая дружбы видъ недружескимъ дѣламъ,
Отвѣтъ свой принесли о жертвѣ сей Посламъ;
Лишенны совѣсти, они клянутся Богомъ,
Что вѣрности къ Царю, Царицу шлютъ залогомъ,
И данниками быть Россіянамъ хотятъ.

Но ахъ! какія мнѣ то Музы возвѣстятъ,
Какой былъ горькій стонъ, коликое рыданье,
Когда услышала Сумбека о изгнаньѣ?
Тоску ея вѣщать мнѣ силъ недостаетъ;
Помедлимъ! . . . я стеню . . . перо изъ рукъ падетъ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

О Нимфы красныя, лѣсовъ и рощей злачныхъ,
Наяды во струяхъ живущія прозрачныхъ!
Оставьте водный токъ, оставьте вы лѣса,
И дайте ваши мнѣ услышать голоса;
Украсьте пѣснь мою, и лиру мнѣ настройте,
Любезну тишину кругомъ Казани пойте.
Уже въ поляхъ у васъ кровавыхъ браней нѣтъ;
Гдѣ прежде кровь лилась, тамъ малый Тибръ течетъ;
Парнасскія цвѣты, какъ благовонны крины,
Цвѣтутъ подъ сѣнію щедротъ ЕКАТЕРИНЫ;
Ликуютъ жители во щастливой странѣ,
Въ прохладномъ житіи, въ безбѣдной тишинѣ.
Недавный грозный рокъ вы Нимфы позабудьте,
Вкушая сладкій миръ, благополучны будьте;
Съ моей свирѣлію хощу пристати къ вамъ,
Придайте вы моимъ пріятности стихамъ;
Вы зрѣли шествіе прекрасныя Сумбеки,
Когда ее изъ стѣнъ несли къ Свіяжску рѣки;
Вы видѣли тогда страданіе ее;
Вложите плачь и стонъ во пѣніе мое,

Дабы

Дабы Царицы сей вѣщалъ я о судьбинѣ,
Какъ бѣдства, страхи, гнѣвъ, умѣлъ вѣщать донынѣ;
Отъ браней ко любви я съ лирой прелеталъ,
Недовершенный трудъ моимъ друзьямъ читалъ;
О! естьли истинну друзья мои вѣщали,
Мои составленны ихъ пѣсни возхищали;
И Музъ любители у Невскихъ береговъ,
Сихъ часто слушали внимательно стиховъ.
Придайте Нимфы мнѣ цвѣтовъ и силы нынѣ,
Да будетъ пѣснь моя слышна ЕКАТЕРИНѢ;
Цвѣтущiй предъ Ея престоломъ яко кринъ,
Да внемлетъ пѣнiю Ея любезный Сынъ;
О праотцѣ твоемъ, Великiй Князь! вѣщаю,
Военную трубу Тебѣ я посвящаю;
Геройскiя дѣла поютъ стихи мои,
Да будутъ нѣкогда воспѣты и твои.

Еще печали нощь Сумбеку окружала,
Еще рыдающа въ одрѣ она лежала,
Когда достигла къ ней не сладостная лесть,
Но слухъ разящая изгнаньемъ вѣчнымъ вѣсть;
Въ лицѣ прiятный цвѣтъ, въ очахъ потухнулъ пламень,
И сердце у нее преображалось въ камень.
Какъ узникъ, внемлющiй о смерти приговоръ,
Сомкнула страждуща полуумершiй взоръ;
Однимъ вздыханiемъ пришедшимъ отвѣчала,
Лишенна чувствъ своихъ душа ея молчала;
Въ устахъ языкъ хладѣлъ, въ груди спирался стонъ;
Сумбеку наконецъ крилами обнялъ сонъ,
И мысли усыпивъ, тоску ея убавилъ;
Тогда въ мечтанiи ей Ангела представилъ,
Который ризою небесною блисталъ;
Держащъ лилейну вѣтьвь, Царицѣ онъ предсталъ,
И съ кротостiю рекъ: О чемъ, о чемъ стонаешь?
Возстань нещастная! и ты меня познаешь;

Я руку у тебя въ то время удержалъ,
Когда взносила ты на грудь твою кинжалъ;
Я посланъ былъ къ гробамъ всесильною судьбою,
Когда супругъ въ нощи бесѣдовалъ съ тобою;
Что сердце ты должна отъ страсти отвращать,
Я тѣни страждущей велѣлъ сіе вѣщать;
Но ты любовію твой разумъ ослѣпила,
Совѣты данныя и клятву преступила,
И бѣдства на тебя рѣкою потекли;
Въ пучину горести отъ брега отвлекли.
Однако не крушись печальная Сумбека:
Богъ смерти грѣшнаго не хощетъ человѣка;
Послѣдуй здраваго свѣтильнику ума.
Сей городъ мрачная покроетъ вскорѣ тма,
Взгляни ты на Казань! . . . На градъ она взглянула,
И зря его въ крови, и спяща воздохнула;
Узрѣла падшую огромность градскихъ стѣнъ,
Рыдающихъ дѣвицъ, влекомыхъ юношъ въ плѣнъ;
Зритъ старцевъ плачущихъ, во грудь себя разящихъ,
Оковы тяжкія Казанцовъ зритъ носящихъ. . . .
Се рокъ твоей страны! небесный Ангелъ рекъ;
Настанетъ по златомъ Ордамъ желѣзный вѣкъ;
Тебя въ Свіяжскѣ ждетъ пріятная судьбина,
Гряди, и не забудь Гирея взять и сына,
Гряди! . . . И возсіявъ какъ свѣтлая заря,
На небо возлетѣлъ то слово говоря.
Печали скрылися; Сумбека пробудилась,
Мечтой подкрѣплена, въ надеждѣ утвердилась;
Невѣста будто бы ликующа въ вѣнцѣ,
Являла радости сіяніе въ лицѣ;
Величественный видъ изгнанница имѣла,
И къ шествію ладьи готовить повелѣла.
О коль поспѣшно былъ исполненъ сей приказъ!
Но какъ смутилась ты Сумбека въ оный часъ?

Какою горестью душа твоя пронзилась,
Когда судьба твоя тебѣ вообразилась?
Когда взглянула ты ко брегу шумныхъ водъ,
Гдѣ вкругъ твоихъ судовъ стѣсняется народъ?
Повинна слѣдовать Небесъ опредѣленью,
Сумбека власть дала надъ сердцемъ сожалѣнью;
Взглянула на престолъ, на домъ, на вертоградъ,
И смутнымъ облакомъ ея покрылся взглядъ;
Всѣ кажется мѣста уже осиротѣли,
Но прежни красоты отъ нихъ не отлетѣли.
Тогда, отъ видовъ сихъ не отъимая глазъ,
Рекла: И такъ должна я въ вѣкъ оставить васъ!
И вѣчно васъ мои уже не встрѣтятъ взоры;
Любезный градъ! прости, простите стѣны, горы! . . .
Объемлетъ во слезахъ всѣ вещи, всѣ мѣста;
Примкнула ко стѣнамъ дрожащія уста;
Прости Казань, прости! Сумбека возопила,
И томнымъ шествіемъ изъ храмины ступила.
Лишь только довлеклась она златыхъ дверей,
Гдѣ изваянъ стоялъ изъ мѣди Сафгирей;
Почтенный видя ликъ, она затрепетала,
Простерла длани вверьхъ и на колѣни стала;
Порфиру свергнула; пеняющей на рокъ,
Въ очахъ супруговыхъ ей зрится слезный токъ;
Терзая грудь, рекла: Супругъ великодушный!
О мнѣ нещастливой ты плачешь и бездушный!
Ты чувствуешь, что я въ позорный плѣнъ иду;
Ты видишь токи слезъ, мою тоску, бѣду;
Въ послѣдній разъ, мой Царь! стопы твои объемлю,
Въ послѣдній, гдѣ ты скрытъ, сію цѣлую землю;
Не буду скрыта въ ней съ тобою, мой супругъ! . . .
Лобзая истуканъ, затрепетала вдругъ.
Какъ будто ночь ее крилами окружала,
Въ объятіяхъ стеня бездушнаго держала.

Вѣщаютъ, будто бы поколебавшись онъ,
Иль мѣдь звѣнящая произносила стонъ.
Но свѣтомъ нѣкакимъ незапно озаренна,
Отторглась отъ Царя Сумбека ободренна;
Вѣнецъ и тронъ! рекла, уже вы не мои!
Бѣги, любезный сынъ! въ объятія сіи;
Отъ многихъ мнѣ богатствъ, мнѣ ты единъ остался;
Почто нещастный сынъ надеждой ты питался,
Что будешь нѣкогда престоломъ обладать?
Невольница твоя, а не Царица мать;
О Князи сей страны и знамениты мужи!
Простите; стали мнѣ въ отечествѣ вы чужи;
Вы мнѣ враги теперь! Россіяне друзья;
Гирея одного прошу въ награду я:
Отъ многихъ подданныхъ мнѣ онъ остался вѣренъ,
Онъ мало чтилъ меня, но былъ нелицемѣренъ;
Ахъ! естьли есть еще чувствительны сердца,
Послѣдуйте за мной, хотя я безъ вѣнца.

Какъ дщери, видя мать отъ свѣта отходящу,
Уже безчувственну въ одрѣ ея лежащу,
Рабыни возрыдавъ, произносили стонъ,
Возкрикнувъ: Чуждъ и намъ Казанскій нынѣ тронъ!
Послѣдуемъ тебѣ въ неволю и въ темницу;
Въ тебѣ мы признаемъ и во плѣну Царицу.

Сумбека снявъ вѣнецъ съ потупленной главы,
И зря на истуканъ, рекла: Мой Царь! увы?
Не долго будешь ты въ семъ ликѣ почитаться,
Спокоенъ и въ мѣди не можешь ты остаться;
Ты узришь городъ весь горящій вкругъ себя;
На части разбіютъ безгласнаго тебя;
И тѣнь твоя кругомъ летая въ сокрушеньѣ,
Попраннымъ Царское увидитъ украшенье;
Попраннымъ узришь ты сей домъ, и сей вѣнецъ,
И кровь текущую повсюду наконецъ;

Гроб-

Гробницы праотцевъ граждане позабудутъ;
Мои гонители меня нещастнѣй будутъ!
Опустошится градъ, Сумбека вопіетъ;
Терзающа власы, руками грудь біетъ.
Когда рыдающа изъ храминъ выступала,
Въ объятія она къ невольницамъ упала;
Какъ Пифія она, являлася тогда,
Трепещетъ, и грядетъ съ младенцемъ на суда.
Коль басня истины не помрачаетъ вида,
Такъ шествуетъ въ моряхъ торжественно Фетида;
Съ весельемъ влажныя простря хребты свои,
Играютъ вкругъ ее прозрачныя струи;
Готовятъ легкія стези своей Царицѣ,
Сѣдящей съ скипетромъ въ жемчужной колесницѣ;
Тритоны трубятъ вкругъ въ извитыя рога,
Ихъ гласы звучныя пріемлютъ берега;
И погруженныя во рвахъ сѣдыя пѣны,
Поютъ съ цѣвницами прекрасныя Сирены;
Тамъ старый видится въ срединѣ Нимфъ Нерей,
Вождями правящій богининыхъ коней;
Главы ея покровъ Зефиры развѣваютъ,
И въ воздухъ ароматъ крилами изливаютъ.
Такое зрѣлице на Волгѣ въ мысляхъ зрю,
Сумбеку вобразивъ плывущу ко Царю.
Пріятно пѣніе повсюду раздавалось;
Гордилася рѣка, и солнце любовалось;
Златыми тканями покрытыя суда,
Изображала тамъ струистая вода;
Рабыни пѣніемъ Сумбеку утѣшаютъ,
Но горести ея души не уменьшаютъ.
Тогда увидѣла она сквозь токи слезъ,
Увидѣла вдали пріятный оный лѣсъ,
Гдѣ сердце нѣкогда Алеево пронзила;
Его любовь, свою невѣрность вобразила;

Въ движенiе пришли душа ея и кровь;
И зритъ по воздуху летающу Любовь,
Котора пламенникъ пылающiй имѣя,
Пеняетъ и грозитъ Сумбекѣ за Алея.
Кипридинъ сынъ во грудь ей искру уронилъ,
И страсть къ Алею въ ней мгновенно вспламенилъ.
Сумбека чувствуетъ смятенiй нѣжныхъ свойство;
Не вожделѣнное и сладкое спокойство,
Но тѣнь одну утѣхъ, спокойства нѣкiй родъ,
Тронувшiй какъ Зефиръ крыломъ поверхность водъ.
Сумбеку стыдъ смутилъ, разсудокъ подкрѣпляетъ,
Надежда веселитъ и льститься дозволяетъ.
Межъ тѣмъ Россiйскiй Царь, осматривая градъ,
Услышавъ пѣнiе, простеръ по Волгѣ взглядъ;
Не постигаетъ онъ, чей гласъ несутъ Зефиры,
Который слышится прiятнѣй нѣжной лиры;
Но Царскiя Послы, ходившiя въ Казань,
Принесшiя къ Царю лилейну вѣтьвь, не брань,
Отвѣтомъ ихъ вельможъ, Россiянъ возхищаютъ,
И шествiе Царю Сумбекино вѣщаютъ.
Царь выгоднымъ себѣ признакомъ то почелъ,
Сумбекѣ радостенъ во срѣтенье пошелъ;
Подъ градомъ зритъ ладьи, у брега пѣсни внемлетъ,
И съ полнымъ торжествомъ Царицу онъ прiемлетъ.
Подобну грудь имѣвъ колеблемымъ волнамъ,
Сумбека къ Княжескимъ не падаетъ стопамъ;
Какихъ еще побѣдъ, вскричала, ищешь болѣ?
Казань ты побѣдилъ, коль я въ твоей неволѣ;
Смотри, о Государь! вѣнца на суету,
И щастье почитай за тщетную мечту!
Я узница твоя, но я была Царица;
Всему начало есть, средина, и граница;
Когда мнѣ славиться не льзя уже ни чѣмъ,
Нещастiе мое почти въ лицѣ моемъ;

При-

Признаться я хощу: какъ трономъ я владѣла,
О пагубѣ твоей я день и нощь радѣла;
Я съ воинствомъ тебя хотѣла изтребить;
Но можешь ли и ты враговъ твоихъ любить?
Враговъ, которыя оружіе подъемлютъ,
И царство у тебя, и твой покой отъемлютъ?
Что сдѣлать хочешь ты, то дѣлала и я;
И естьли я винна, свята вина моя;
Но ахъ! за то, что я отечество любила,
Свободу, щастіе и скипетръ погубила.
Ахъ! для чего не твой побѣдоносный мечь,
Судьбы моей спѣшилъ златую нить пресѣчь?
Утратилабъ мое со трономъ я спокойство,
Но побѣдителемъ мнѣ было бы геройство;
Вдовицѣ плачущей вниманіе яви,
Съ нещастнымъ сиротой меня усынови;
Въ Казанѣ не имѣвъ ни дружества, ни трону,
Все я хочу забыть, и даже до закону;
На погруженную безвѣрія въ ночи,
Вели, о Царь! простерть крещенія лучи.
Царь въ сердцѣ ощутилъ, ея пронзенный стономъ,
Любовь ко ближнему, предписанну закономъ;
Обнявъ ее вѣщалъ: не врагъ нещастнымъ я;
Твой сынъ, сынъ будетъ мой, ты будь сестра моя.
Любовь, которая на небѣ обитаетъ,
На шаръ земный тогда мгновенно низлетаетъ;
Сіе любезное вселенной божество,
Которое живитъ и краситъ естество,
Златыми въ воздухѣ носимая крилами,
Двумя свой крѣпкій лукъ направила стрѣлами;
И предназначенны для брачнаго вѣнца,
Пронзила ими вдругъ погасшія сердца.
Какъ нѣжная весна ихъ страсть возобновилась;
Любовь изъ воздуха въ ихъ души преселилась;

Ъ Алей

Алей готовился невѣрности забыть;
Сумбека искренно готовилась любить.
Какъ солнце, косвенны лучи бросая лѣтомъ,
Осіяваетъ вкругъ всѣ вещи ихъ отсвѣтомъ:
Такъ взоръ, Сумбекинъ взоръ, хотя къ Царю сіялъ,
Но онъ Алея жегъ, который близь стоялъ.
Сей мужъ противъ нее колико былъ ни злобенъ,
Есть воску мягкому въ сіи часы подобенъ;
Суровый сей Катонъ сталъ нѣжный Ипполитъ;
Прости меня! прости! вѣщалъ Сумбекинъ видъ.
Душа Алеева весь пламень ощутила,
Какъ взоръ она къ нему стыдливый обратила.
Монархъ томящимся ихъ чувствамъ сострадалъ;
Любовь Алееву къ Сумбекѣ оправдалъ;
И рекъ: Разстроилъ васъ законъ Махометанскій,
Теперь да съединитъ на вѣки Христіянскій;
Злопамятнымъ Царевъ не долженъ быти другъ;
Ты былъ любовникъ ей, и будешь ей супругъ!
Мятежная Казань, которы разлучаетъ,
Хощу, да тѣ сердца Россія увѣнчаетъ.
Алей на то сказалъ: примѣры, Царь! твои
Обезоружили суровости мои;
Но я униженъ былъ позорною любовью;
Мнѣ время оправдать сердечну слабость кровью;
Прости, что предпочту супружеству войну;
Я щастливъ не совсѣмъ; мой другъ еще въ плѣну!
Когда изъ устъ его та рѣчь произнеслася,
И съ жаромъ вырвавшись по Волгѣ раздалася,
Вступилъ на брегъ рѣки стенящій человѣкъ,
Дрожащею рукой онъ цѣпь землею влекъ;
Лишенный зрѣнія воззвалъ сей мужъ Алея.
Алей возтрепеталъ, объемлющій Гирея. . . .
Се ты! вскричалъ Гирей, благодарю судьбѣ!
Лишился я очей, рыдая по тебѣ;

Но

Но я уже теперь о свѣтѣ не жалѣю,
Коль отданъ мнѣ Алей, коль отданъ я Алею,
И цѣпь, которую влечетъ моя рука,
Чѣмъ я окованъ былъ, мнѣ цѣпь сія легка.
Алей возопіялъ, проливъ источникъ слезный:
Достоинъ ли такихъ я жертвъ, мой другъ любезный?
Я мало вѣрности взаимной докажу,
Коль мстящій за тебя животъ мой положу;
Сумбека! зри теперь, и зрите Христіяне,
Какія могутъ быть друзья Махометане.
Тогда вскричалъ Гирей: Хвалы сіи оставь;
Я чуждъ въ народѣ семъ, Царю меня представь;
Одѣянъ въ рубища предстать ему не смѣю,
Но дѣло важное открыть ему имѣю;
Гдѣ онъ стоитъ? скажи; я нощь едину зрю.
Взявъ руку у него, Алей привелъ къ Царю,
И возопилъ къ нему: Се! зриши Царь Гирея,
Другова зришь меня, другова зришь Алея;
Отъ рубищъ ты моихъ очей не отвратилъ,
И преступившаго ты нѣкогда простилъ;
Къ сему покрытому всегдашнимъ мракомъ ночи,
Простри кротчайшій слухъ и милосерды очи.
Рукою ощутилъ Царя вблизи Гирей,
Повергся, и вѣщалъ: О сильныхъ Царь Царей!
Вели мнѣ тайное простерти нынѣ слово;
Я сердце къ вѣрности принесъ тебѣ готово;
Алея любишь ты, довольно и сего,
Для возпаленія усердья моего;
Мятежную Орду на вѣки забываю;
Что совѣсть мнѣ велитъ, Россіи открываю:
Отечество мое Свіяжскъ, а не Казань;
Она вѣщаетъ миръ, а я вѣщаю брань;
Ордынской лести я не вѣдаю примѣра;
Склонясь на миръ, они склонили Едигера,

Склонили, дабы онъ на ихъ престолѣ сѣлъ.
Сей Князь у береговъ Каспiйскихъ водъ владѣлъ,
И скоро въ стѣны онъ Казанскiя приспѣетъ;
Шесть храбрыхъ рыцарей въ дружинѣ Царь имѣетъ,
Которы подкрѣплять клялись войну и тронъ,
И каждый есть изъ нихъ воскресшiй Асталонъ;
Межъ ими дерзкая скрывается дѣвица,
Смѣла какъ лютый вепрь, свирѣпа яко львица.
Война тебѣ грозитъ, когда оступишь градъ;
Война послѣдуетъ, коль склонишься назадъ;
Въ темницѣ свѣдалъ я о замыслахъ Казанскихъ;
Орда невольниковъ терзаетъ Христiянскихъ;
Угрозами теперь стремится ихъ склонить,
Иль муки претерпѣть, иль вѣру премѣнить;
Но я безбожную ихъ вѣру отметаю,
Ордынцовъ я кляну, Россiянъ почитаю;
Хощу я Божество вселить въ душѣ моей,
Какое знаешь ты, и знаетъ Царь Алей.
Простерши руку, Царь сiе вѣщалъ Гирею:
Тотъ будетъ другъ и мнѣ, кто вѣрный другъ Алею;
Твой разумъ слѣпота безсильна ослѣпить;
Тебя не просвѣщать, осталось подкрѣпить;
Ты братъ Россiянамъ; но что Орда мутится,
На ихъ главу ихъ мечь и ужасъ обратится;
Я дѣтскою игрой считаю ихъ совѣтъ;
Россiйскому мечу дадутъ прямой отвѣтъ.
Тогда онъ повелѣлъ въ Россiйскую столицу
Отправить плѣнную съ пришедшими Царицу. . .
Насталъ разлуки часъ! въ ней духъ возтрепеталъ,
Уже онъ пламенну къ Алею страсть питалъ;
Объемлетъ онъ ее, стенящъ обьемлетъ друга;
И рекъ: Священна есть для васъ моя услуга!
Рыдающи они взаимно обнялись,
Какъ лозы винныя руками соплелись;

Другъ

Другъ друга долго бы изъ рукъ не отпустили,
Сумбекѣ шествія когдабъ не возвѣстили;
Алей возтрепеталъ; Гирей обнявъ его,
Не могъ прощаяся промолвить ничего;
Сумбека обомлѣвъ, поверглась въ колесницу,
И зрѣніемъ Алей препровождалъ Царицу.

Тогда простерла нощь на землю перву тѣнь;
Назначилъ Царь походъ въ послѣдующій день.
Лишь только путь часы Аврорѣ учредили,
Гремящія трубы все войско возбудили;
И купно съ солнцемъ вставъ Россійскія полки,
Дерзали за Царемъ на оный брегъ рѣки.
Какъ туча двигнувшись, военная громада,
На многи поприща лежала окрестъ града;
Свіяжскъ, который тѣнь далеко простиралъ,
Какъ дубъ на листвія, на воинство взиралъ.

Се брани предлежатъ! О вы, Казански волны,
Которы звуками Россійской славы полны!
Явите мнѣ, полки, вѣщайте грозну брань;
Явите во струяхъ разрушенну Казань;
Мнѣ стѣны въ пламени, трепещущія горы,
Сраженія, мечи представьте передъ взоры,
Да громче воспѣвать военну пѣснь могу,
Сѣдящій съ лирою на Волжскомъ берегу.

Умыслилъ Іоаннъ, боярской ввѣривъ власти,
Все войско раздѣлить на полчища и части,
Дабы извѣдать ихъ къ отечеству любовь,
И порознь разсмотрѣть геройску въ каждомъ кровь.

Ты, Слава, подвиги Россійскія любила,
Казанской брани ты донынѣ не забыла!
Повѣдай мнѣ теперь геройски имяна,
Вѣнчанныя тобой въ прошедши времяна (*).

(*) Сіе ополченіе изъ подлинныхъ тогдашнихъ записокъ взято.

Большiй прiемлетЪ полкЪ, какЪ левЪ неустрашимый,
Микулинскiй вЪ войнѢ вторымЪ ИракломЪ чтимый.
Мстиславскiй сЪ ПенинскимЪ сотрудники его,
Они ограда суть для воинства всего.
ЩенятевЪ правую у войска принялЪ руку;
Сей мужЪ отмѢнно зналЪ военную науку.
Князь Курбскiй раздѢлялЪ начальство вмѢстѢ сЪ нимЪ,
Сей рыцарь славенЪ былЪ, великЪ, неустрашимЪ;
ИмѢлЪ цвѢтущихЪ лѢтЪ сЪ собою брата купно,
Который слѢдовалЪ герою неотступно;
ИхЪ смѢлость, дружба ихЪ, неустрашима кровь,
Жарчае дѢлали вЪ нихЪ братскую любовь.
ПричисленЪ Пронскiй Князь вЪ полку передовому;
ОнЪ тучѢ споденЪ былЪ, доспѢхи сходны грому.
ХилковЪ опредѢленЪ помощникомЪ ему;
Никто не равенЪ есть сЪ нимЪ вЪ войскѢ по уму.
Неужасаемый боязнью никакою,
РомановЪ лѢвою начальствовалЪ рукою,
И храбрость на лицѢ сiяла у него;
ПлѢщеевЪ, твердый мужЪ, сотрудникЪ былЪ его.
Главою Палецкiй полка сторожеваго;
Во браняхЪ вихря видЪ имѢетЪ онЪ крутаго,
ПреходитЪ сквозь ряды, что встрѢтится, валитЪ.
Герой Серебряной начальство сЪ нимЪ дѢлитЪ;
Два рыцаря сiи и ШереметевЪ сЪ ними,
Являлись воинства перунами троими.
ШемякинЪ строевымЪ повелѢвалЪ челомЪ.
Князь ТроекуровЪ несЪ и молнiи и громЪ.
ОтмѢнной храбростью сiяющи во станѢ,
Сложились Муромски вЪ особый полкЪ дворяне;
Являлися они какЪ страшны львы вЪ бою,
И славу сдѢлали безсмертною свою.
Царь войска знатну часть на сотни раздѢляетЪ,
И бодрыхЪ юношей по нихЪ разпредѢляетЪ;

Твер-

Твердыней каменной явилась кажда часть,
Въ которой сердцемъ былъ имущъ надъ нею власть.
За сими двигались военныя снаряды,
Сіи надежныя воителей ограды;
Начальство Розмыслу надъ ними Царь вручилъ (*),
На сихъ сподвижникахъ надеждой опочилъ.
Какъ сильный Богъ, на всю вселенную смотрящій,
И цѣпь связующу весь міръ, въ рукѣ держащій:
Такъ властью въ войскѣ Царь присутствуетъ своей;
Сопутствуютъ ему Адашевъ и Алей.
Царь воинство свое устроевающъ къ бою,
Какъ вихрь листы подвигъ полки передъ собою;
Казалось, каждый валъ, поднявъ главу свою,
По шумной Волгѣ несъ съ героями ладью,
Какъ множествомъ цвѣтовъ среди весенной нѣги,
Покрылись воинствомъ противположны бреги;
Уготовляемы орудія къ войнѣ,
Блестятъ на луговой у Волги сторонѣ.
Тогда великому подобясь войско змію,
Къ Казани двигнулось, прошедъ насквозь Россію.
Тимпановъ громкихъ звукъ, оружій многихъ шумъ,
Ко брани въ ратникахъ воспламеняли умъ.
Уже прекрасное вселенныя свѣтило,
Два раза небеса и землю озлатило;
И дважды во звѣздахъ являлася луна,
Еще Казань была идущимъ не видна;
Не дальное градовъ сосѣдственныхъ стоянье,
Далекимъ сдѣлало всемѣстно препинанье;
Казанцы, дивныя имѣющи мечты,
Разрушили кругомъ преправы и мосты;
Потоки мутныя, озера, топки блата,
Для войска времяни была излишня трата;

Сквозь

(*) Кто сей Розмыслъ былъ, въ Исторіи не означено.

Сквозь всѣ препятства Царь неустрашимъ парилъ;
Идущимъ воинамъ съ весельемъ говорилъ:
О други! бодрствуйте; не долго намъ трудиться;
Вы видите теперь, что насъ Казань страшится;
Когдабъ не ужасалъ ихъ славы нашей гласъ,
Они бы встрѣтили на сихъ равнинахъ насъ.
Коль храбрость у врага души не возжигаетъ,
Онъ къ подлой хитрости воюя прибѣгаетъ;
Дерзайте, воины! намъ стыдно унывать,
Познавъ, съ какимъ врагомъ мы будемъ воевать. . . .
Не страшны намъ враги! Россіяне вскричали;
Возстали, двигнулись, и путь свой окончали.
Едва сокрылася съ луною нощи тѣнь,
Казань представилась ихъ взорамъ въ третій день.
Сей градъ является великъ, прекрасенъ, славенъ,
Обширностію стѣнъ едва Москвѣ не равенъ;
Казанка быстрая, отъ утреннихъ холмовъ,
Въ водѣ являя градъ, течетъ среди луговъ;
Отъ запада Булакъ выходитъ непроходный,
И тиной заглушенъ, влечетъ источникъ водный.
Натура двѣ рѣки старалась вкупѣ свесть,
Бойница первая твердынь гдѣ градскихъ есть;
Тѣсня ногой Кабанъ, другою Арско поле,
Подъемлется гора великая оттолѣ;
Не можетъ досязать ее вершины взглядъ.
На пышной сей горѣ стоитъ въ полкруга градъ;
Божницы гордыя, и царскія чертоги,
Являютъ на своихъ вершинахъ лунны роги,
Которыя своимъ символомъ чтитъ Казань;
Но имъ она сулитъ не миръ, кроваву брань.
Казанцы робкія въ стѣнахъ высокихъ скрыты,
Отъ нихъ, не отъ луны надежной ждутъ защиты.
На рвы глубокія, на стѣны Царь возрѣвъ,
Почувствовалъ въ душѣ крушеніе, не гнѣвъ;

Во-

Вообразилъ себѣ обиды, страхи, брани,
Которыя несла Россія отъ Казани;
Воспламенилась въ немъ ко сродникамъ любовь,
Которыхъ на стѣнахъ еще дымится кровь;
Воображаетъ онъ невольниковъ стенящихъ,
О помощи его въ отчаяньѣ молящихъ;
Внимаетъ гласъ вдовицъ, онъ видитъ токи слезъ;
Простерты длани зритъ ко высотѣ небесъ,
И слышитъ вопль сиротъ на небо вопіющихъ,
Спасенья отъ него въ неволѣ тяжкой ждущихъ.
Но вдругъ представился необычайный свѣтъ:
Явился въ облакахъ Царю усопшій дѣдъ;
Онъ перстомъ указавъ на гордыя бойницы,
На возвышенныя чертоги и божницы;
Вѣщалъ: О храбрый внукъ! смиряй, смиряй Казань;
Не жалость ко стѣнамъ тебя звала; но брань.
Какъ будто бы отъ сна Владѣтель пробудился;
Мгновенно твердый духъ ко брани въ немъ родился;
Глаза ко небесамъ и длани устремилъ,
Сокровища Творцу сердечны отворилъ,
О Боже! помоги, возопіялъ предъ войскомъ. . . .
И зрѣлися лучи въ лицѣ его геройскомъ.
Тогда на всю Казань, какъ узы наложить,
Полкамъ своимъ велѣлъ сей городъ окружить;
И смертоносною стрѣльбою ненасытны,
Оружія велѣлъ устроить стѣнобитны;
Казалось, мѣдяны разверзивъ смерть уста,
По холмамъ и лугамъ заемлетъ всѣ мѣста;
И стрѣлы и мечи, во тулахъ возшумѣли,
Которы храбрыя воители имѣли.

Дабы начальникамъ осаду возвѣстить,
Велѣлъ Монархъ хоругвь святую разпустить.
Князь Пронскій, жаждущій сего священна знака,
Съ отборнымъ воинствомъ прешелъ струи Булака;

Стоящій близь его въ лугахъ съ полкомъ своимъ,
По волѣ Царской шелъ и Троекуровъ съ нимъ.
Какъ туча воинство ко граду поднималось,
И молніями въ ней оружіе казалось.
Приходятъ; зрится имъ Казань, какъ улій пчелъ,
Который межъ цвѣтовъ стоящій запустѣлъ;
Молчаща тишина во градѣ пребывала;
Но бурю грозную подъ крыльями скрывала.
Такъ часто Окіанъ предъ тѣмъ впадаетъ въ сонъ,
Когда готовится къ великой бурѣ онъ;
И многи ратники войной неизкушенны,
Казанской тишиной являлись возхищенны.
Но два начальника молчащу злость сію
Почли за скрытую въ густой травѣ змію.
 Съ орлиной быстротой прешедъ холмы и рвины,
Едва крутой горы достигли половины,
Отверзивъ пламенны уста, какъ страшный адъ,
И вдругъ затрепетавъ, изрыгнулъ войска градъ;
Казанцы бросились полкамъ Россійскимъ въ стрѣчу,
И съ воплемъ начали кроваву съ ними сѣчу.
Какъ волки нашихъ силъ въ средину ворвались,
Кровавыя ручьи мгновенно полились.
Россійски ратники на части раздѣленны,
Быть скоро не могли въ полки совокупленны;
Съ одной страны, какъ градъ, летѣла туча стрѣлъ;
Съ другой являлась смерть; пищальный огнь горѣлъ.
Послѣдующи два героя Едигеру,
Покинувъ смутный градъ, какъ страшны львы пещеру,
Оставивъ двѣ четы героевъ во стѣнахъ,
Смѣшали воинство, какъ вихрь смущаетъ прахъ;
Ихъ стрѣлы не язвятъ, и копья устремленны,
Ломаясь о щиты, падутъ какъ трости тлѣнны.
Озмаръ единъ изъ нихъ, производящій родъ
Отъ храбрыхъ рыцарей у Крымскихъ черныхъ водъ,

На

На Россовъ страхъ въ бою, какъ молнія, наводитъ;
Трепещутъ всѣ, куда сей витязь ни приходитъ;
Главу единому въ двѣ доли разразилъ;
Другова въ чрево онъ мечемъ насквозь пронзилъ;
Всѣхъ коситъ, какъ траву, кто щитъ свой ни уставитъ;
Строптивый конь его тѣла кровавы давитъ;
Уже съ Русинскаго мечемъ онъ ссѣкъ главу,
Она роптающа упала на траву.
Угримова повергъ немилосердый воинъ;
Сей витязь многія жить вѣки былъ достоинъ;
Единый сынъ сей мужъ остался у отца,
И въ юности не ждалъ толь скораго конца.
Отъемлетъ злый Озмаръ супруга у супруги;
Возплачутъ отъ него и матери и други.
Тогда злодѣй полки какъ волны раздѣлилъ,
На Троекурова всю ярость устремилъ.
Воитель въ подвигахъ неустрашимый, злобный,
Закинувъ на хребетъ свой щитъ лунѣ подобный,
Въ уста вложивъ кинжалъ, и въ руки взявъ мечи,
Которы у него сверкали какъ лучи,
Бѣжитъ; но встрѣтилъ Князь мечемъ сего злодѣя;
Текуща кровь съ броней на землю каплетъ рдѣя;
Наводитъ ужасъ онъ какъ близкая гроза;
Сверкаютъ подъ шеломъ у варвара глаза;
Героя поразить Росссійкаго пытался,
Подвигся, отступилъ, во всѣ страны метался;
Хотѣлъ со двухъ сторонъ мечи свои вонзить,
Но Князь успѣлъ его сквозь сердце поразить;
Злодѣй заскрежетавъ сомкнулъ кровавы очи,
И весь возтрепеталъ низшедый въ мраки ночи.

Поверженна врага увидѣвъ своего,
Герой Россійскій снять спѣшилъ броню съ него;
Удары злобныхъ Ордъ щитомъ своимъ отводитъ;
Ихъ нудитъ отступить, съ коня на землю сходитъ,

Поникъ, но храбрость ту вторый злодѣй пресѣкъ;
Съ копьемъ въ одной рукѣ, въ другой съ чеканомъ текъ;
Шумитъ какъ древній дубъ, великъ тяжелымъ станомъ,
И Троекурова ударилъ въ тылъ чеканомъ;
Свалился шлемъ съ него какъ камень на траву;
Злодѣй, алкающій разсѣчь его главу,
Направилъ копіе рукою сильной въ выю,
И скоро бы лишилъ поборника Россію;
Уже броню его, и кольцы сокрушилъ,
Но Пронскій на конѣ къ сей битвѣ поспѣшилъ;
Узнавый, что его сподвижникъ погибаетъ,
Какъ молнія ряды смѣшенны пролетаетъ;
Разитъ, и руку прочь успѣлъ онъ отдѣлить,
Которой врагъ хотѣлъ геройску кровь пролить;
Свирѣпый витязь палъ. Ордынцы встрепетали;
Возкрикнули, щиты и шлемы разметали;
Смѣшались, дрогнули, и обратились въ бѣгъ.
Съ полками Пронскій Князь на ихъ хребты налегъ.
Какъ волны предъ собой Борей въ пучинѣ гонитъ,
Или къ лицу земли древа на сушѣ клонитъ:
Такъ гонятъ Россы ихъ въ толпу соединясь,
Рубите! бодрствуйте! вопилъ имъ Пронскій Князь.
Весь воздухъ огустѣлъ шумящими стрѣлами,
И долъ наполнился кровавыми тѣлами;
Звукъ слышится мечный, и ржаніе коней;
Летаетъ грозна смерть съ косою межъ огней;
Катятся тамъ главы, ліются крови рѣки,
И человѣчество забыли человѣки!
Что былобъ варварствомъ въ другія времена,
То въ полѣ сдѣлала достоинствомъ война.
Отрублена рука кровавый мечь держаща,
Ни страшная глава въ крови своей лежаща,
Ни умирающихъ прискорбный сердцу стонъ,
Не могутъ изъ сердецъ изгнать свирѣпства вонъ;

За

За что бы не хотѣлъ герой принять короны,
То дѣлаетъ теперь для царства обороны;
Недосязающій бѣгущаго мечемъ,
Старается его достигнуть копіемъ;
Бросаетъ вдаль копье, и кровь течетъ багрова;
Лишь только умерщвлять, на мысли нѣтъ инова!
Окровавилися лазоревы поля;
И стонетъ, кажется, подъ грудой тѣлъ земля.
Казанцы робкія свой путь ко граду правятъ;
Тѣснятся во вратахъ, сѣкутъ, другъ друга давятъ;
Безвремянно врата сомкнувши робкій градъ,
Какъ вихремъ отразилъ вбѣгающихъ назадъ.
Казанцы гордый духъ на робость премѣнили,
Оставленны у вратъ, колѣна преклонили.
Князь Пронскій мщеніемъ уже не ослѣпленъ,
Ихъ прозьбой тронутъ былъ, и принялъ ихъ во плѣнъ.
Тогда луна свои чертоги отворила,
И ризой темною полки и градъ покрыла.
Но кровію своей и потомъ омовенъ,
Князь Троекуровъ былъ во Царскій станъ внесенъ.
Какое зрѣлище! съ увядшимъ сходенъ цвѣтомъ,
Который преклонилъ листы на стеблѣ лѣтомъ,
На персяхъ онъ главу висящую имѣлъ.
Взглянувый на Царя, вздохнулъ и онѣмѣлъ.
Рыдая Іоаннъ бездушнаго объемлетъ;
Но Царь, обнявъ его, еще дыханье внемлетъ;
Герой сей живъ! . . . онъ живъ!... въ восторгѣ вопіетъ;
Самъ стелитъ одръ ему, и воду подаетъ.
Коль такъ Владѣтели о подданныхъ пекутся,
Они безгрѣшно ихъ отцами нарекутся.
Ахъ! для чего не всѣ носящія вѣнцы,
Бываютъ подданнымъ толь нѣжныя отцы?
Но Царь при горестяхъ и радость ощущаетъ,
Представый воинству, онъ воинству вѣщаетъ:

Вашъ подвигъ намъ врата ко славѣ отворилъ,
И наши будущи побѣды предварилъ,
Мужайтеся друзья! мы зримъ примѣры ясны
Что брани наглыхъ Ордъ для Россовъ безопасны.
Увидя Пронскаго, о Князь! вѣщалъ ему,
Коль мы послѣдуемъ примѣру твоему,
Наутріе Орда и градъ ихъ сокрушится....
Сіе пророчество внедолгѣ совершится!
Ордамъ защитникъ адъ, поборникъ Россамъ Богъ;
Начальникъ храбрый Царь: кто быть имъ страшенъ могъ?
О Муза! будь бодра, на крилѣхъ вознесися,
Блюди полночный часъ и сномъ не тяготися.
Что медлишь мрачна нощь, что волны спятъ въ рѣкѣ?
Лишь вѣютъ тихія зефиры въ тростникѣ;
Что солнца изъ морей денница не выводитъ?
Натура спитъ, а Царь уже по стану ходитъ;
Доколѣ брани духъ въ сердцахъ у васъ горитъ,
Мужайтесь воины! Владѣтель говоритъ;
Казань меня и васъ польстила миромъ ложнымъ;
Мы праведной войной отмстимъ врагамъ безбожнымъ.
Во взорахъ молніи, нося перунъ въ рукахъ,
Онъ храбрость пламенну зажегъ во всѣхъ полкахъ.
Но чьи простерлися отъ града черны тѣни,
Текущія къ полкамъ, какъ быстрыя елени?
Какъ въ стадѣ агничемъ, смятенномъ страшнымъ львомъ,
Ужасный слышанъ вопль въ полкѣ стороживомъ;
Россійски ратники въ горахъ себя скрываютъ,
И тинистый Булакъ поспѣшно преплываютъ;
Являетъ ужасъ ихъ блистающа луна,
Которая была въ окружности полна.
Тамъ шлемы со холма кровавыя катятся;
Тамъ копья, тамъ щиты разбросанныя зрятся;
Какъ овцы, воины разсыпанны бѣгутъ;
Четыре храбрые героя ихъ женутъ:

То

То храбры витязи изшедши изъ Казани,
Отмщать Россїянамъ успѣхъ вечерней брани:
Изъ Индїи Мирседъ, Черкешенинъ Бразинъ,
Рамида Персянка, и Гидромиръ Срацинъ;
Горящїя огнемъ позорныя любови,
Алкаютъ жаждою ко Христїянской крови;
Изторгнувъ въ ярости кинжалы и мечи,
Какъ бури страшныя повѣяли въ ночи,
И войска нашего ударили въ ограду;
Какъ стадо лебедей скрывается отъ граду.
Такъ стражи по холмамъ отъ ихъ мечей текли...
Злодѣи скоро бы вломиться въ станъ могли,
Когдабъ не прекратилъ сїю кровaву сѣчу,
Князь Курбскїй съ Палецкимъ, врагамъ текущи встрѣчу.
Но вдругъ нахмурила прїятна нощь чело;
Блистающа луна, какъ тусклое стекло,
Во мрачны облака свое лице склонила,
И звѣзды въ блѣдныя свѣтила премѣнила;
Сгустилась вскорѣ тма, предшественница дня;
Лишенны витязи небеснаго огня,
Другъ къ другу движутся, другъ друга отпираютъ;
Но воздухъ лишь во тмѣ мечами ударяютъ,
И слышится вдали отъ ихъ ударовъ трескъ:
Встрѣчаяся мечи, кидаютъ слабый блескъ;
О камни копья бьютъ, когда другъ въ друга мѣтятъ;
Имъ пламенны сердца въ бою при мракѣ свѣтятъ.
Тогда кристальну дверь небесну отворя,
Являться начала багровая заря,
И удивилася, взглянувъ на мѣсто боя,
Что бьются съ четырьмя Россїйскихъ два героя;
Дивилася Казань, взглянувъ съ крутыхъ вершинъ,
Что Палецкїй съ тремя сражается единъ;
Какъ левъ среди волковъ, ихъ скрежетъ презираетъ,
Такъ Палецкїй на трехъ героевъ не взираетъ;

Ки-

Кидается на нихъ, кидается съ мечемъ,
Который тройственнымъ является лучемъ.
Толь быстро обращалъ герой свой мечь рукою,
И съ кровьюбъ източилъ Ордынску злость рѣкою;
Но Гидромиръ, взмахнувъ велику булаву,
Вдругъ съ тыла поразилъ героя во главу;
Потупилъ онъ чело, сомкнулъ померклы очи,
И руки опустивъ, низшелъ бы въ бездну ночи,
Когдабъ не прерванъ былъ незапно смертный бой.
Со Курбскимъ на холмѣ бiющiйся герой,
Въ изгибахъ ратничьихъ подобенъ змiю зрится;
Что больше есть упорствъ, то больше онъ ярится.
Къ главѣ коня склонивъ герой чело свое,
Пустилъ во Курбскаго шумяще копiе;
Но язву легкую почувствуя едину,
Князь Курбскiй быстроту имѣющiй орлину,
Толь крѣпко мечь во шлемъ злодѣйскiй углубилъ,
Что въ части всѣ его закрѣпы раздробилъ;
Противника ручьи кровавы обагрили;
Волнистыя власы плеча его покрыли;
По бѣлому челу кровь алая текла,
Какъ будто по сребру. . . Рамида то была;
И язву на челѣ рукою захватила,
Вздохнула, и коня ко граду обратила.
Увидя витязи ея текущу кровь;
Чего не дѣлаетъ позорная любовь!
Что ратуютъ они, что въ полѣ, что сразились,
Забыли рыцари, и къ граду обратились;
Имъ стрѣлы въ слѣдъ летятъ, они летятъ отъ нихъ;
Во пламенной любви снѣдала ревность ихъ;
Рамиду уступить другъ другу не хотѣли;
Отъ славы ко любви безстыдствуя летѣли.

Но въ чувство Палецкiй межъ тѣмъ уже пришелъ;
Онъ взоры томныя на рыцарей возвелъ;

Бѣ-

Бѣгутъ они! вскричалъ. . . Болѣзнь пренебрегаетъ;
Врагамъ дерзаетъ въ слѣдъ, за ними въ градъ вбѣгаетъ;
Разитъ, тревожитъ, жметъ, отмщеньемъ ослѣпленъ;
Сомкнулись вдругъ врата, и Князь попалъ во плѣнъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Багровый солнце лучь бросало въ небеса,
Являлась на цвѣтахъ румяная роса;
Кровавыя земля туманы испустила,
Обоимъ воинствамъ бой смертный возвѣстила;
Тамъ топотъ отъ коней, тамъ тяжкій млатъ стучитъ;
Желѣзо движется, и мѣдь сама звучитъ.
Казанскій Царь, внутри Казани затворенный,
Свирѣпствуетъ, какъ вепрь въ пещерѣ разъяренный;
Звучащи внемлющій оружія вокругъ,
Реветъ, и кинуться въ злодѣевъ хощетъ вдругъ.
Свирѣпый Едигеръ, осады не робѣя,
И Князя плѣннаго подъ стражею имѣя,
Четырехъ витязей скрывая во стѣнахъ,
Надежду основалъ на твердыхъ сихъ столпахъ;
Пищалей молніи и громы презираетъ,
Какъ будто на тростникъ, на стрѣлы онъ взираетъ,
И яко лютый тигръ спокойно пищи ждетъ,
Когда пастухъ къ нему со стадомъ подойдетъ.
Имѣющъ мрачну мысль, и душу къ миру мертву,
Россіянъ подъ стѣной себѣ назначилъ въ жертву.
Тогда велѣлъ Ордамъ сокрывшимся въ лѣсахъ,
Когда покажутся знамена на стѣнахъ,

Оста-

Оставить ратную въ глухихъ мѣстахъ засаду,
И Россовъ утѣснить, приближиться ко граду.
Свирѣпствомъ упоенъ, успѣхами манимъ,
Онъ чаетъ славу зрѣть летающу надъ нимъ.
Надежда мрачными его мечтами водитъ;
Отъ звѣрства Едигеръ ко хитрости преходитъ.
Нещастный Палецкій толпою увлеченъ,
Израненъ, скованъ былъ, въ темницу заключенъ,
Благочестивый Царь посла въ Казань отправилъ;
Сто знатныхъ плѣнниковъ за выкупъ Князя ставилъ:
Но яростью кипящъ и зла не зная мѣръ,
Посла изгналъ изъ стѣнъ съ безчестьемъ Едигеръ.
Едва златую дверь Аврора отворила,
Дремучія лѣса и горы озарила,
Имѣющъ бодрый духъ и мужество въ очахъ,
Влечется Палецкій на торжище въ цѣпяхъ;
Народомъ окруженъ, зритъ мѣсто возвышенно,
Червлеными кругомъ коврами обложенно.
Ужасно зрѣлище для сердца и очей!
Тамъ видно множество блистающихъ мечей;
Тиранства вымыслы, источники боязни,
Огни, сѣкиры тамъ, различны смертны казни.
Князь очи отвратилъ въ противную страну,
Тамъ видитъ бисеромъ украшенну жену;
Подобное водѣ сквозь тонко покрывало,
Неизреченныя красы лице сіяло.
Среди позорища являлся самъ тиранъ;
Сѣдитъ держащъ въ рукахъ разгнутый Алкоранъ,
И Князю говоритъ: Зри казни! зри на дѣву!
Имѣющу красы небесны, кровь Цареву;
Едино избери, когда желаешь жить:
Казани обяжись, какъ вѣрный другъ, служить;
Понявъ жену сію для вящшаго обѣта,
Склони твое чело предъ книгой Махомета;

О плѣнникъ! пользуйся щедротою моей;
На Русскаго Царя надежды не имѣй:
Приди, и преклонись! . . . Отъ гнѣва Князь трепещетъ;
Онъ взоры пламенны на Едигера мещетъ,
И тако отвѣчалъ: Иду на смертну казнь!
Оставь мнѣ мой законъ, себѣ оставь боязнь!
Ты смѣлымъ кажешься сѣдящiй на престолѣ;
Не такъ бы гордъ ты былъ со мною въ ратномъ полѣ:
Не угрожай ты мнѣ мученьями тиранъ!
Господь на небесахъ! у града Iоаннъ! . . .
Жестокiй Едигеръ словами уязвленный,
Весь адъ почувствовалъ въ душѣ возпламененный;
Бiющiй въ грудь себя онъ ризу разтерзалъ,
И Князя плѣннаго замучить приказалъ.
Но гордый Гидромиръ на мѣстѣ казни сущiй,
Достойныхъ рыцарей престола выше чтущiй,
Изъ рукъ нещастнаго у воиновъ извлекъ,
И къ трону обратясь, къ Царю отважно рекъ:
О Царь! ты рыцарскихъ священныхъ правъ не зная,
Невольника казнишь, казнить героя чая;
Онъ въ полѣ предложилъ сраженiе тебѣ,
Стыдись робѣть, меня имѣя при себѣ.
Съ молчанiемъ народъ и Царь Срацину внемлетъ;
Спокойно Гидромиръ со Князя узы съемлетъ;
За стѣны подъ щитомъ препроводилъ его,
Сразиться въ битвѣ съ нимъ, взявъ клятву отъ него.
Межъ тѣмъ Россiйскiй Царь, занявъ луга и горы,
Съ вершины, какъ орелъ, бросалъ ко граду взоры;
За станомъ повелѣлъ соорудить раскатъ,
И въ немъ перуны скрывъ, въ нощи привлечь подъ градъ;
Какъ нѣкiй Исполинъ раскатъ стопы подвигнулъ,
Потрясся, заскрипѣлъ, и градскихъ стѣнъ достигнулъ;
Разверзлись пламенны громады сей уста,
Упала молнiя на градскiя врата;

Ка-

Казань кичливую перуны окружаютъ,
По стогнамъ жителей ходящихъ поражаютъ.
Пресѣчь пути врагамъ, весь градъ разрушить вдругъ,
Царь турами велѣлъ обнесть твердыни вкругъ,
И будто малый холмъ обьемлющій руками,
Столицу окружилъ Россійскими полками.
Стараясь скорую осаду совершить,
Велѣлъ опричникамъ подкопомъ поспѣшить.
Казанцы, кои взоръ недремлющій имѣли,
Оружія схвативъ, какъ пчелы возшумѣли;
Тогда явился знакъ колеблемыхъ знаменъ,
Зовущій изъ засадъ Ордынску мощь со стѣнъ.
И се! изъ градскихъ вратъ текутъ рѣкѣ подобны,
На осаждающихъ чрезъ ровъ Ордынцы злобны;
Вскричали, здвигнулись и сѣча началась;
Ударилъ громъ, и кровь ручьями полилась.
Стенанья раненыхъ небесный сводъ пронзаютъ,
Казанцы до шатровъ Россійскихъ досязаютъ;
И силѣ храбрый духъ Россійскій уступилъ;
Засада наскочивъ, ударила имъ въ тылъ.
Войну побѣдою Казанцы бы рѣшили,
Дворяне Муромски когдабъ не поспѣшили.
Сіи воители, какъ твердая стѣна,
Котора изъ мечей единыхъ сложена,
Летятъ, стѣсняютъ, жмутъ, Ордынцовъ раздѣляютъ;
Жаръ множатъ во своихъ, въ Казанцахъ утоляютъ,
Какъ прахъ развѣяли толпы враговъ своихъ,
Прогнали; брани огнь съ сея страны утихъ.
Но три воителя, сомкнувшися щитами,
Изъ градскихъ вышли стѣнъ особыми вратами;
Какъ облако, отъ ихъ коней сгустился прахъ;
На крыліяхъ летятъ предъ ними смерть и страхъ;
Ихъ взоры молніи, доспѣхи громъ метали;
Ступай къ намъ Курбскій Князь! вопить предъ войскомъ стали,

Шемякинъ! Палецкій! и кто изъ храбрыхъ есть?
Придите возпріять единоборства честь! . . .
И вопитъ Гидромиръ: Осмѣльтесь биться съ нами!
Иль нравно только вамъ сражаться со женами. . . .
Онъ кожей тигровой является покрытъ,
Въ очахъ его туманъ и тусклый огнь горитъ;
Свирѣпость на лицѣ, въ устахъ слова безбожны,
Неблаговѣрному хулителю возможны;
Подобенъ видится ожесточенну льву,
Рукою онъ вращалъ желѣзну булаву;
И громко возопилъ: Вы зрите не Рамиду;
Россіянамъ хощу отмстить ея обиду,
Ступайте казнь принять! . . . Возпѣнясь какъ котелъ,
Мстиславскій дать отвѣтъ Ордынцамъ восхотѣлъ.
Сей мужъ въ сраженіяхъ ни дерзокъ былъ, ни злобенъ,
Но твердому кремню являлся онъ подобенъ,
Который сильный огнь въ то время издаетъ,
Когда желѣзомъ кто его поверхность бьетъ.
Стоящъ недвижимо въ рядахъ, какъ нѣкій камень,
Мстиславскій ощутилъ горящій въ сердцѣ пламень.
Царь выступить велѣлъ противу трехъ троимъ;
Мстиславскій двигнулся и Курбскій вмѣстѣ съ нимъ;
На битву Палецкій въ условіе стремится.
Сближаются; земля дрожитъ, и небо тмится.
Подобенъ бурному приливу шумныхъ водъ,
Стекается уже съ обѣихъ странъ народъ.
Но камень будто бы въ рѣку изъ рукъ падущій,
Изъ точки дѣлаетъ всечасно кругъ растущій:
Противоборники мечи исторгнувъ вдругъ,
Такъ двигали народъ, изъ круга въ большій кругъ.
Тогда свой мечь склонивъ Бразинъ, сіе вѣщаетъ:
Сей день намъ торжество, иль гибель обѣщаетъ;
Когда побѣды вы получите вѣнецъ,
Поставите войнѣ и прѣнію конецъ;

Въ

Въ отечество свое клянемся возвратиться;
Однако льзя ли симъ, о Россы! вамъ и льститься?
Но естьли будетъ такъ, безъ насъ возмите градъ:
Вы сильны покорить тогда и самый адъ.
Но естьли Россовъ мы во брани одолѣемъ,
О чемъ ни малаго сомнѣнья не имѣемъ;
Мы въ узахъ повлечемъ противоборцевъ въ плѣнъ,
И будетъ нами край Московский изтребленъ;
Рабы вы будьте намъ! клянемся нынѣ въ ономъ,
Мечами нашими, пророкомъ, Царскимъ трономъ;
Когда сраженіе не ужасаетъ васъ,
Завѣтъ исполнить сей, клянитесь вы сей часъ!
 Отъ сей кичливости исполненныя гнѣва,
Герои требуютъ согласія Царева,
Да словомъ подтвердитъ ихъ клятвы онъ печать.
На все рѣшился Царь, и брань велѣлъ начать.
Все войско раздалось для важнаго предлога;
Герои шлемы снявъ, зовутъ на помощь Бога.
Жестокій Гидромиръ свирѣпства не скрывалъ,
Не Бога въ помощь онъ, но храбрость призывалъ;
И рекъ Россіянамъ: Сраженія не длите;
Не о побѣдѣ вы, о жизни днесь молите;
Готовтесь казнь принять! Съ симъ словомъ, какъ орелъ,
На Палецкаго мечь изторгнувъ полетѣлъ;
Съ Бразиномъ копьями Мстиславскій Князь сразился;
Мечь Курбскаго во щитъ Мирседу водрузился;
Весь воздухъ возшумѣлъ и битва началась. . . .
Сражаются, но кровь не скоро пролилась.
Мстиславскій на врага, какъ молніи кидаетъ,
То съ лѣвыя страны, то съ правой нападаетъ;
Но будто камень онъ орудіемъ біетъ,
Уже разить копьемъ Бразина устаетъ;
Вотще ласкается побѣдою и миромъ.
Схватился Палецкій съ свирѣпымъ Гидромиромъ;

Кони споткнулися, упали шлемы съ нихъ,
Закрыли ихъ щиты главы у обоихъ;
Склоненныя къ землѣ еще они бiются;
Воспрянувъ сдвигнулись, удары раздаются;
Спираясь три четы, изображаютъ кругъ,
То въ груду сложатся, то раздадутся вдругъ.
Отвсюду зрится смерть, отвсюду и побѣда.
Князь Курбскiй копiемъ ударилъ въ грудь Мирседа;
Щитомъ себя Мирседъ закрыть не ускорилъ,
Взревѣлъ, и тыломъ онъ хребетъ коня покрылъ.
Рамида въ оный часъ со стѣнъ на брань взглянула,
И видя во крови Мирседа, воздохнула;
Къ Мирседу паче всѣхъ склонна была она.
Забыла, что сама въ чело поражена,
Мгновенно въ сердце къ ней Мирседовъ стонъ преходитъ
И въ духѣ пламенномъ отмщенье производитъ;
Россiйскихъ ратниковъ мечемъ своимъ сѣчетъ,
И клятву разорвавъ, на помощь къ тремъ течетъ.
Познавъ лукавство ихъ, Россiяне возстали,
Ихъ очи и мечи какъ молнiи блистали;
Едва сраженiе межъ рыцарьми зажглось,
Какъ твердая земля водой разорвалось;
Кипитъ сраженiе, полки къ полкамъ лiются;
Герои съ вящшею досадой разстаются.
Князь Курбскiй обратясь, унять своихъ хотѣлъ.
Во время то Мирседъ на Князя налетѣлъ,
Копьемъ ребро его подъ сердцемъ прободаетъ,
Разитъ въ главу, и Князь безчувственъ упадаетъ.
Пылаютъ мщенiемъ Россiйскiя полки,
Слились съ Казанскими, какъ будто двѣ рѣки,
Гдѣ волны бурное теченье устремляютъ,
Другъ друга прутъ назадъ, другъ друга подавляютъ;
Сперлися воины въ поднявшейся пыли;
Безгласенъ Курбскiй Князь простерся на земли.

И се развившися, какъ страшныя стихіи,
Четыре витязя грозятъ бѣдой Россіи.
Подобно съединясь четыре вѣтра вдругъ,
Бунтуютъ Океянъ, летая съ шумомъ вкругъ;
Блестящія мечи въ густой пыли сверкаютъ,
Средь войска скачущи, какъ страшны львы рыкаютъ.
Россіяне уже склонялись отступить;
Но силы новыя пришли ихъ подкрѣпить;
Вельможи съ мудрыми приспѣли къ нимъ рѣчами;
Самъ Царь вліялъ въ сердца имъ храбрый духъ очами.
Но Курбскій между тѣмъ почти во смертномъ рвѣ,
Едва дыша стеналъ, израненъ на травѣ;
Вблизи лежалъ единъ изъ витязей Казанскихъ,
Глотая пыль, отъ рукъ поверженъ Христіянскихъ;
Сей вдругъ опомнился, на Курбскаго взглянулъ,
Онъ мужество его и силы вспомянулъ;
Зря Князя дышуща, убійство долгомъ ставитъ;
На локоть опершись, песокъ колѣномъ давитъ,
По собственной крови нога его скользитъ,
И умирающій безчувственну грозитъ;
Но свой кинжалъ рукой дрожащей исторгаетъ,
Какъ змій раздавленный, онъ тѣло придвигаетъ,
Послѣдню варваръ кровь стремится источить,
И чаетъ тѣмъ вѣнецъ на небѣ получить.
Велика бы сія была Россіи трата;
Но младшій старшаго Князь Курбскій видитъ брата,
Убійцѣ острое копье въ хребетъ вонзилъ,
Надъ тѣломъ братнинымъ злодѣя поразилъ.
Залившись юноша горчайшихъ слезъ рѣками,
Объемлетъ блѣдный трупъ дрожащими руками,
Увы! любезный братъ, стоная вопіетъ,
Покинулъ ты меня, и сей покинулъ свѣтъ.
Но нѣтъ! ты живъ еще ко мнѣ твоей любовью,
И дружествомъ во мнѣ, и братней живъ ты кровью;

Я гнѣва моея души не насыщу,
Доколѣ въ пепелъ всю Казань не превращу.
Израненный взглянулъ, пожавъ у брата руку,
Болѣзненну его убавилъ въ сердцѣ муку;
О братъ мой! онъ вскричалъ, ты живъ; на часъ прости!...
И ратникамъ велѣлъ въ шатры его нести.
Героя ратники, какъ пчелы окружили,
Поднявъ стенящаго, на твердый щитъ взложили:
Коль бремя легкое воительскимъ рукамъ,
Почтенное для нихъ, но тяжкое сердцамъ!
Межъ тѣмъ, какъ левъ, младый повсюду Курбскій рыщетъ,
Бразина въ тѣснотѣ и Гидромира ищетъ;
Рамидѣ хощетъ онъ за брата отомстить,
Въ Мирседовой крови блестящій мечь омыть.
Водимый мщеніемъ и храбростью слѣпою,
Онъ вдругъ объемлется Казанскою толпою,
И стрѣлы на него, какъ градъ густой падутъ;
Тамъ видитъ онъ мечи, чеканы, копья тутъ;
Но тяжко то ему, что мщеніемъ коснѣетъ;
Пять стрѣлъ вонзенныхъ онъ въ ногахъ своихъ имѣетъ;
Преломленно копье въ щитѣ его виситъ,
И кровь изъ ранъ его всходящу пыль роситъ;
Но онъ толпы враговъ, какъ стогны разширяетъ,
Однихъ мечемъ, другихъ сѣкирой ударяетъ,
И въ полѣ на конѣ, какъ молнія летитъ,
Ласкаясь, что врагамъ за брата отомститъ.
Въ различныя мѣста начавшагося боя,
Какъ вихри разошлись Казанскихъ три героя;
Мирседъ съ Рамидою, спасти стараясь градъ,
Взявъ пламенникъ, зажгли придвигнутый разкатъ.
Какъ нѣкая гора, громада изтлѣваетъ;
Мирседъ съ Рамидой ровъ глубокій преплываетъ,
На стѣны градскія скоряе бурь текутъ,
И лѣствицы къ стѣнамъ приставленны сѣкутъ;

Ко-

Колеблются они, падуть; и Россы сЪ ними,
ТѢлами градскій ровЪ наполнили своими.
Стоящу на стѢнѢ Мирседу Курбскій рекЪ:
Ты щастливЪ, что во градЪ, какЪ робкій звѢрь утекЪ;
Но мстить другимЪ врагамЪ за брата не оставлю;
Я раны и твои ко ранамЪ ихЪ прибавлю.
Текущу кровь унявЪ, летитЪ скоряе стрѢлЪ,
Туда, гдѢ брани огнь свирѢпѢе горѢлЪ.
Готовься кЪ дивному повѢствованью лира;
Средь МуромскихЪ дворянЪ онЪ видитЪ Гидромира,
Которы витязя отрѢзавЪ отЪ полковЪ,
Его объемлютЪ вкругЪ, какЪ стадо юныхЪ львовЪ;
МежЪ ними зміемЪ онЪ является крылатымЪ,
И движитЪ онЪ щитомЪ, какЪ крыліемЪ пернатымЪ;
Ни онЪ себя отЪ нихЪ не можетЪ свободить,
Ни Муромцы его не могутЪ побѢдить.
КакЪ вѢтьвія свои на землю дубЪ кидаетЪ,
Но движимЪ бурями, стоитЪ, не упадаетЪ:
ТакЪ весь оружіемЪ осыпанЪ вкругЪ своимЪ,
Являлся ГидромирЪ еще неколебимЪ.
Князь Курбскій возопилЪ, алкая сЪ нимЪ схватиться:
Не стыдноль множеству сЪ единымЪ купно биться?
Храните рыцарскій, герои! вЪ бранѢхЪ чинЪ;
Оставьте насЪ, хощу сЪ нимЪ ратовать единЪ.
УслышавЪ ГидромирЪ отважну рѢчь толику,
Висящу вдоль бедры взялЪ палицу велику;
ОнЪ ею вЪ воздухѢ полкруга учинилЪ,
Часть МуромскихЪ дворянЪ на землю преклонилЪ,
И Князя бЪ разразилЪ шумящей булавою,
Но онЪ кЪ главѢ коня приникЪ своей главою,
И тако угонзнулЪ, не поврежденЪ ни чѢмЪ;
Но Гидромира вЪ пахЪ поранилЪ онЪ мечемЪ.
РазсвирѢпѢвЪ злодѢй, болѢнію не внемлетЪ,
КакЪ мачту палицу тяжелую подъемлетЪ,

И Муромскихъ дворянъ, и Курбскаго разитъ:
Тамъ шлемы сокрушилъ, тамъ латы, тамо щитъ.
Какъ дикїй вепрь въ чело стрѣлою уязвленный,
Такъ мечется вездѣ сей витязь разъяренный.
Князь Курбскїй въ грудь его пускаетъ копїе:
Онъ палицей отбилъ оружїе сїе;
Дворяне тучу стрѣлъ въ Ордынца направляютъ,
Пускаютъ, но его еще не уязвляютъ;
Во твердую броню одѣянъ былъ злодѣй,
Но кровь текущая изъ раны какъ ручей,
Ослабила его нечеловѣчьи мочи;
Онъ тяжко обращать померклы началъ очи,
Едва и палицу изъ рукъ не упустилъ;
Шатнулся, и коня ко граду обратилъ.
Младому Курбскому привѣтствуетъ побѣда;
Бѣгущаго врага не покидаетъ слѣда:
Стрѣлой разитъ его, сѣкирою, мечемъ;
Онъ быстро въ градъ скакалъ, не уязвленъ ни чѣмъ;
Но Курбскїй бы низвергъ его въ предѣлы ада,
Вдругъ пуля засвиставъ со стѣнъ мятежна града,
Младому рыцарю ударилась во грудь:
Врагу очистила, ему пресѣкла путь.
Тогда вились, какъ прахъ, Казанцы въ градъ бѣгущи,
И бурей кажутся имъ Россы въ слѣдъ текущи.
Изображенїе Ордынскїя бѣды,
Бѣгущихъ къ граду кровь означила слѣды;
Но окомъ различить, въ пыли, въ толпахъ смѣшенныхъ,
Со побѣдителями не можно побѣжденныхъ:
Равно стремителенъ и сихъ и тѣхъ побѣгъ;
Такъ съ градомъ иногда совокупляясь снѣгъ,
Летитъ въ ущелїе широкой полосою,
И вкупѣ падаетъ, вїясь чертой косою.
Лишь можно Росса тѣмъ съ Ордынцомъ разпознать,
Что сей спѣшилъ утечь, а тотъ спѣшилъ догнать.

Ка-

Казанцы робкія не вдругъ врата отверзли,
Ихъ войски многія въ поляхъ, въ рѣкахъ изчезли.
И се! бѣжитъ Бразинъ, какъ молніей гонимъ;
Обороняся онъ еще мечемъ своимъ.
Микулинскій у рва злодѣя достигаетъ,
Но онъ въ глубокій ровъ стремглавъ себя ввергаетъ;
Кидается съ бреговъ, ко граду онъ плыветъ;
Микулинскій коня за нимъ пускаетъ въ слѣдъ.
Какъ выжлецъ скачущій далеко волка гонитъ,
Туда склоняя бѣгъ, куда онъ бѣгъ уклонитъ;
Зубами кажется касается ему:
Такъ рыщетъ въ слѣдъ герой злодѣю своему;
Въ водѣ его разитъ, онъ трижды погрузился;
Микулинскаго мечь въ хребетъ его вонзился;
Но зря разсѣлину, какъ змій утекъ онъ въ градъ.
Еще Микулинскій не шествуетъ назадъ:
За камень на стѣнѣ рукою ухватился,
Тряхнулъ его, и съ нимъ сей камень отвалился;
Осыпанъ прахомъ весь, Микулинскій падетъ;
Главу щитомъ покрывъ, ко брегу вспять плыветъ.
Свирѣпа смерть блюсти Казанцовъ возхотѣла;
На черныхъ крыліяхъ превыше стѣнъ взлетѣла;
Омытымъ кровію покровомъ облеклась,
И молнія вкругъ ней струями извилась;
Дыханьемъ воздухъ весь селитренымъ сгустила,
Ударилъ громъ, со стѣнъ градъ огненный пустила;
Въ Россійскія полки онъ тучей ударялъ;
За громомъ громъ другій мгновенно ускорялъ.
Благочестивый Царь людей своихъ жалѣя,
Съ плѣненными послалъ Ордынцами Алея;
Передъ стѣнами ихъ велѣлъ къ столбамъ вязать:
Не ярость тѣмъ хотѣлъ надъ ними оказать,
Но войски собственны отъ гибели избавить;
Ордынцовъ укротить, и звѣрства ихъ убавить.

Какъ жертву плѣнниковъ ко граду повлекли;
Ихъ видя у тыновъ Казанцы, имъ рекли:
Вамъ лучше умереть отъ рукъ Махометанскихъ,
Чѣмъ кончить свой животъ въ плѣну отъ Христіянскихъ.
По словѣ варварскомъ ударилъ паки громъ.
Какую пѣснь мнѣ пѣть, какимъ писать перомъ?
Ордынцы злобныя единовѣрныхъ губятъ! . . .
Но се къ отшествію трубы Россійски трубятъ;
Напрасной смерти Царь злодѣямъ не хотѣлъ,
Отверженныхъ враговъ друзьями, пожалѣлъ;
Влеките! возопилъ, невольниковъ обратно.
Похвально побѣждать, но миловать пріятно!
Тогда все войско вспять, какъ море отлилось;
Сраженье у бойницъ еще не прервалось.
Сіяютъ храбростью изъ Мурома дворяне;
Но имъ даютъ отпоръ изъ засѣкъ Агаряне,
Которы въ лѣсъ хотятъ орудія увлечь.
Какъ хворостъ огнь спѣшитъ немедленно возжечь,
Такъ мужество въ сердцахъ дворянъ воспламенилось;
Пожаромъ гибельнымъ Ордынцамъ учинилось:
Разсыпавшись какъ дождь, бѣгутъ отъ стрѣлъ они.
Такъ пламень ѣстъ траву во знойны лѣтни дни;
Очистилось уже отъ битвы ратно поле;
Ордынцы скрылись въ лѣсъ, не стало брани болѣ.
Но полемъ шествуя, съ печалью Царь воззрѣлъ,
На груды цѣлыя въ крови лежащихъ тѣлъ.
Лицемъ ко небесамъ Россіяне лежали,
Возшедши души ихъ туда изображали.
Ордынцы ницъ упавъ, потупя тусклый взглядъ,
Являли души ихъ низшедшія во адъ.
Царь сѣтуя о сихъ, болѣзнуя о чадахъ,
Крушеніе носилъ въ величественныхъ взглядахъ;
Тогда предать землѣ тѣла ихъ повелѣлъ;
Но витязя межъ нихъ стеняща усмотрѣлъ,

Ко-

Который ослабѣвъ на мечь свой опирался;
Три раза упадалъ, три раза встать старался:
То Курбскій былъ младый; лишаемаго силъ,
Царь витязя сего въ объятія схватилъ;
Возставилъ, и въ душѣ смущенъ его судьбою,
Помалу шествуя, во станъ привелъ съ собою,

Не долженъ Князь отъ ранъ подъ градомъ умереть;
Но матерь въ старости его не будетъ зрѣть:
Въ ея объятія едва онъ возвратится,
Цвѣтущій вѣкъ его отъ раны прекратится.
Скорбящій братъ его разслабленъ, утомленъ,
Къ погибели своей явится изцѣленъ.

Сумнительная брань Цареву грудь печалитъ;
Но мужество однихъ, другихъ успѣхи хвалитъ,
Лобзаетъ витязей, какъ чадъ своихъ отецъ,
Награда взоръ его, а слово имъ вѣнецъ.
Возженны вѣрною къ отечеству любовью,
Запечатлѣть ее хотятъ своею кровью.

Уже покровомъ ночь объемлется густымъ;
Въ поляхъ являются огни и синій дымъ,
Какъ будто бы свѣщи возженныя при гробѣ:
Убитыхъ предаютъ въ поляхъ земной утробѣ;
Преобращается въ могилу чистый лугъ....
Се вѣтры бурныя въ брегахъ взревѣли вдругъ!
Гремятъ, какъ будто бы перуномъ вооруженны,
Россійскія суда снарядомъ нагруженны;
И гибнетъ твердая ограда всѣхъ полковъ,
Металлы тяжкія летаютъ средь валовъ;
Напружилась вода, Борей въ пучину дуетъ;
Съ водою бурный вихрь, а съ нимъ вода воюетъ.
Но вѣтръ, хребетъ рѣки трезубцемъ что разилъ,
Усталъ, на волну легъ, снаряды погрузилъ!
Какое зрѣлище Царю, вельможамъ, войску!
Вода вливаетъ страхъ во грудь и въ мысль геройску.

Царь будто вдругъ претя сомнѣнью и волнамъ,
Вѣщалъ: Погибло все, осталась храбрость намъ!
На храбрость воины надежду возложите,
И грудью грады брать искуство покажите.
Мы грудью градъ возмемъ! всѣ воины рекли;
Потомъ къ оставшимся оружіямъ текли.
Тогда увидѣли при лунномъ возсіяньѣ,
Котораго на станъ клонилося блистанье:
Тамъ нѣкій юноша скитался межъ шатровъ,
Пріявый Росскую одежду, въ свой покровъ;
Но робкій ходъ его, на всѣ страны воззрѣнье,
Вселяютъ во царя и въ войско подозрѣнье.
Прерѣзанъ путь ему, и юноша схваченъ;
Между мечами онъ къ Монарху привлеченъ.
Кто ты? у плѣнника герои вопрошаютъ;
Но твердости его вопросомъ не лишаютъ.
Увы! отвѣтствуетъ, бѣда мнѣ съ вами брань!
Не кроюся, мое отечество Казань;
Но что въ одеждѣ сей изшелъ изъ града смѣло,
Хотѣлъ сыскати здѣсь родительское тѣло.
Синонъ! вторый Синонъ! возопіялъ стеня,
Отецъ мой въ брань пошелъ сражаться за меня;
Увы! онъ кончилъ жизнь; мнѣ тѣнь его явилась,
И прахъ землѣ предать, рыдыя, мнѣ молилась.
Ахъ! дайте тѣло мнѣ бездушное обнять:
По крови мнѣ моей легко его познать;
Имѣете отцевъ, о Россы! вы и сами;
Надъ сыномъ сжальтеся, молю васъ небесами;
За щедрости сіи услугу вамъ явлю:
Вамъ тайны, вамъ дѣла Казански объявлю.
Но Царь, познавый въ немъ духъ лести и измѣны,
Вѣщалъ: Бѣги скоряй нещастный въ градски стѣны!
Бѣги! и опиши Казанцамъ Россійскій станъ;
Скажи, что съ войскомъ въ немъ не дремлетъ Іоаннъ;

Что безъ побѣды онъ отъ града не отступитъ,
И дружбы никогда измѣнничей не купитъ.
Едва сіи слова съ презрѣньемъ Царь изрекъ,
Какъ громомъ пораженъ лазутчикъ въ градъ потекъ.
Но гордый Едигеръ, питая мысль жестоку,
Не къ храбрости прибѣгъ, прибѣгнулъ ко пороку.
Кто въ сердцѣ чистоты не чувствуетъ прямой,
Тотъ хощетъ завсегда покрыть свой умыслъ тьмой.
Есть нѣкая гора въ трехъ поприщахъ отъ града,
За ней скрывалася Ордынская засада;
Съ вершины вдоль горы растетъ дремучій лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
Непроницаемой окружностью и тмою,
Хранилъ дремучій лѣсъ засаду за собою;
Въ горѣ кремнистая ущелина была,
Изъ коей выбѣгать Орда на брань могла.
Толь мѣсто сходное со мрачнымъ дукомъ Царскимъ,
Сношеніе свое имѣло съ градомъ Арскимъ,
Который отъ горы лежалъ въ недалекѣ,
Снаряды отправлялъ къ засадѣ по рѣкѣ.
Роскошной пищею толпа сія снабженна,
Была знаменами ко брани побужденна.
Лишь только совершалъ теченье свѣтлый день,
Луна являлася, сгущалась въ полѣ тѣнь;
Тогда, какъ хищныя изъ мрачныхъ нырищь птицы
Набѣги цѣлый кругъ чинилися седмицы;
Россійскій седьмь нощей не зналъ покоя станъ.
Съ досадой на сіе взираетъ Іоаннъ;
Онъ силы устремлялъ набѣговъ сихъ къ отпору,
Но воины его одну встрѣчали гору;
Дремучій только лѣсъ, непроходимый путь,
Не люди гдѣ ходить, но вѣтры могутъ дуть.
Ордынскаго Царя сей вымыслъ утѣшаетъ:
Но Іоанну быть великимъ не мѣшаетъ.

Однако видимыхъ ко отвращенью бѣдъ,
Ревнительныхъ вельможъ въ шатры свои зоветъ;
Открылъ вину, почто осадою коснѣетъ:
Подземный ходъ, вѣщалъ, успѣховъ не имѣетъ;
Приступа явнаго не можно предпріять,
Но войскъ велику часть удобно потерять.
Тогда Хилковъ возсталъ, являющъ смыслъ во взорахъ,
Въ разсудкѣ плодовитъ, но краткокъ въ разговорахъ;
Онъ рекъ Царю: Во вѣкъ мы града не возмемъ,
Доколѣ изъ засадъ враговъ не изженемъ;
Межъ дебрей и заразъ они въ лѣсахъ смѣшенны,
Но имъ дороги къ намъ отвсюду отворенны:
Вели прерѣзать имъ со всѣхъ сторонъ пути,
Но скромность надлежитъ въ сихъ подвигахъ блюсти,
Засада, коими привыкла къ намъ стремиться;
Въ оврагахъ и горахъ вели своимъ сокрыться.
Ко истребленію Ордынскихъ наглыхъ силъ,
Ты въ стрѣчу имъ пойдешь, они ударятъ въ тылъ.
Есть Арскій близко градъ, тамъ скопище безбожно;
Сіе гнѣздо враговъ разрушить вскорѣ можно;
Пошли туда полки . . . Царь мужу внялъ сему,
И съ Суздальскимъ велѣлъ итти во градъ ему.
Но войски раздѣливъ, какъ тучу, на двѣ части,
Едину поручилъ Тверскаго Князя власти;
Велѣлъ ему изъ горъ Ордынцовъ ожидать,
Въ окопы попустивъ перуны въ нихъ кидать;
Къ порядку ратному оставшихся устроилъ,
И тако воинство и духъ свой успокоилъ.
Стрегущая Орду въ то время войска часть,
Со Троекуровымъ терпѣла злу напасть;
Возлечь Россіяне на ихъ мѣстахъ не смѣли:
На копья опершись, мгновенный сонъ имѣли;
Изъ за лѣсовъ густыхъ тревожитъ ихъ Казань:
Ихъ пища хлѣбъ сухой, столы ихъ были длань;

Лю-

Любовь къ отечеству Россіянъ подкрѣпила,
Сурову пищу ихъ, сонъ легкій заступила.
Велико зло сіе, но меньше было тѣмъ,
Что витязямъ судьба претила четыремъ
Изъ града изходить. Какъ будто хищны враны,
Отъ молній убѣжавъ, они цѣлили раны;
Смущенны не могли Россіянъ возмущать:
Причину ихъ тоски не время мнѣ вѣщать.
Но православія и нашихъ войскъ злодѣя,
Рокъ лютый въ градъ привлекъ Нигрина чародѣя,
Рамидина отца. Онъ внесъ войну, не миръ.
Уже избавился отъ раны Гидромиръ;
Возстали витязи Нигриномъ излеченны;
Но Россамъ грозы ихъ судьбою пресѣченны.
Уже три раза нощь сгущала въ небѣ тѣнь;
Орда изъ засѣки въ четвертый вышла день,
Которыя себя въ кустарникѣ вмѣстили,
Россіяне враговъ ко стражѣ допустили;
И стража начала въ окопы отступать,
Дабы скрываясь, ровъ злодѣямъ изкопать.
Побѣда вѣрная стремящимся польстила!
Но Троекуровъ Князь ударилъ въ оныхъ съ тыла;
Безстрашны изскочивъ на холмы изъ кустовъ,
Съ мечами встрѣтили Россіяне враговъ.
Какъ звѣзды въ лѣтню нощь въ рѣкѣ изображенны;
По небу движутся ни чѣмъ не возмущенны,
Но вѣтры прилетѣвъ на криліяхъ своихъ,
Взволнуютъ верьхъ рѣки и возколеблютъ ихъ:
Такъ Россы съ двухъ сторонъ коней своихъ пустили,
И варварски толпы смѣшали, возмутили.
Казалось, храбрый духъ на крыльяхъ Россовъ несъ;
Затворенъ градъ врагамъ, отрѣзанъ сзади лѣсъ;
Блистаютъ молніи; зіяетъ смерть отвсюду;
Ни гдѣ спасенья нѣтъ, подмоги ни откуду.

Начальникъ нашихъ войскъ ихъ бѣдствомъ умиленъ,
Злодѣямъ предложилъ неизбѣжимый плѣнъ.
Великодушію враги сіи не внемлютъ,
Отчаянную смерть отчаясь предпріемлютъ.
Какъ будто лютая склубившися змія,
Спѣшитъ раскинуться, во чревѣ ядъ тая:
Такъ варвары сперва въ единый кругъ вмѣстились,
И вдругъ во всѣ страны разсыпавшись пустились;
Но будто твердою плотиной сонмамъ водъ,
Прерѣзанъ воинствомъ Россійскимъ ихъ уходъ:
Блестящія мечи отвсюду засверкали;
Тамъ Орды гробъ нашли, побѣды гдѣ искали;
Перуны падаютъ, летаютъ копья въ нихъ:
Пронзенъ въ гортань, упалъ Армазъ, начальникъ ихъ;
Не узритъ вѣчно онъ ни дщерей, ни супруги;
Оставили его и ближнія и други,
Которыя пришли дѣлить корысти съ нимъ;
Судьба назначила подобный жребій имъ.
Армазовъ юный сынъ погибнулъ смертью злою:
Пронзенъ во грудь стрѣлой, песокъ черпитъ стрѣлою,
Его во стременахъ строптивый конь влечетъ,
И гдѣ влечется онъ, тамъ кровь ручьемъ течетъ.
Казалось, мечь схвативъ ужасный ангелъ брани,
Какъ мѣльничны крылѣ вращалъ кровавы длани,
Въ Ордынцовъ бросился, поля окровавилъ,
Устами поглощалъ, стопами ихъ давилъ;
Кони и всадники извѣстный путь теряютъ;
Отъ смерти прочь текутъ, но смертью ускоряютъ.
Какъ сонныхъ будто бы людей ночный пожаръ,
Ввергаетъ грозный бой въ безпамятство Татаръ;
Текутъ въ Россійскій станъ исполненны боязни;
Не родъ войны то былъ, но родъ жестокой казни.
　　Побѣда поднесла Россіянамъ вѣнецъ
Межъ тѣмъ подземный ходъ пріемлетъ свой конецъ,

За трудъ благій успѣхъ Россіянамъ награда!
Уже приближились они подъ стѣны града;
Могила тайная, гдѣ лечь Казань должна,
Искуснымъ Розмысломъ была сооружена;
И соотвѣтствуя намѣреніямъ Царскимъ,
Прорѣзанъ былъ подкопъ къ Казань въ воротамъ Арскимъ.
Коль жилы жизненны когда прерѣжетъ мечь,
Тогда не можетъ кровь во связи оныхъ течь:
Въ утробѣ такъ земной устроенныя ходы,
Совокупленныя пресѣкли съ градомъ воды.
Достигъ искусный мужъ подъ градски тайники,
И въ полѣ удержалъ гуляніе рѣки,
Которая во градъ свободный ходъ имѣла;
Почувствуя свой токъ преторженъ, онѣмѣла.
Казань къ струямъ ея печальный мещетъ взглядъ;
Летитъ на крыліяхъ тоскилива жажда въ градъ:
Смущенныхъ жителей приходъ ея тревожитъ;
Воображеніе ихъ жажду паче множитъ.

Но Розмыслъ тако рвы устроилъ въ сердцѣ горъ,
Что слышать могъ въ землѣ Казанцовъ разговоръ:
Увы! что дѣлать намъ, въ подземномъ ходѣ внемлетъ,
Москва теченіе рѣки у насъ отъемлетъ.
По сводамъ раздался плачевный нѣкій гласъ:
Се! храбрыхъ витязей любовь лишила насъ;
Погибли! вопіютъ, скитаясь вкругъ бойницы,
Погибли! вопіютъ и жены и дѣвицы.

Повѣдалъ Розмыслъ то, что въ градѣ слышалъ онъ.
Къ осадѣ города не зрѣлося препонъ.
Познавый Іоаннъ небесной помощь длани,
Селитрой воружить велѣлъ подкопъ къ Казани.
Но долго Царь познать о таинствѣ не могъ,
Коль грозный витязей сразилъ безъ брани рокъ.

О Муза! отъ твоихъ очей не скрыта древность:
Вѣщай, коль пагубна сердцамъ бываетъ ревность;

Среди военныхъ бѣдствiй и зримыхъ стѣнъ въ крови,
Представь ужасное позорище любви;
Не бойся перервать военну повѣсть, Муза!
Ты къ страсти отлетишь сихъ пѣсней для союза.

Въ горахъ, которыя объемлетъ мрачный лѣсъ,
Простершись, гдѣ лежитъ, высокихъ тѣнь древесъ,
Которыя Гидаспъ струями напаяетъ,
Гдѣ вмѣстѣ грозный Евръ съ Зефиромъ обитаетъ;
Тамъ лютый волхвъ Нигринъ въ вертепѣ древнемъ жилъ:
Россiянъ истребить онъ въ мысляхъ положилъ;
Волшебной прелестью для рыцарей опасну,
Въ бою безстрашную имѣлъ онъ дочь прекрасну;
Воители отъ ней не отступали прочь,
Рамидою слыла пустынникова дочь.
Онъ вѣдая, что брань горитъ вокругъ Казани,
Умыслилъ прiобрѣсть вѣнецъ въ кровавой брани,
Противу Христiянъ воителей возжечь,
И храбрыхъ витязей въ Казань съ луговъ повлечь.
Коль многiя изъ нихъ, забывъ гремящу славу,
Забывъ родителей, отечество, державу,
Въ пустыню рабствовать къ пустыннику пришли!
Женоподобныя съ Рамидой дни вели,
И къ нѣжности склонить прекрасну уповали.
Всегда пригожства лицъ виною золъ бывали!
Сердечной слабостью любовниковъ младыхъ,
Воспользовался волхвъ, и жаркой страстью ихъ;
Отъ дерзкихъ Христiянъ, онъ рекъ, Казань избавить,
Хощу я дщерь мою къ златой Ордѣ отправить;
Кто, слѣдуя за ней, Россiянъ побѣдитъ,
Со мною тотъ союзъ и съ нею утвердитъ;
Тому въ приданое Казань и всѣ народы,
Которыхъ тамо есть безчисленныя роды.
Не царство, не корысть, но плѣнны красоты
Ввергаютъ рыцарей въ прiятныя мечты.

Сто храбрыхъ юношей ея очамъ предстали,
И мужество предъ ней мечами изпытали;
Но брачной раздѣлить съ Рамидою вѣнецъ,
Осталось только три героя наконецъ:
Свирѣпый Гидромиръ, Мирседъ неустрашимый,
Бразинъ, во мнѣніяхъ своихъ непобѣдимый;
Всѣ трое думаютъ Рамидой обладать:
Но сердце женское удобно ль отгадать!
Рамида никому любови не явила,
И паче ядъ въ сердцахъ влюбленныхъ разтравила;
Ласкаетъ всѣхъ троихъ, и всѣхъ троихъ крушитъ;
Но случай, случай все докажетъ и рѣшитъ!
Колико взоръ она и мысль ни притворила;
Но рана страсть ея Мирседова открыла;
Едва ушамъ ея коснулся слабый стонъ,
Примѣтилъ Гидромиръ, что ей угоденъ онъ.
Разрывъ условія, съ Казанскихъ стѣнъ стремленье,
Догадкѣ витязя служили въ подкрѣпленье;
Тогда мечталъ въ тоскѣ и злобѣ Гидромиръ,
Что будто вкругъ его разрушился весь міръ;
Смутили умъ его коварства и обманы:
Онъ язву позабылъ, познавъ сердечны раны,
Сіи тѣлесныхъ ранъ болѣзненнѣй сто кратъ!
Пылая мщеніемъ, пришелъ обратно въ градъ;
Но громомъ пораженъ отчаянной любови,
Отъ скорби ослабѣлъ и отъ изтекшей крови;
Рука, которая отъ ранъ его спасла,
Погибель вѣчную Казани принесла.
Отринулъ Гидромиръ, имѣя мысли черны,
Спокойствія цвѣты, собравъ печали, терны;
И рыцарства уставъ и совѣсть гонитъ прочь:
Къ Рамидѣ во чертогъ пришелъ въ едину ночь,
И тако ей вѣщалъ: Рамида! знаешь вѣрно,
Что я люблю тебя, люблю тебя безмѣрно;

Тво-

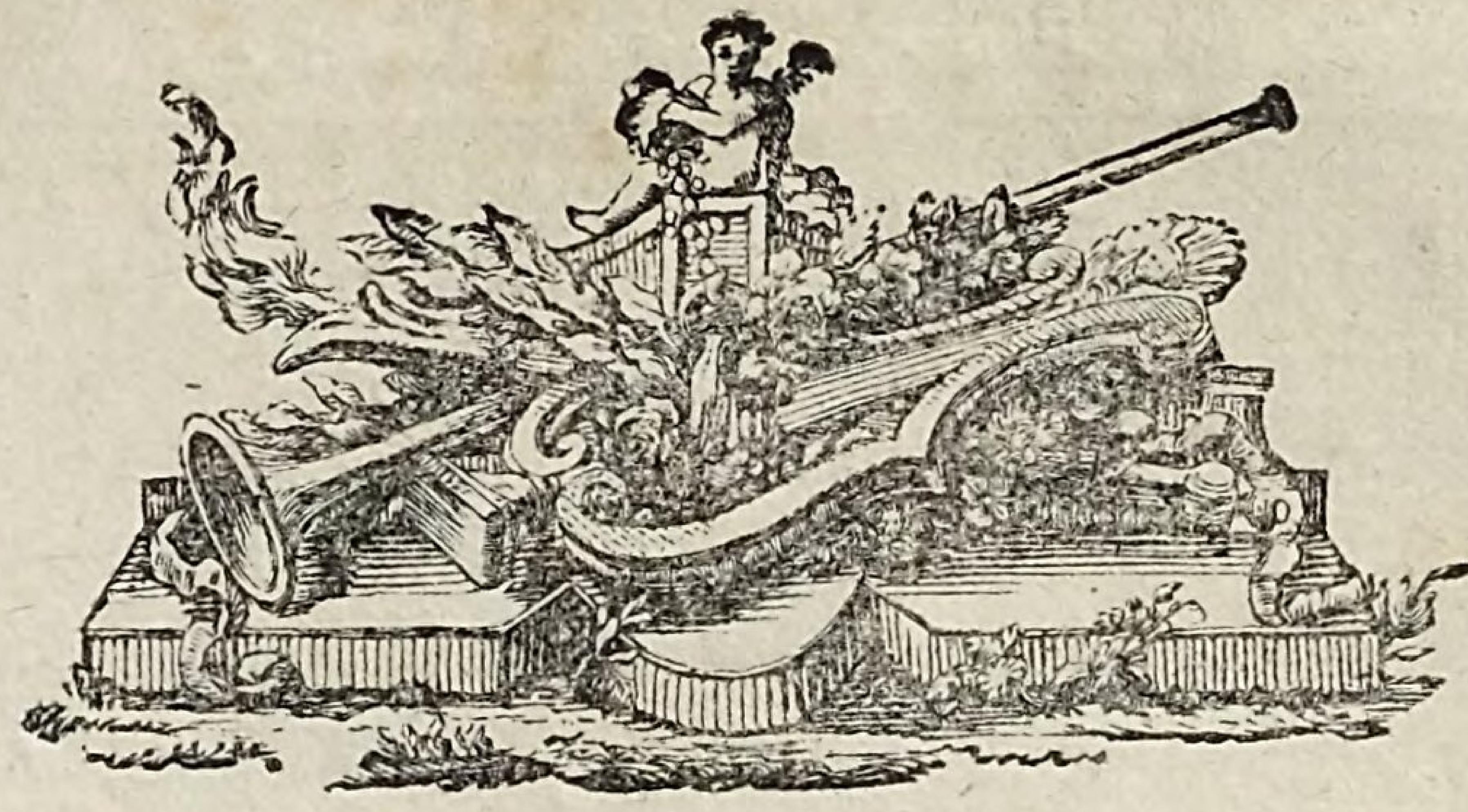
Твоею прелестью вѣ пустыню привлеченѣ,
Не сѣтовалѣ, что я отѣ кровныхѣ отлученѣ;
Пещеры предпочелѣ долинамѣ я цвѣтущимѣ,
И бѣдну хижину меня престоламѣ ждущимѣ;
То все ты вѣдаешь, и вѣдаешь и то,
Что храбростью со мной неравенѣ есть никто;
Россiю ли одну у стѣнѣ совокупленну?
Могу кѣ ногамѣ твоимѣ повергнуть всю вселенну!
Мнѣ стыдно подвиги сѣ Россiей измѣрять;
Пойдемѣ со мной, пойдемѣ вселенну покорять!
Пойдемѣ отсель! мнѣ брань безславная скучаетѣ,
Да нашу страсть вѣнецѣ вселенныя вѣнчаетѣ!
Рамидѣ гордый духѣ его извѣстенѣ былѣ;
Противенѣ рыцарь ей, коль много ни любилѣ;
Вѣщала: мнѣ велѣлѣ того избрать родитель,
Кто будетѣ сильныхѣ войскѣ Московскихѣ побѣдитель;
Я жду побѣды сей успѣховѣ и конца;
Незнающей любви, мнѣ всѣ равны сердца. . . .
Тогда, какѣ будто бы желѣзо разкаленно,
Которо кажется отѣ млатовѣ возпаленно,
Сѣ досадой Гидромирѣ на витязьку воззрѣлѣ;
Свирѣпый гнѣва огнь вѣ очахѣ его горѣлѣ;
Онѣ рекѣ: жестокая! тебѣ нужна побѣда!
Мы всѣ тебѣ равны? а любишь ты Мирседа;
Индѣйца слабаго сравняла ты со мной?
Забудь его теперь, простися сѣ сей страной;
Пойдемѣ туда, гдѣ ждутѣ короны Гидромира;
Пусть рыцари туда всего сберутся мiра,
Могу отвѣтѣ сѣ мечемѣ единый многимѣ дать;
Умѣю ли тобой владѣть и побѣждать!
За всѣ мои труды мнѣ ты одна награда.
Мой конь уже готовѣ, ступай со мной изѣ града!
Но дочь Нигринова кинжалѣ свой извлекла,
Постой преступникѣ клятвѣ! постой! она рекла,

Ра-

Рамида данныхъ клятвъ Нигрину не забудетъ:
Кто Россовъ побѣдитъ, моимъ супругомъ будетъ;
Ты клятву далъ сію, и тако всѣ клялись:
Иди злодѣй отсѣль! или со мной сразись!....
Питая Гидромиръ къ Рамидѣ уваженье,
Съ дѣвицей поставлялъ несвойственнымъ сраженье;
Однако внемля въ стыдъ ввергающую рѣчь,
Изъ града силою хотѣлъ ее извлечь;
Но пробужденные отъ крѣпка сна Нигриномъ,
Къ Рамидѣ во чертогъ пришекъ Мирседъ съ Бразиномъ:
Когда уже себя Сарацынъ успѣхомъ льстилъ,
И весь щитомъ закрытъ, Рамиду ухватилъ;
Какъ будто двѣ змiи, свои изсунувъ жалы,
Исторгли рыцари блестящiя кинжалы;
Клятвопреступнику въ броню вонзаютъ ихъ.
Познавый Гидромиръ соперниковъ своихъ,
Какъ будто молнiю свирѣпы взоры мещетъ.
Рамиду отмщетивъ, бѣснуется, скрежещетъ,
Онъ всю свою напасть тогда вообразилъ;
Двухъ рыцарей однимъ ударомъ поразилъ:
Вращая острый мечь, онъ ссѣкъ главу съ Мирседа,
Бразину грудь пронзилъ; и кончилась побѣда!
Рамида въ оный мигъ къ спасенью своему,
Вонзила глубоко кинжалъ въ хребетъ ему.
Омылись рыцари дымящеюся кровью,
И испустили духъ съ позорною любовью;
Потоки крови ихъ бѣгутъ другъ другу въ слѣдъ!
Рамида видяща, что мертвъ лежитъ Мирседъ,
Падетъ, надъ нимъ падетъ, и тѣло лобызаетъ,
Въ отчаяньѣ сама кинжаломъ грудь пронзаетъ....
Нещастная любовь! прежалостный конецъ!
Вотъ жребiй жаждущихъ плотскихъ утѣхъ сердецъ!

Нигринъ въ сумнѣнiи въ чертогъ къ Рамидѣ входитъ,
На мертвыя тѣла туманный взоръ возводитъ,

И рыцарей и дщерь мгновенно познаетъ.
Что вижу я! власы терзая, вопіетъ:
Любезна дщерь! тебя мои не узрятъ взоры,
Лишилась въ рыцаряхъ Казань своей подпоры.
Но не разстануся во вѣки съ вами я,
Наука оживитъ моихъ друзей моя.
Наполнилъ страшными весь воздухъ онъ словами,
И превратилъ тѣла крылатыми зміями.
Въ семъ видѣ, онъ вѣщалъ, вы должны въ мірѣ жить,
И къ пагубѣ при мнѣ Россіянамъ служить.
Но горесть во сердца вливается народу,
Что отнялъ рокъ у нихъ и рыцарей и воду;
Уже погибели не изчисляя мѣръ,
Въ уныніе пришелъ безсильный Едигеръ;
Съ народа для Москвы въ умѣ сбираетъ дани,
И хощетъ отворить Царю врата Казани;
Но часъ назначенной побѣды не притекъ.
Предсталъ Нигринъ Царю, и тако въ гнѣвѣ рекъ:
О Царь! не унывай; я власть еще имѣю,
Россіянъ отвратить отъ стѣнъ твоихъ умѣю:
Я воду източу изъ воздуха для васъ;
Отмщу за дщерь мою, воздвигну стужи, мразъ;
Воздвигну мщенія волшебныя отъ града,
И всѣ свирѣпости подвластнаго мнѣ ада;
Не могутъ казней сихъ злодѣи претерпѣть:
Оставятъ градъ, иль имъ подъ градомъ умереть!
Помедли три луны; о Царь! я вѣрно льщуся,
Что съ бурями къ тебѣ и съ мразомъ возвращуся; . . .
Вѣщая тѣ слова, на колесницу всѣлъ,
И влечь себя зміямъ крылатымъ повелѣлъ.
Другъ друга бы они вiяся истребили,
Когдабъ не правимы волхвомъ Нигриномъ были!

ПѢСНЬ ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣжныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ;
Гдѣ мразы вѣчный сводъ кристальный составляютъ,
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ прозрачный домъ;
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды;
Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной, является бодра;
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Бѣлѣйшею снѣговъ порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлыя пары,
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Огромныя столпы изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда, громада льдовъ горитъ;
Стихія каждая бездушный видъ имѣетъ:
Ни воздухъ двигаться, ни огнь пылать не смѣетъ.

Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, но видны между льдовъ
Одни замерзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода растопленна въ ущелинахъ лучами,
Окаменѣвъ виситъ на воздухѣ слоями.
Тамъ зримы кажутся вѣщаемы слова,
Но все умерщвлено, натура вся мертва;
И естьли что ни есть имѣетъ жизни свойство,
Такъ трепетъ то единъ, дрожь, блѣдность, безпокойство.
Сѣдые мразы тамъ сѣдыхъ раждаютъ чадъ;
Кудрявы инiи, мятели, томный гладъ.
Развалины градовъ снѣга изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Нетающи снѣга подобятся горамъ;
Студенымъ воздухомъ пещеры дышутъ тамъ.
Оттолѣ къ намъ Зима державу простираетъ,
Въ лугахъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ,
И соки жизненны древесныя сосетъ;
На мерзлыхъ крылiяхъ студеность къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи,
И солнцу отвращать велитъ чело и очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рощи ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ.
Влекомъ змiями къ ней, Нигринъ къ ней въ царство входитъ;
Безбожный чародѣй, вращая смутный взглядъ,
Почувствовалъ въ крови и въ самомъ сердцѣ хладъ;
И превратился бы Нигринъ въ прозрачный камень,
Когдабъ не оживлялъ волхва геенскiй пламень.
Со страхомъ осмотрѣвъ бездушныя мѣста,
Отверзъ дрожащiя и мерзлыя уста,
И рекъ Царицѣ мѣстъ: О страхъ всея природы!
Тебя боится громъ, тебя огонь и воды;
Мертвѣютъ вкругъ тебя натуры красоты:
Она животворитъ, отъемлешь жизни ты;

Хаосъ

Хаосъ тебѣ отецъ, и дщерь Твоя Ничтожность!
Поборствуй тартару, и сдѣлай невозможность.
Хоть замкнута по днесь твоихъ вертеповъ дверь,
И осень царствуетъ въ полунощи теперь;
Разрушь порядокъ свой, сними со вратъ заклепы,
Мятели свободи, морозъ, снѣга свирѣпы;
Не обнаженная и твердая земля,
Но нынѣ одръ у нихъ цвѣтущія поля;
Теперь безстрашныя Россіяне во брани,
Ругаяся тобой, стоятъ вокругъ Казани;
Напомни имъ себя, твою напомни мочь;
Гони ихъ въ домы вспять отъ стѣнъ Казанскихъ прочь;
Твои способности, твою возможность знаю,
И тартаромъ тебя въ семъ дѣлѣ заклинаю,
Дай бури мнѣ и хладъ! . . . Согбенная Зима,
Россійской алчуща погибелью сама,
На льдину опершись, какъ мраморъ побѣлѣла,
Дохнула! Стужа вдругъ на крылехъ излетѣла,
Рожденья въ первый мигъ сей извергъ зрится сѣдъ;
За что ни примется, преобращаетъ въ ледъ;
Гдѣ ступитъ, кажется раждаются алмазы,
Его одежда снѣгъ, его дхновенье мразы.
Сіе изчадіе въ оковы заключивъ,
Вѣщала такъ Зима Нигрину, дщерь вручивъ:
Возьми ты цѣпь сію, влеки ее свободно,
Гдѣ ярость стужѣ тебѣ испытывать угодно;
Се мразы! се снѣга! иди . . . Явлюсь сама;
Явлюсь Россіянамъ . . . узнаютъ, кто Зима!

Подобенъ съ вѣтрами плывущу Одиссею,
Нигринъ отправился въ Казань съ корыстью сею.
При всходѣ третіей луны къ Царю притекъ;
Народу съ бурями отраду онъ привлекъ.
При вихряхъ тишина явилася во градѣ,
Когда готовились Россіяне къ осадѣ.

Но

Но прежде чѣмъ Нигринъ излилъ на Россовъ гнѣвъ,
Четырехъ свободилъ отъ службы ихъ зміевъ:
Рамида, любяща обильны прежде пастьбы,
И сладкія млека и съ поля вкусны яствы,
Веселій ищуща во прахѣ и въ пыли,
Рамида скрылася во внутренность земли.
Который изъ любви сліялъ себѣ кумира,
Токъ водный поглотилъ на вѣки Гидромира.
Единымъ суетамъ стремящійся во слѣдъ,
Въ стихію прелетѣлъ воздушную Мирседъ.
Бразинъ, пылающій свирѣпостью и гнѣвомъ,
Геенны поглощенъ воспламененнымъ зѣвомъ,
И такъ они прешли въ печально царство тмы.
　　Но что при вымыслахъ остановились мы!
Готовяся Казань изобразить попранну,
О Музы! обратимъ нашъ взоръ ко Іоанну.
　　Уже въ подобіе чреватыхъ горъ огнемъ,
Селитрою подкопъ наполненъ былъ совсѣмъ;
И смерть имѣющій въ своей утробѣ темной,
Горящей искры ждалъ во тѣснотѣ подземной.
Подъ градомъ адъ лежитъ, во градѣ мразъ и хладъ.
Царь ждетъ, доколь Хилковъ не придетъ въ станъ назадъ.
Тогда полки его съ Хилковымъ возвратились,
И нужны времена въ роскошны претворились;
Сокровища свои хранила гдѣ Орда,
Градъ Арскій, яко прахъ, развѣянъ былъ тогда;
Изчезнулъ древними гордящійся годами,
Пустыни принялъ видъ, разставшись со стадами.
Россіяне его остатковъ не спасли,
Съ побѣдой многія богатства принесли.
Терпящи нищету, и гладомъ утомленны,
Россійски вдругъ полки явились оживленны;
На части пригнанныхъ дѣлятъ стада воловъ;
Пиры являются на высотѣ холмовъ;

Ли-

Ликуютъ воины, довольствомъ утучненны,
И злато видно тамъ и ризы драгоцѣнны.
Но ахъ! тѣмъ воинствамъ нещастіе грозитъ,
Которыхъ злата блескъ и роскошь заразитъ;
Герои таковы надежда всей державы,
Которымъ льститъ единъ вѣнецъ безсмертной славы;
Но Царь внесенныя сокровища къ нему,
Въ награду воинству назначилъ своему.
Такою храбрость ихъ корыстью награжденна,
Могла корыстью быть единой побѣжденна;
И вскорѣ то сбылось! . . Отважный Іоаннъ,
Уже повелѣвалъ пренесть ко граду станъ;
Въ долинахъ воинство препятства не встрѣчало,
Осады пламенной являлося начало.

Преобратился вдругъ натуры тихій чинъ;
Пришедый съ бурями во смутный градъ Нигринъ,
На стѣны съ мразами и стужею восходитъ,
Оковы съемлетъ съ нихъ, въ движеніе приводитъ;
На войски указавъ, стоящи за рѣкой,
Туда онъ гонитъ ихъ, и машетъ имъ рукой:
Летите! вопіетъ, на Россовъ дхните прямо!
Разсыпте тамъ снѣга, развѣйте вихри тамо! . . .
Онъ бури свободивъ, вертится съ ними вкругъ (*).
Какъ птицы хищныя, спущенны съ путелъ вдругъ;
Поля воздушныя крилами раздѣляютъ,
На многи тучи птицъ паренье устремляютъ.
Съ шумленьемъ таковымъ оставивъ томный градъ,
Во синихъ облакахъ летятъ морозы, хладъ,
И воздухъ льдистыми наполнился иглами.
Россіянъ мерзлыми объемлетъ хладъ крилами;
Поблекла тучная зеленость на лугахъ;
Вода сгущается струями въ берегахъ;

Сви-

(*) О семъ волхвованіи Лѣтописатели тогдашнихъ времянъ согласно утверждаютъ.

Свирѣпая Зима долины облегаетъ,
И грудь прижавъ къ землѣ, всю влажность вытягаетъ;
У щедрой осени престолъ она беретъ,
И пухъ изъ облаковъ рукой дрожащей третъ.
Мертвѣютъ вѣтьвями лѣса кругомъ шумящи;
Главы склонили внизъ цвѣты, поля красящи;
Увяла сочная безвременно трава.
Натура кажется заснувша, не жива.
Стада тѣснимыя необычайнымъ хладомъ,
Въ единый жмутся кругъ, и погибаютъ гладомъ;
Крушится по льду вихрь, и началъ воздухъ жать:
Не могутъ ратники оружія держать.
На снѣжныхъ мразъ крилахъ изъ облакъ вылетаетъ,
Дхновеньемъ все мертвитъ, что солнца лучь питаетъ.
Горящи храбростью, уже не ко стѣнамъ,
Бѣгутъ среди шатровъ къ разложеннымъ огнямъ;
Но тамъ студеный вѣтръ возженный пламень тушитъ,
И кажется, союзъ стихій повсюду рушитъ.
Не грѣетъ огнь, вода рѣчная не течетъ,
И воздухъ и земля преобратились въ ледъ.
Спасенія себѣ Россіяне не чаютъ;
Смущенны, на стѣнахъ Нигрина примѣчаютъ,
Который вкругъ бойницъ съ Казанцами ходилъ,
Руками движущій морозы наводилъ.
Сіе Казанское лукавое злодѣйство,
Признали ратники за адско чародѣйство.
Вступивше въ знакъ Вѣсовъ свѣтило зря они.
Далеко отъ себя считали зимни дни;
Въ противны времяна естественному чину,
Назначили зимѣ волшебную причину.
Нигринъ, который ихъ тревожить продолжалъ,
Россіянъ стужами и страхомъ поражалъ.
Но Царь благій совѣтъ чиновъ священныхъ внемлетъ,
Который помощью врачебною пріемлетъ;

И суевѣріе и тартарЪ поразить,
ВелѣлЪ хоругвь поднять, и вЪ полѣ водрузить.
Благопріятствуетъ Россіи мысль Царева;
Во знамѣ часть была животворяща древа,
На коемЪ Божій СынЪ, являя кЪ намЪ любовь,
КЪ спасенью грѣшниковЪ безцѣнну пролилЪ кровь,
И жало смертное геенны притупляетЪ.
Се! вѣрныхЪ крестЪ святый вторично изкупляетЪ.
Божественную пѣснь духовные поютЪ;
Возжегся ѳиміямЪ, и бури престаютЪ.
Свѣтило дневное лучами воздухЪ грѣя,
Обезоружило свирѣпаго Борея;
Зефирами гонимЪ, онЪ тяжко возстеналЪ,
И мразы предЪ собой, какЪ стадо вспять погналЪ.
ТеряютЪ силу ихЪ Нигриновы угрозы,
Лишился крыльевЪ вѣтрЪ, ушли вЪ КавказЪ морозы;
Сѣдыя у зимы растаяли власы:
ПріемлютЪ жизнь вЪ поляхЪ естественны красы.
Но риза, чѣмЪ была Казань вкругЪ стѣнЪ одѣта,
Та риза солнечнымЪ сіяніемЪ согрѣта,
Лишилась бѣлизны, и распустилась врозь,
ТончаетЪ, и хребетЪ земный проходитЪ сквозь.
РоссіянЪ строгая зима не побѣдила,
Но снѣжная вода подкопы повредила;
Она вЪ утробу ихЪ ручьями протекла,
Селитру пламенну во влажность привела.
 ЯвленіемЪ святымЪ животворятся войски,
Воскресли вЪ ихЪ сердцахЪ движенія геройски;
И видя помощь кЪ нимЪ простерше Божество,
Благоговѣйное имѣли торжество;
КЪ осадѣ мысли ихЪ, готовы кЪ бранямЪ руки;
При пѣніи святомЪ тамЪ слышны трубны звуки.
 АдашевЪ и Алей! я вашу кротость зрю;
Вы мира сладости представили Царю;

Я Ко

Ко ближнему любви, и благости послушный,
Пріемлетъ Іоаннъ совѣтъ великодушный;
Онъ видѣлъ всѣхъ подпоръ лишенную Казань,
И руку удержалъ, держащу громъ и брань;
Предпочитающій крутымъ войнамъ союзы,
Съ Казанца плѣннаго снимаетъ тяжки узы;
Велитъ его во градъ мятежный отпустить,
И тамо ихъ Царю съ народомъ возвѣстить:
Что рока близкаго себя они избавятъ,
Когда Россіянамъ ихъ древній градъ оставятъ;
Или врата свои Монарху отворя,
Пріимутъ отъ него законы и Царя,
И тако возвратятъ владѣніе и правы
Обиженной отъ нихъ Россійскія державы.
Нечаянной своей свободой восхищенъ,
Казалось, плѣнникъ былъ крилами въ градъ несенъ.
Простерла нощь тогда съ звѣздами ризу темну,
И Розмыслъ паки вшелъ во глубину подземну.
Сумнѣніе съ Ордой о мирѣ Царь имѣлъ;
Водой размытый путь исправить повелѣлъ;
Гробница мрачная была совсѣмъ отверста,
И городъ поглотить ждала ко знаку перста.
Въ то время звѣздныя открылись небеса,
Являя на земли различны чудеса:
Внѣ града слышались Казанскихъ тѣней стоны,
Внимались во стѣнахъ церквей Россійскихъ звоны;
Остановилося теченье свѣтлыхъ звѣздъ,
Простерлась лѣствица къ землѣ отъ горнихъ мѣстъ:
Небесны жители на землю низходили,
И Россамъ вѣрную побѣду подтвердили.
Надъ градомъ облако багровое лежитъ;
Вздыхаютъ горы тамъ, и зданіе дрожитъ;
Тамъ жены горькихъ слезъ не знаютъ утоленья.
Вѣщаютъ близкій рокъ толь страшныя явленья!

Оже-

Ожесточенная и гордая Казань
Крѣпится, бодрствуетъ и движется на брань:
Такъ змій, копьемъ пронзенъ, болѣнію не внемлетъ,
Обвившись вкругъ копья, главу еще подъемлетъ.
Нигринъ пророчествомъ Казанцовъ веселитъ,
Даетъ видѣньямъ толкъ, побѣду имъ сулитъ.
Невольникъ присланный во градѣ остается:
Съ другими во стѣнахъ онъ вскорѣ погребется.
Едва заря луга румянить начала,
Упала предъ Царемъ пернатая стрѣла,
Которую Казань съ высокихъ стѣнъ пустила;
Писаніе къ стрѣлѣ такое прикрѣпила:
Какъ древу сей стрѣлы во вѣкъ не процвѣтать,
Такъ Россамъ царства въ вѣкъ Ордѣ не уступать . . .
Уступите его! вѣщаетъ Царь съ досадой,
И войска двигнулся съ великою громадой.
Такъ басни брань боговъ изображаютъ намъ,
Когда Олимпъ отмщалъ ихъ злость земнымъ сынамъ;
Перунами Зевесъ со многозвѣздна трона,
Разилъ кичливаго и гордаго Тифона;
Весь адъ воструепеталъ, и всей вселенной связь,
Въ тревогѣ ропотной дрожала устрашась.
Военныя трубы во станѣ возгремѣли,
Казанцы робкія на брань дерзнуть не смѣли;
Но видя молніи оружій подъ стѣной,
Весь градъ стѣсняемый осадой и войной;
Казанцовъ Едигеръ на стѣны призываетъ.
Отчаянье плодомъ жестокости бываетъ!
Отрыгнувъ подлую Россіянамъ хулу,
Готовятъ на стѣнахъ кипящую смолу;
Гортани мѣдныя, рыгающія пламень,
Горящи углія, песокъ, разженный камень.
Блистаютъ тучи стрѣлъ Россіянъ отражать;
Но можетъ ли ихъ громъ и пламень удержать!

Какъ будто посреди цвѣтовъ въ глухой пустынѣ,
Россійскія полки подвиглись въ стройномъ чинѣ;
Что солнечны лучи доспѣхи ихъ горятъ;
Казалось, то орлы противу тучь парятъ:
Се! воздухъ пѣніе святое наполняетъ.
Самъ Богъ! самъ Богъ! съ небесъ идущихъ осѣняетъ,
И лаврами побѣдъ благословляетъ ихъ!
Остановился вѣтръ, и шумъ рѣчный утихъ;
Повсюду теплое внимается моленье.
Во градѣ слышанъ стонъ, внѣ града умиленье;
Въ стѣнахъ гремящій звукъ тревогу вострубилъ,
Но онъ пронзительнымъ подобенъ звонамъ былъ;
Унывны внемлются тамъ гласы Мусикійски;
Благоговѣніе бодритъ полки Россійски;
За вѣру и народъ грядутъ ополчены,
Со псалмопѣніемъ священныя чины;
Святою воинство водою окропляютъ,
И храбрости огни во ратникахъ пылаютъ.
Какъ солнце, зримое въ живительномъ огнѣ,
Такъ войску Царь предсталъ, сѣдящій на конѣ;
Онъ взоромъ нову жизнь Россіянамъ приноситъ,
Господней помощи сражающимся проситъ:
О Боже! вопіетъ, вѣнчаемый Тобой,
Мамая сокрушилъ Димитрій предокъ мой,
У Невскихъ береговъ Тобой попранны Шведы;
Тамъ храбрый Александръ пріялъ вѣнецъ побѣды.
Коль благо мы Твое умѣли заслужить,
Дай помощь намъ, Казань, о Боже! низложить;
Вели торжествовать Твоей святыни дому. . . .
Онъ рекъ; слова его подобны были грому,
Которыя въ сердцахъ Россійскихъ раздались,
И стѣны гордыя Казани потряслись.
Се! войска слышанъ гласъ, какъ нѣкій шумъ дубровы:
Пролити нашу кровь за вѣру мы готовы!

Про-

Пронесся тихій шумъ, настала тишина:
Такъ вышедъ на брега, смиряется волна.
Тогда послѣдуя благоволеньямъ Царскимъ,
Князь Курбскій изцѣленъ, къ вратамъ склонился Арскимъ;
Съ другой страны покрылъ Нагайскихъ часть полей,
Съ отборнымъ воинствомъ безстрашный Царь Алей.
Какъ камни нѣкія являлися въ пучинѣ,
Вельможи храбрыя Россійскихъ войскъ въ срединѣ;
Различной красотой убранство ихъ цвѣтетъ;
Но разности въ огнѣ сердечномъ къ славѣ нѣтъ.
Полки, какъ Богъ міры, въ порядокъ Царь уставилъ,
И давъ движенье имъ, къ осадѣ ихъ отправилъ.
Вдохнувъ совѣты имъ, склонился Іоаннъ
Къ моленью теплому въ неотдаленный станъ;
Но войску повелѣлъ идущему ко граду,
Услышавъ громъ, начать со всѣхъ сторонъ осаду.
Сей знакъ съ надежной былъ побѣдой сопряженъ;
Ужъ Розмыслъ вшелъ въ подкопъ, огнемъ вооруженъ,
И молнія была въ рукахъ его готова;
Ужасный громъ родить, онъ перста ждалъ и слова.
Тогда воздѣвъ глаза и руки къ небесамъ,
Молитвы теплыя Царь къ Богу пролилъ самъ.
Господь на небесахъ молитвамъ Царскимъ внемлетъ;
Любовь возноситъ ихъ, щедрота ихъ пріемлетъ:
Надежда съ горнихъ мѣстъ, какъ молнія изъ тучь,
Царю влилася въ грудь и проліяла лучь.
Воззвалъ внимающій святую литургію:
О Боже! подкрѣпи, спаси, прославь Россію! . . . ;
И Богъ къ нему простеръ десницу отъ небесъ.
Едва сей важный стихъ пресвитеръ произнесъ:
Единый пастырь днесь, едина будутъ стада. . . .
Разрушилися вдругъ подъ градомъ связи ада;
Поколебалися и горы и поля;
Ударилъ страшный громъ, вспрянула вверьхъ земля;

Трепещетъ, зыблется, воздушный кругъ сгущаетъ,
Казалось, міръ въ хаосъ Создатель превращаетъ;
Разверзлась мрачна хлябь, изходитъ дымъ съ огнемъ;
При ясномъ небеси не видно солнца днемъ.
Мы видимъ ветхаго въ преданіяхъ закона,
Что вдругъ разсыпалась стѣна Іерихона,
Когда гремящихъ трубъ достигъ ко граду звукъ:
Казански рушились твердыни тако вдругъ.
Расторгнувъ молніи проломъ въ стѣнахъ возженныхъ,
И побѣдителей страшатъ и побѣжденныхъ.
Осыпалъ мрачный прахъ и горы и луга;
Земля колеблется, стонаютъ берега,
Изображеніе Казанскія напасти,
Летаютъ ихъ тѣла, расторгнуты на части.
Въ развалинахъ они кончаясь вопіютъ,
Но громы слышать ихъ стенанья не даютъ.
Нигринъ угломъ во грудь отъ камня пораженный,
Валится вмѣстѣ съ нимъ въ глубокій адъ бездѣнный;
Вращаяся летѣлъ три дни, три нощи онъ;
Въ гееннѣ рветъ власы, пускаетъ тяжкій стонъ.
Пріемлетъ таковый конецъ всегда злодѣйство!

Но дымъ густый закрылъ полковъ Россійскихъ дѣйство;
Князь Курбскій съ воинствомъ кидается въ проломъ;
Огонь черезъ огни, чрезъ громы вноситъ громъ;
Преходитъ градски рвы, стѣною заваленны;
Преграды разметалъ, огнями возпаленны.
Какъ сильная вода, плотину разорвавъ,
Вломился онъ во градъ, примѣръ другимъ подавъ;
По стогнамъ жителей встрѣчающихся рубитъ,
Гремитъ, стѣсняетъ, жметъ, побѣду въ градѣ трубитъ.
Съ другой страны Алей, какъ будто страшный левъ,
Съ полками на раскатъ, и съ громомъ возлетѣвъ,
По лѣствицамъ стрѣльницъ Казанскихъ досягаетъ,
Кипящій варъ, песокъ, огонь пренебрегаетъ;

Онъ

Онъ пламень отряхнувъ со шлема и власовъ,
Касается одной рукою стѣнъ верьховъ;
Другой враговъ разитъ, женетъ, на стѣны входитъ;
Неустрашимостью Ордынцамъ страхъ наводитъ.
Какъ солнечнымъ лучемъ влекомая вода,
Текутъ ему во слѣдъ его полки туда.
О диво! взносятся знамена не руками,
Возносятся они на стѣны съ шумомъ сами.
Какъ легкимъ бурный вѣтръ играющій перомъ,
Такъ храбрость движуща Россіянъ множитъ громъ.
Со трепетомъ мѣста Казанцы покидаютъ,
Спускаются со стѣнъ, иль паче упадаютъ.
Но яко часть горы, отъ холма отдѣлясь,
Валитъ дубовый лѣсъ, со стукомъ внизъ катясь;
Или какъ грудью вѣтръ на стѣны налегаетъ:
Шумящъ оружіемъ, Алей во градъ вбѣгаетъ;
Все ломитъ и крушитъ, отмщеніемъ разженъ,
Пренебрегаетъ стонъ мужей, и вопли женъ.
Россійскія полки, Алеемъ ободренны,
Бросаются къ врагамъ, какъ тигры разъяренны;
Стѣсняютъ, колятъ, бьютъ, сражаются; и вдругъ
Услышали взблизи мечей и копій звукъ;
Россіяне враговъ, друзей Казанцы чаютъ;
Но Курбскаго съ мечемъ и съ воинствомъ встрѣчаютъ,
Который на копьѣ противника небесъ,
Вонзенную главу Ордынска Князя несъ:
Померклыхъ глазъ она еще не затворила,
И мнится, жителямъ: смиряйтесь! говорила.
Сей Князь съ державцемъ ихъ воспитанъ вмѣстѣ былъ,
Къ Россіи за вражду народъ его любилъ;
Но зря его главу несому предъ полками,
Закрыли очи вдругъ дрожащими руками,
Казалось, молнія отчаянныхъ разитъ;
Подобной смертью имъ, иль вящею грозитъ,

И челюсти главы, казалось, мещутъ жалы.
Казанцы въ ужасѣ исторгли вдругъ кинжалы;
Единъ изъ воиновъ въ неистовствѣ речетъ:
Вы видите, друзья, что намъ спасенья нѣтъ;
Предупредимъ позоръ и намъ грозящи муки,
У насъ кинжалы есть, у насъ остались руки;
И вдругъ кинжалъ вонзилъ внутрь чрева своего;
Дрожаща внутренна упала изъ него.
Жестокій сей примѣръ другихъ вооружаетъ:
Братъ брата, сынъ отца кинжаломъ поражаетъ;
Междоусобное сраженье началось,
И крови множество со звѣрствомъ полилось.
Безчеловѣчное такое видя дѣйство,
Россійски воины забыли ихъ злодѣйство;
Ко избавленію отчаянныхъ текутъ,
Вломившись въ тѣсноту, изъ рукъ кинжалы рвутъ,
Смиряютъ варваровъ, ихъ злобу утоляютъ,
Хотящихъ смерти имъ, отъ смерти избавляютъ.
Но жалитъ иногда избавленна змѣя
Спасителей своихъ, въ утробѣ ядъ тая:
Единъ смирившимся Ордынецъ притворился,
Весь кровью орошенъ онъ Россамъ покорился.
Лишь только подступилъ Россіянинъ къ нему,
Онъ мечь его схвативъ, вонзилъ во грудь ему.
Къ Алею бросился съ поносными рѣчами,
И тамо кончилъ дни пронзенный сквозь мечами.
Другія жизнь скончать безбѣдно не могли;
На кровы зданіевъ горящихъ возтекли,
Стрѣлами и огнемъ Россіянъ поражали,
Сгарая, мщенья жаръ въ герояхъ умножали.
Россіянъ огнь губилъ, и улицъ тѣснота;
Но града часть сія уже была взята.
Какъ два источника, съ вершины горъ текущи,
И камни тяжкія и съ корнемъ лѣсъ влекущи,

Кипящею волной разятъ далече слухъ;
Полстада потерявъ на холмъ бѣжитъ пастухъ,
Трепещущъ и унылъ на пажити взираетъ,
Которы съ хижиной токъ водный пожираетъ:
Такъ съ Курбскимъ Царь Алей побѣды продолжалъ;
Такъ робко Едигеръ отъ грома ихъ бѣжалъ;
Разрушилась его надежда со стѣнами;
Онъ скрылся въ истуканъ съ прекрасными женами:
Пророчествомъ своимъ волхвовъ предубѣжденъ,
Еще ласкался быть на тронѣ утвержденъ.
Уже Россіяне препоны не встрѣчали,
И вскорѣ бъ лавры ихъ побѣды увѣнчали;
Но вдругъ сквозь бурный огнь, сквозь пыль, и черный дымъ,
Корыстолюбіе представилося имъ:
Блестящимъ златомъ ихъ и бисеромъ прельщаетъ,
Ищите въ градѣ вы сокровищей, вѣщаетъ.
Плѣняются сердца, плѣняется ихъ взоръ;
О древнихъ стыдъ временъ! о воинства позоръ!
Кто въ злато влюбится, тотъ славу позабудетъ,
И тверже сердцемъ онъ металловъ твердыхъ будетъ.
Прельщенны ратники, вкусивъ корысти ядъ,
Для пользы собственной берутъ казалось градъ;
Какъ птицы хищныя къ добычѣ устремились;
По стогнамъ потекли, во зданія вломились;
Корыстолюбіе повсюду гонитъ ихъ,
Велитъ оставить имъ начальниковъ своихъ.
Уже на торжищахъ грабленіемъ дѣлятся;
Но хищники своей бѣдою веселятся.
Сребро успѣло ихъ какъ ядомъ заразить;
Возможно ль было ждать, возможно ль вобразить?

Тамъ жребій ратники на смерть свою метали;
Единодушные врагами нынѣ стали.
Раздоръ посѣялся, изъ рукъ одежды рвутъ,
И рѣки за сребро кровавыя текутъ,
Забыта нужная отечеству услуга;
Лишаютъ живота Россіяне другъ друга.
Коликихъ ты корысть бываешь золъ виной!
Отломки золота за градъ влечетъ иной;
Иной на тлѣнности исполненный надежды,
Окровавленныя уноситъ въ станъ одежды;
Но прежній другъ его за нимъ съ мечемъ бѣжитъ,
Сражаетъ, и надъ нимъ пронзенный самъ лежитъ.

Ко славѣ пламенемъ и ревностью возженны,
Но малымъ войскъ числомъ дерзаютъ окруженны
Князь Курбскій и Алей, и воинамъ рекутъ,
Которые отъ нихъ къ грабленію текутъ:
Постойте! ежели отъ Россовъ вы родились,
То можно ль, чтобы вы корыстью ослѣпились!
Вамъ слава громкая стяжаньемъ быть должна.
Рекутъ; но рѣчь сія бѣгущимъ не важна!
Ко строгости Алей и власти прибѣгаетъ:
Совѣтомъ не успѣвъ, онъ мечь свой исторгаетъ,
И потомъ орошенъ бѣгущимъ въ слѣдъ течетъ;
Вамъ лучше кончить жизнь во славѣ, онъ речетъ,
Чѣмъ слыть грабителями! Тогда до Іоанна
О градѣ лаврами достигла вѣсть вѣнчанна;
Доколь побѣдою пророкъ не возгремѣлъ,
Дотолѣ длани вверьхъ простертыя имѣлъ,
Молитвой кроткою рѣшилась брань велика;
И тако поразилъ во брани Амалика:

Дар-

Держалъ въ объятіяхъ своихъ святый олтарь,
Доколь побѣды гласъ не началъ слышать Царь.
Онъ пролилъ токи слезъ, какія знаетъ радость,
Почувствуя въ душѣ по тяжкихъ скорбяхъ сладость;
Сіи одни слова сказать сквозь слезы могъ:
Законъ Россійскій правъ! великъ, великъ нашъ Богъ!
Надъ нимъ летающа съ трубою зрѣлась слава,
Ликуетъ, кажется, въ лицѣ его держава;
Подобенъ небесамъ его казался взглядъ;
И тако двигнулся во побѣжденный градъ.
Такъ видится луна звѣздами окруженна;
Иль множествомъ цвѣтовъ въ лугахъ весна блаженна;
Или объемлемы волнами корабли;
Иль между селъ Москва стояща на земли:
Его пришествіе побѣда упреждаетъ;
Героя цѣлый полкъ героевъ провождаетъ.
Онъ другу своему вѣщаетъ наконецъ:
Не устыдится мной ни дѣдъ мой, ни отецъ;
Не устыдишься ты моею дружбой нынѣ,
Не именемъ я Царь; я славенъ въ Царскомъ чинѣ;
Но славенъ Богъ, не я! Сія кротчайша рѣчь
Заставила у всѣхъ усердны слезы течь.
 Но вдругъ достигшіе подъ самы градски стѣны
Увидѣли свои поверженны знамены.
Какъ агнцы робкія Россіяне текутъ,
И вопятъ къ воинству: Тамъ рубятъ, и сѣкутъ!
Какъ язва жителей терзающа во градѣ,
Или свирѣпый тигръ ревущій въ агнчемъ стадѣ:
Такъ сильно дѣйствуетъ надъ воинами страхъ,
И мещетъ ихъ со стѣнъ, какъ буря съ камней прахъ;

 Царя

Царя бѣгущихъ вопль и блѣдность огорчаетъ,
Печальный оборотъ побѣды видѣть чаетъ.
Уже изторгнувъ мечь, онъ самъ во градъ влеталъ;
Но посланный къ нему Алеемъ мужъ предсталъ,
Явились ясныя лучи во темномъ дѣлѣ;
Не ужасъ гонитъ ихъ, корысть влечетъ отселѣ,
И сребролюбіе сражаться имъ претитъ.
Тотъ робокъ завсегда, кого сребро прельститъ!
Алеемъ посланный Царю сіе вѣщаетъ:
Ни стыдъ отъ грабежа, ни страхъ не отвращаетъ;
И естьли Царь сея алчбы не пресѣчетъ,
То вскорѣ самъ Алей изъ града потечетъ,
Едва крѣпится онъ! . . Смущенный Царь рѣчами,
Велѣлъ своимъ полкамъ приближиться съ мечами;
И симъ оплотомъ бѣгъ текущимъ преградить,
Велѣлъ забывшихъ честь Россіянъ не щадить.
Стыдъ взорамъ ихъ предсталъ, изчезло ослѣпленье,
И къ славѣ въ ратникахъ воскресло разпаленье,
Отринули корысть, обратно въ градъ летятъ,
За малодушіе свое Казани мстятъ.
Трепещетъ, стонетъ градъ, рѣками кровь ліется;
Послѣдній Россамъ шагъ къ побѣдѣ остается;
Разтерзанъ былъ драконъ, осталася глава,
Зіяюща еще у Тезицкаго рва.
Подобно вихрямъ внутрь пещеры заключеннымъ,
И мѣста тѣснотой и тмой ожесточеннымъ,
Которы силятся въ движеньѣ и борбѣ,
Сыскать отверзтіе чрезъ своды горъ себѣ,
Казанцы воинствомъ Россійскимъ окруженны,
Противуборствуютъ громами пораженны;

Про-

Прорваться думаютъ сквозь тысящи мечей,
Текутъ; но не они, по крови ихъ ручей;
Волнуются, шумятъ, кидаются, дерзаютъ;
Но встрѣтивъ блескъ мечей, какъ тѣни изчезаютъ.
Князь Курбскій и Алей полками подкрѣпленъ,
Ни тотъ сраженіемъ, ни сей не утомленъ,
Подобны тучамъ двумъ являются идущимъ,
Перуны пламенны въ утробѣ ихъ несущимъ,
Котора вдалекѣ блистаетъ и гремитъ;
Возходятъ вверьхъ горы, гдѣ Царскій Дворъ стоитъ.
Тамъ робкій Едигеръ съ женами затворился,
Сокрывшись отъ мечей, отъ страха не сокрылся.
Отчаянье туда вбѣжало въ слѣдъ за нимъ;
Свѣтъ солнца у него сгущенный отнялъ дымъ;
Казалось, воздухъ тамъ пріемлетъ видъ измѣны;
Земля вздыхаетъ вкругъ, трепещутъ горды стѣны.
Рыданіе дѣтей, тамъ слышны вопли женъ,
И многими смертьми онъ зрится окруженъ . . .
Еще избранныя его полки біются,
Послѣдней храбрости въ нихъ искры остаются;
Тѣнь мужества еще у Царскихъ вратъ стоитъ,
Колеблется, и входъ Россіянамъ претитъ;
Усердіе къ Царю побѣды не впускаетъ,
Почти послѣдній вздохъ у траговъ изпускаетъ;
Но силится еще Россіянъ отражать.
Возможноль тлѣннымъ чѣмъ перуны удержать?
Алей и Курбскій Князь, какъ вихри напряженны,
Которыхъ крылья суть къ дубравѣ приложенны,
Лѣсъ ломятъ и ревутъ; Князь Курбскій съ копіемъ,
Алей по трупамъ тѣлъ бѣжитъ чрезъ ровъ съ мечемъ;

Какъ будто Ахиллесъ гремящъ у вратъ Скіискихъ.
Тамъ видѣнъ брани богъ, и духъ стрѣльцовъ Россійскихъ;
Вѣщаетъ грозну смерть мечный и трубный звукъ,
У стражи падаютъ оружія изъ рукъ;
Уныніе въ сердцахъ, на лицахъ томна блѣдность,
Тѣлохранителей являютъ точну бѣдность.
Какъ будто бы народъ на храмъ съ печалью зритъ,
Который воспаленъ отъ молніи горитъ;
И видя пламенемъ отвсюду окруженно,
Любезно божество внутрь стѣнъ изображенно,
Спасая свой животъ, отъ храма прочь течетъ;
Нашъ богъ спасайся самъ! въ отчаяньѣ речетъ.
Тамъ видя молніи и стѣны вкругъ дрожащи,
Рѣкой кипящу кровь, тѣла кругомъ лежащи,
Казански воины у Збойливыхъ воротъ,
Творящи Царскому Двору живый оплотъ,
Который какъ тростникъ герои врозь метали.
Тѣлохранители сражаться перестали;
Россіянъ укротивъ на малый часъ, рекли:
Цареву жизнь до днесь, какъ нашу мы берегли;
Россіяне! тому свидѣтели вы были,
Что крови мы своей за царство не щадили;
Но днесь, коль васъ вѣнчалъ побѣдою вашъ Богъ,
Когда падетъ нашъ градъ, и Царскій съ нимъ чертогъ;
Когда Ордынская на вѣки гибнетъ слава,
Вручаемъ вамъ Царя нещастлива, но здрава,
И вашему Царю корону отдаемъ;
Но смертну чашу пить теперь за градъ пойдемъ.
Спускаются съ горы, текутъ за стѣны прямо.
Бѣгущихъ Палецкій съ полками встрѣтилъ тамо;

Уста-

Уставилъ щитъ къ щиту, противу грома громъ;
Ордынцы мечутся чрезъ стѣны, во проломъ,
Окровавляются брега рѣки Казанской,
И кровь Ордынская смѣшалась съ Христіянской.
Багровыя струи, Казанка гдѣ текла,
Несутъ израненны и блѣдныя тѣла....
Внезапно вопль возсталъ, и внемлется стенанье;
Се городъ, испустивъ послѣднее дыханье,
Колѣна преклонилъ!.. Но робкая Орда
Ласкается, что ей погибнуть не чреда;
Россійской храбрости себя не покоряютъ,
Болотамъ и рѣкамъ послѣдню жизнь ввѣряютъ;
Отъ покровительтсва отторглися небесъ;
Въ свирѣпствѣ предпочли подданству темный лѣсъ.
Съ перуномъ Курбскій Князь по ихъ стремится слѣду;
Достигъ, сразилъ, попралъ, и увѣнчалъ побѣду.
Между печальныхъ женъ во истуканѣ скрытъ,
Увидѣвъ Едигеръ, что градъ кругомъ горитъ;
Что стражи обнажась, трепещутъ замка стѣны,
Наполненныя рвы кровавой видя пѣны;
Что робость повлекла воителей въ поля;
Нещастный Царь тоскѣ, и плачу женъ внемля,
Біетъ стенящу грудь, вѣнецъ съ главы свергаетъ;
Но въ ужасѣ еще къ лукавству прибѣгаетъ.
Какъ будто плаватель богатствомъ удрученъ,
На мѣль бываетъ водъ стремленіемъ влеченъ;
Спасая жизнь свою, души его пріятства,
Въ боязни не щадитъ любезнаго богатства;
И что чрезъ долгій вѣкъ пріобрѣтенно имъ,
То мещетъ съ корабля во снѣдь волнамъ сѣдымъ.

Такъ

Такъ войска окруженъ свирѣпыми волнами,
И вкупѣ сѣтующъ съ прекрасными женами,
Умыслилъ Едигеръ, еще ласкаясь жить,
Пригожство женъ противъ Россiянъ воружить,
Которы иногда героевъ умягчаютъ,
Надъ побѣдительми побѣды получаютъ.
Отчаянный на все дерзаетъ человѣкъ!
Златыми ризами наложницъ онъ облекъ,
Украсилъ въ бирюры, и камни драгоцѣнны,
Прiятства оживилъ, печалью потушенны;
Въ убранствахъ повелѣлъ имъ шествовать къ вратамъ,
И взорами Князей обезоружить тамъ.
Уже прекрасный полкъ съ высокихъ лѣствицъ сходитъ,
Единый ихъ Царевъ воспитанникъ предводитъ;
Выносятъ не мечи, несутъ онѣ цвѣты,
Прiятства, нѣжности, заразы, красоты;
Главы ихъ пестрыми вѣнками увязенны;
Власы по раменамъ, какъ волны разпущенны;
Стенанья вырвались, и слезы наконецъ;
Оружiя сiи опасны для сердецъ!
Выходятъ, ко стопамъ героевъ упадаютъ,
Обнявъ колѣни ихъ, терзаются, рыдаютъ;
И злато, вольности на выкупъ отдаютъ,
Спасите нашего Монарха! вопiютъ;
Кровавыя мечи, свирѣпость отложите,
И человѣчество при славѣ покажите;
Для насъ Царя, и насъ спасите для него;
Остались мы ему, и больше никого!...
Россiянъ трогаетъ красавицъ сихъ моленье,
И близко прилегло къ сердцамъ ихъ сожалѣнье.

Са-

Сабинки древнія такъ нѣжностью рѣчей,
Смягчили сродниковъ, кидаясь средь мечей.
Теряютъ мужество совокупленны мочи;
Въ сердца желаніе; соблазнъ приходитъ въ очи:
Младые воины не храбростью кипятъ,
Кипятъ любовію, и миръ уже гласятъ;
Побѣду прелести надъ мужествомъ пріемлютъ:
Россіяне уже прекрасныхъ женъ обьемлютъ.

Но вдругъ какъ нѣкій вихрь, поднявшійся съ полей,
Вломились во врата Мстиславскій и Алей;
Примѣтивъ, что любовь героевъ унижаетъ,
Мстиславскій ихъ стыдомъ, какъ громомъ, поражаетъ:
Гдѣ Россы? вопіетъ, гдѣ дѣлися они?
Здѣсь храбрыхъ нѣтъ мужей, но жены лишь одни!

При словѣ томъ Алей, Ордамъ обиду мстящій,
Преходитъ сквозь толпу, какъ камни ключь шумящій,
Подьемлетъ копіе, и яростью разженъ,
Разитъ онъ юношу стоящаго средь женъ.
Сей юноша самимъ воспитанъ Едигеромъ,
И женской наглости являлся онъ примѣромъ.
Пораненный въ чело, бѣжитъ въ чертоги онъ;
Отвсюду слышатся рыданье, плачь и стонъ.

Какъ вѣтръ, играющій кипящими валами,
Или какъ горлицы шумящія крилами,
Которыхъ ястреба летая вкругъ страшатъ:
Такъ жены обратясь за юношей спѣшатъ;
Тѣснятся, вопіютъ, бѣгутъ ко истукану;
Но юноша схвативъ своей рукою рану,

ИзЪ коей кровь текла багровою струей,
КЪ Алею возопилЪ: прости меня, Алей!
Не убивай меня, оставь Царю кЪ отрадѣ;
Я не былЪ на войнѣ; ни вЪ полѣ, ни во градѣ,
Не омочалЪ моихЪ вЪ крови Россiйской рукЪ.
Алей на то ему: Но ты Казани другЪ;
Довольно и сего! . . . ВЪ немЪ ярость закипѣла,
Уже главу его хотѣлЪ отнять отЪ тѣла;

Се храбрый IоаннЪ, какЪ вихрь во дворЪ вбѣжалЪ,
И руку острый мечь взносящу удержалЪ;
КЪ Алею возопилЪ: престанемЪ быть ужасны!
ПрестанемЪ гнать враговЪ, которы безопасны:
Казань уже взята! вложи обратно мечь;
Не крови, милостямЪ теперь пристойно течь.

Явились яко свѣтЪ слова его предЪ БогомЪ;
И славу ОнЪ послалЪ Царю щедротЪ залогомЪ . . .
МолчитЪ вселенная, пресѣкся бѣгЪ планетЪ;
Казалось, IоаннЪ вЪ правленье мiрЪ беретЪ.

Но только робкихЪ женЪ Казанскiй Царь увидѣлЪ,
И скипетрЪ и престолЪ и жизнь возненавидѣлЪ;
Увидя мужество презрѣвшею любовь,
Багрову на челѣ воспитанника кровь;
Внимая громЪ мечей, внимая трубны звуки,
ОтчаянЪ, рветЪ власы, рыдаетЪ, взноситЪ руки.
Коль младость не мягчитЪ сердецЪ, ни красоты,
ЧѣмЪ льстишься, ЕдигерЪ, смягчить героевЪ ты?
ОнЪ тако возопилЪ, и растерзая ризу,
Низвергнуться хотѣлЪ со истукана кЪ низу.

Хо-

Хотя со трепетомъ на глубину взиралъ,
Но руки онъ уже далеко простиралъ:
Главою ко землѣ отчаянъ понижался;
Висящъ на воздухѣ, одной ногой держался.

И се клокочущій въ поляхъ воздушныхъ шаръ,
Направилъ пламенный во истуканъ ударъ;
Громада потряслась, глава съ него свалилась;
Весь градъ затрепеталъ, какъ внизъ она катилась;
Разсѣлся истуканъ. . . Но робкаго Царя,
Небесный духъ схватилъ, лучами озаря;
Онъ пальмы на главѣ вѣнцемъ имѣлъ сплетенны;
Лилеи онъ держалъ въ Едемѣ насажденны,
И ризу въ небесахъ сотканную носилъ;
Взявъ руку у Царя, сіи слова гласилъ:
Нещастный! ободрись, отринь Махометанство,
Иди къ Россіянамъ, наслѣдуй Христіянство!
Закономъ замѣни мірскія суеты;
Не трать твоей души, утративъ царство ты;
Россійскій кротокъ Царь, не недругъ побѣжденнымъ:
Живи, гряди и вновь крещеньемъ будь рожденнымъ!
Во изумленіи взирая на него,
Смущенный Едигеръ не взвидѣлъ вдругъ его.
Но благовѣстіе воспомнивый небесно,
Призналъ Божественнымъ явленіе чудесно;
Свой жребій Едигеръ судѣинѣ покорилъ;
Низходитъ съ высоты пареньемъ быстрыхъ крилъ;
Течетъ, является Царю во Дворъ входящу,
Спасите Царску жизнь! воителямъ гласящу.
И се! его зоветъ военная труба,
Явился Едигеръ во образѣ раба:

Глава его была на плечи преклоненна,
Покрыта пепеломъ, печальна, откровенна;
Омыта токомъ слезъ его стеняща грудь;
Сквозь воиновъ сыскавъ лишенный царства путь,
Отчаянъ, блѣденъ, нищъ и въ рубищѣ раздранномъ,
Склонился, возрыдавъ, къ землѣ предъ Іоанномъ;
Челомъ біющій пыль, стопы Монарши зря,
Вѣщаетъ: Не ищи Казанскаго Царя!
Ужъ нѣтъ его! ужъ нѣтъ! . . . Ты Царь сея державы,
Съ оставшими хощу твои принять уставы;
Всеобщей вѣрности я ставлю жизнь въ залогъ.
Ты будь моимъ Царемъ! твой Богъ, мой будетъ Богъ!

Со умиленіемъ Герой сей рѣчи внемлетъ,
И плѣннаго Царя, какъ друга онъ объемлетъ;
Вѣщая: вѣрой мнѣ и саномъ буди братъ!
Услыша тѣ слова, воспрянулъ и ожилъ градъ.

Тогда умножились по граду звучны бои;
Являются Царю Россійскія герои:
Князь Курбскій кровію и пылью покровенъ,
Вѣщалъ: да будетъ въ вѣкъ сей день благословенъ!
О Царь, великій Царь! твои побѣды громки
Со временемъ прочтутъ съ плесканіемъ потомки!

Мстиславскій мечь въ рукѣ какъ молнію носящъ,
Царей Казанскихъ скиптръ въ другой рукѣ держащъ;
Сіе величества тщеславное блистанье,
Къ Монаршескимъ стопамъ приноситъ на попранье.

Щенятевъ плѣнниковъ окованныхъ привлекъ;
Ордынскихъ многихъ силъ, се! тѣнь послѣдня, рекъ;

Тво-

Твоею Царь они рукою побѣжденны;
Мы славны ставъ тобой, за подвигъ награжденны.

Романовъ съ торжествомъ текущій по тѣламъ
Приноситъ знамя то къ Монаршескимъ стопамъ,
Которо мятежей Ордынскихъ знакомъ было;
Оно затрепетавъ, луну къ землѣ склонило.

Шемякинъ окруженъ добычами предсталъ;
Но славой паче онъ, чѣмъ бисеромъ блисталъ.

Микулинскій, сей мужъ Россійскихъ силъ ограда,
Оружія принесъ разрушеннаго града;
Мечи кровавыя, щиты, пищали тамъ,
Какъ горы видятся Монаршескимъ очамъ.

Адашевъ возопилъ: О Царь и храбрый воинъ!
Ты славенъ сталъ; но будь сей славы въ вѣкъ достоинъ!
Спокойство возвратилъ ты не единымъ намъ,
Доставилъ ты его и позднымъ временамъ.
О! естьлибъ ты смирить Казани не рѣшился,
Какихъ бы ты похвалъ, какихъ торжествъ лишился?

Явился Палецкій, парящій какъ орелъ;
По грудамъ онъ къ Царю щитовъ и шлемовъ шелъ;
Хотя рука его корыстей не имѣла;
Но вкругъ его хвала Россійскихъ войскъ гремѣла.

У Шереметева еще и въ оный часъ
Геройскій духъ въ очахъ и пламень не погасъ.

Плещеевъ плѣнниковъ сбираетъ Христіянскихъ;
Въ темницахъ ищетъ ихъ, въ развалинахъ Казанскихъ,
И вкупѣ возвративъ свободу имъ и свѣтъ,
Ко Іоанну ихъ въ объятія ведетъ.

Сбираетъ въ тѣсный кругъ вельможей храбрыхъ Слава,
Вдругъ новый Царь насталъ и новая держава!

Ликуй, Россiйскiй Царь! вѣщалъ ему Алей;
Казань ты покорилъ, и всѣхъ Ордынцовъ съ ней;
Отнынѣ въ вѣкъ Москва останется спокойна.
Но служба ежели моя наградъ достойна,
Въ корысть прошу одну Сумбеку, Государь! . . .
И дружбу съ ней мою прими, вѣщаетъ Царь.

Въ восторгахъ радостныхъ Монархъ привѣтствамъ вне-
Вельможей, воиновъ, съ потокомъ слезъ объемлетъ, (млетъ;
И рѣчь сiю простеръ: Сей градъ, вѣнцы сiи,
Дарите Россамъ вы, сотрудники мои!
И естьли нашихъ дѣлъ потомки не забудутъ,
Вамъ славу воспоютъ, и вамъ дивиться будутъ.
А мнѣ коль славиться возможно въ жизни чѣмъ,
Я славлюсь, что мужей толь храбрыхъ есмь Царемъ!

Внимая небо то, одѣлось новымъ блескомъ,
И рѣчь окончилась общенароднымъ плескомъ.

Разженный къ Вышнему благодареньемъ Царь,
Во градѣ повелѣлъ соорудить олтарь.
Ведомыя къ Царю небесной благодатью,
Сопровождаются чины священны ратью;
Ликуютъ небеса, подземный стонетъ адъ;
Благоуханiемъ наполнился весь градъ.
Гдѣ вопли слышались, гдѣ стонъ и плачь не давно,
Тамъ нынѣ торжество сiяетъ православно;
Божественны стихи пронзаютъ небеса:
Животворящая является роса;

Водою зданія святою окропленны,
Свой пепелъ отряхнувъ, явились оживленны;
И псалмопѣнію священному внемля,
Возрадовались вкругъ и воздухъ и земля.
Тогда среди кадилъ на гору отдаленну,
Олтарь возносится, являющій вселенну;
Хоругвями вокругъ явился огражденъ,
И сталъ недвижимо на камняхъ утвержденъ.
Передъ лицемъ святой и таинственной Сѣни,
Первосвященникъ палъ смиренно на колѣни;
Онъ руки и глаза на небо возносилъ,
И Бога къ олтарю низшедша возгласилъ!
Народъ и Царь главы на землю преклонили,
И радостны огни въ сердцахъ возпламенили.
Тогда, дабы вселить святую благодать,
Тѣла во градѣ Царь велѣлъ землѣ предать;
Онъ теплыхъ слезъ своихъ Ордынцевъ удостоилъ;
По стогнамъ наконецъ священный ходъ устроилъ;
Повсюду пѣніе, повсюду ѳиміамъ.
Гдѣ тартаръ ликовалъ, ликуетъ вѣра тамъ;
Безбожіе взглянувъ на Святость, воздохнуло.

Но солнце на Казань съ веселіемъ взглянуло;
Спустились Ангелы съ лазоревыхъ небесъ;
Возобновленный градъ главу свою вознесъ;
Отъ крови въ берегахъ очистилися волны;
Явились радостью лѣса и горы полны.
Перуномъ пораженъ Раздоръ въ сіи часы,
Терзаетъ на главѣ зміиныя власы;
Со трепетомъ глаза на Благодать возводитъ;
Скрежещетъ, мечется, въ подземну тму уходитъ.

Чело

Чело ко облакамъ Россія подняла,
Она съ тѣхъ дней цвѣсти во славѣ начала.
И естьли кто сіе читающій творенье,
Не будетъ уважать Казани покоренье,
Такъ слабо я дѣла Казанскія воспѣлъ;
Иль сердце хладное читатель мой имѣлъ.
Но Муза! общимъ будь вниманьемъ ободренна;
ЕКАТЕРИНИНЫМЪ ты окомъ озаренна.

КОНЕЦЪ.

STAATSBIBLIOTHEK BAMBERG

12-00
9713/1262
АНТИКВ
маг.
МОГ
№ 1136. П.

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Cheraskov, Michail Matveevič,

Rossijada, poėma ėpičeskaja

Moskva 1786

Bamberg, Staatsbibliothek -- L.russ.o.10-d
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11731104-4